

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

6/2021

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., доц. **О. И. Андреева**; д. ю. н., доц. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора); д. ю. н., проф. **О. В. Болтинова**; д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская**; д. ю. н., проф. **Т. С. Волчецкая**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина**; д. ю. н., проф. **Е. Р. Ергашев**; д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова**; д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина**; д. ф. н. **О. А. Зигмунт** (ФРГ); д. ю. н., проф. **И. А. Игнатъева**; д. ю. н., проф. **С. В. Кодан**; д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко**; д. ю. н., проф. **Н. В. Козлова**; к. ю. н. **Я. Койстинен** (Финляндия); д. ю. н., проф. **А. Н. Кокотов**; д. ю. н., проф. **В. В. Комарова**; к. ю. н., проф. **Т. В. Кондрашова**; д. ю. н., проф. **П. И. Кононов**; д. ю. н., проф. **Е. В. Кудрявцева**; д. ю. н., проф. **П. У. Кузнецов**; к. ю. н., доц. **А. В. Лисаченко**; к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова**; д. ф. н., проф. **И. П. Малинова**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Марочкин**; д. и. н., проф. **В. П. Мотревич**; д. ю. н., проф. **В. В. Никишин**; д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев**; проф. **П. Поликастро** (Польша); д. ю. н., доц. **С. Б. Поляков**; д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло**; д. ю. н., проф. **С. В. Рыбакова**; д. ю. н., проф. **Г. В. Сахнова**; д. ю. н., проф. **Е. В. Смахтин**; д. ю. н., проф. **А. И. Стахов**; д. ю. н., доц. **В. Л. Толстых**; д. ю. н., проф. **А. Трунк** (ФРГ); д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова**; к. ю. н., проф. **С. Д. Хазанов**; проф. **Хуан Даосю** (КНР); д. ю. н., проф. **В. М. Шафиров**; проф. **П. Шокинс** (Бельгия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. Fedorov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.)

O. Andreeva (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **Yu. Bezborodov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **O. Boltinova** (doctor of legal sciences, prof.); **E. Ergashev** (doctor of legal sciences, prof.); **M. Fedorova** (doctor of legal sciences, prof.); **S. Golovina** (doctor of legal sciences, prof.); **Huang Daoxiu** (prof.) (China); **I. Ignatieva** (doctor of legal sciences, prof.); **S. Khazanov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **S. Kodan** (doctor of legal sciences, prof.); **Ja. Koistinen** (candidate of legal sciences) (Finland); **I. Kozachenko** (doctor of legal sciences, prof.); **N. Kozlova** (doctor of legal sciences, prof.); **A. Kokotov** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Kondrashova** (candidate of legal sciences, prof.); **P. Kononov** (doctor of legal sciences, prof.); **V. Komarova** (doctor of legal sciences, prof.); **E. Kudryavtseva** (doctor of legal sciences, prof.); **P. Kuznetsov** (doctor of legal sciences, prof.); **A. Lisachenko** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **T. Loginova** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **I. Malinova** (doctor of philosophical sciences, prof.); **S. Marochkin** (doctor of legal sciences, prof.); **V. Motrevitch** (doctor of historical sciences, prof.); **V. Nikishin** (doctor of legal sciences, prof.); **D. Osintsev** (doctor of legal sciences, prof.); **P. Policastro** (prof.) (Poland); **S. Polyakov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **V. Popondopulo** (doctor of legal sciences, prof.); **S. Rybakova** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Sakhnova** (doctor of legal sciences, prof.); **O. Siegmunt** (doctor of philosophy) (Germany); **P. Schoukens** (prof.) (Belgium); **V. Shafirov** (doctor of legal sciences, prof.); **E. Smakhtin** (doctor of legal sciences, prof.); **A. Stakhov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **V. Tolstykh** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **A. Trunk** (doctor of legal sciences, prof.) (Germany); **L. Vasilevskaya** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Volchetskaya** (doctor of legal sciences, prof.); **S. Zagaynova** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Zametina** (doctor of legal sciences, prof.)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,
редакция «Российского юридического журнала».
Тел./факс (343) 375-54-20.
E-mail: ruzh@usla.ru
electronic.ruzh.org
Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- Архипов С. И. (Екатеринбург)* Предтечи линейной теории социально-правового прогресса..... 5

МЕТОДОЛОГИЯ ПРАВА

- Кодан С. В. (Екатеринбург)* Классификация источников изучения истории политических и правовых учений: основания, типы и виды носителей информации13

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Давлетгильдеев Р. Ш., Вашурина Е. В., Цыганцова С. И. (Казань)* Научно-техническое сотрудничество ЕС и ЕАЭС: новые вызовы и возможности 29
- Федоров И. В. (Екатеринбург)* Интеграция и международные суды 38

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Курятников В. В. (Челябинск)* Конституционный контроль в субъектах РФ: прошлое, настоящее, будущее.....44

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

- Зипунникова Н. Н. (Екатеринбург)* Преемственность в развитии российской образовательно-научной сферы (на примере профессиональной подготовки юристов и юриспруденции)53

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Макутчев А. В. (Тула)* Проблема авторства Эдикта Теодориха 72

ХРОНИКА

- Рябова И. Ю., Рядовых Н. А. (Екатеринбург)* Итоги международной научно-практической конференции «Язык. Речь. Коммуникация: развитие языковой личности в профессиональном дискурсе» 83

CONTENTS

THEORY OF LAW AND STATE

Arkhipov S. (Yekaterinburg) Forerunners of the linear theory of social and legal progress.....5

METHODOLOGY OF LAW

Kodan S. (Yekaterinburg) Classification of sources for studying
 the history of political and legal doctrines:
 classification grounds, types and kinds of information carriers.....13

INTERNATIONAL LAW

Davletgildeev R., Vashurina E., Tsygantsova S. (Kazan) Scientific and technical cooperation
 between the EU and the EAEU: new challenges and opportunities..... 29

Fedorov I. (Yekaterinburg) Integration and international courts..... 38

CONSTITUTIONAL LAW AND PROCEDURE

Kuryatnikov V. (Chelyabinsk) Constitutional control in the constituent entities
 of the Russian Federation: past, present, and future44

PROBLEMS OF LEGAL SCIENCE AND EDUCATION

Zipunnikova N. (Yekaterinburg) Continuity in the development
 of the Russian educational and scientific sphere
 (by the example of professional training of lawyers and jurisprudence)53

PAGES OF HISTORY

Makutchev A. (Tula) The problem of authorship of the Edict of Theodoric..... 72

CHRONICLE

Ryadovykh N., Ryabova I. (Yekaterinburg) «Language. Speech. Communication:
 The development of a linguistic personality in professional discourse»:
 results of the international scientific and practical conference 83

ПРЕДТЕЧИ ЛИНЕЙНОЙ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО ПРОГРЕССА

Архипов Сергей Иванович

Профессор кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
приглашенный профессор Университета «Париж-Нантер» (Париж, Франция),
доктор юридических наук, ORCID: 0000-0003-0154-5494,
e-mail: arhip10@mail.ru.

Исследуются истоки и идейные предпосылки современной теории социально-правового прогресса человечества. Анализируются представления отдельных античных мыслителей (Платона, Аристотеля, Цицерона, римских юристов) об общественном развитии и особой роли права в процессе формирования совершенного социального мироустройства. Отмечается значение христианства в развитии идеи социального прогресса. Подробно рассматриваются концепции общественного прогресса А.-Р. Ж. Тюрго и Ж. А. Кондорсе, раскрываются их достоинства и недостатки.

Ключевые слова: правовое развитие, линейная теория социально-правового прогресса, правовой идеал, правовое будущее человечества, причины и условия социально-правового прогресса

Для цитирования: Архипов С. И. Предтечи линейной теории социально-правового прогресса // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 6. С. 5–12. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_6_5.

FORERUNNERS OF THE LINEAR THEORY OF SOCIAL AND LEGAL PROGRESS

Arkhipov Sergey

Professor, Ural State Law University (Yekaterinburg),
visiting professor, University «Paris-Nanterre» (Paris, France), doctor of legal sciences,
ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

The origins and ideological prerequisites of the modern theory of social and legal progress of mankind are investigated. The ideas of ancient thinkers (Plato, Aristotle, Cicero, Roman lawyers) about the social development and the special role of law in forming a perfect social world order are analysed. The author underlines the importance of Christianity in the development of the idea of social progress. The concepts of social progress of A. R. J. Turgot and J. A. Condorcet are considered in detail, their advantages and disadvantages are revealed.

Key words: legal development, linear theory of social and legal progress, legal ideal, legal future of mankind, causes and conditions of social and legal progress

*For citation: Arkhipov S. (2021) Forerunners of the linear theory of social and legal progress. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp., 5–12, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_6_5.*

Линейная теория социального прогресса – одно из наиболее обстоятельных, аргументированных учений о поступательном, восходящем развитии общества, которое покоится на предположении, что «человечество улучшало свое состояние в прошлом (от некоего первобытного состояния примитивности, варварства и даже ничтоже-

ства), продолжает двигаться в этом направлении сейчас и будет двигаться и дальше в обозримой перспективе»¹. Сторонники данного воззрения (Р. Нисбет, Л. Эдельстайн и др.) полагали, что идея прогресса возникла уже в Античности. По их мнению, древние греки, римляне, иудеи верили в будущее, стремились к идеальному мироустройству и эта вера, целеустремленность сохранились в человеческом сознании и по-прежнему оказывают определяющее воздействие на ход всемирной истории.

Однако их позицию разделяют далеко не все исследователи, есть немало авторов (О. Шпенглер, Г. Норт, С. Яки, А. Ф. Лосев, Ю. В. Андреев и др.), которые отрицают возможность зарождения идеи прогресса в античном, а также в средневековом сознании. Один из выдвинутых ими аргументов – о наличии у древних народов веры в существование «золотого» века человечества – периода счастья, «когда люди не знали ни труда, ни забот» (первые упоминания о нем содержатся в эпическом сказании шумеров «Энмеркар и правитель Аратты»², затем – в мифах древних греков, других народов). Согласно данному представлению все лучшее осталось в далеком прошлом, а настоящее и будущее несут регресс, вырождение нравов, культурную деградацию. Кроме того, утверждается, что у древних греков и римлян отсутствовало «чувство времени», восприятие истории. Некоторые же авторы хотя и признают существование идеи прогресса в дохристианском сознании, но связывают ее с Моисеем, а не с греко-римской культурой.

Тезис о внеисторическом сознании греков и римлян представляется весьма спорным. В качестве возражения можно указать на то, что само слово «история» имеет греческое происхождение (*ἱστορία*) и что к числу выдающихся историков всех времен и народов, «отцов истории», традиционно относятся Геродот и Фукидид. Что касается идеи «золотого века», то она, на наш взгляд, допускает возможность поступательного, прогрессивного развития человечества в настоящем и будущем. В трудах Платона и Аристотеля, с одной стороны, присутствует «дыхание прошлого», восторженное восприятие «счастливого общества» эпохи Кроноса, когда правил лучший (по сравнению с людьми) род даймонов³; с другой стороны, зарождается и развивается мысль о необходимости создания идеального, «правильного» государства, в котором восторжествуют разум и справедливость, произойдет переход от насилия властвующих социальных групп и рабского повиновения народа к общению свободных, равноправных людей. Можно ли упрекнуть античных мыслителей, чье сознание было устремлено к идеальному мироустройству, к основанному на разуме государству и законам, в отсутствии мыслей о социальном прогрессе? Думается, что такое суждение является слишком категоричным. Известный знаток Античности академик А. Ф. Лосев, в целом разделяющий точку зрения о внеисторичности данной эпохи, тем не менее отмечал, что не следует понимать этот тезис механически и буквально, будто в данную эпоху вовсе не было прогресса, что она не знала его⁴.

Древние греки не выстраивали мысленную восходящую линию от прошлого к социальному будущему, как это делает Р. Нисбет и его сторонники, но и не отрицали идею прогресса, как полагают приверженцы другого воззрения. Для платоновско-аристотелевского сознания не характерна слепая вера в «счастливое будущее», но нет и «бегства в прошлое», в нем доминировали рациональное отношение к государству и обществу, понимание целесообразности преобразования, улучшения существующего социального мира, необходимости сделать его более приспособленным для полноценной жизни. Сознание древних греков пластично, оно не успело окостенеть, ему не присущи жесткие схемы, алгоритмы смены исторических периодов, циклов истории, оно не такое прямолинейное, как пытаются его представить авторы двух воззрений, в нем пусть еще в неоформленном, до конца не отрефлексированном виде присутствовали идеи социального прогресса и регресса, были уже предприняты первые попытки познать законы всемирной истории, постичь логику исторического процесса. С учетом внутренней раскованности, открытости к диалогу античных мыслителей их можно рассматривать в качестве предтечи и современной

¹ Нисбет Р. Прогресс: история идеи. М.: ИРИСЭН, 2007. С. 35.

² Крамер С. Н. История начинается в Шумере. М.: Наука, 1965. С. 250–253.

³ Платон. Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, 1998. С. 471.

⁴ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М.: АСТ, 2000. С. 72.

линейной теории общественного прогресса, и нынешних циклических (цивилизационных) теорий.

Не отрицалась идея социального прогресса и в Древнем Риме. Как и их учителя-греки, римляне идеализировали прошлое, но, вместе с тем, были устремлены в будущее. Важный пункт, где их представления о социальном развитии, с нашей точки зрения, даже превосходят греческие, – это идея самоценности права, его особой роли в социальном мироустройстве. Если греческими философами право рассматривалось в одном ряду с другими социальными регуляторами, более того, приоритет отдавался политике, то для римлян именно право имело первоочередное значение в контексте осуществления идеи общественных преобразований, улучшения нравов, развития государства. Как утверждал Цицерон, «к праву и ко всему честному надо стремиться ради него самого... право само по себе требует, чтобы к нему стремились и его ценили»; «пусть все возмущаются, но я выскажу свое мнение: для всякого, кто ищет основ и источников права, одна книжица XII таблиц весом своего авторитета и обилием пользы воистину превосходит все библиотеки всех философов»².

Напомним, именно Древнему Риму принадлежит величайшая заслуга преобразования отдельных представлений о праве в целостную систему, в одну из важнейших социальных наук. Данная наука отождествлялась с естественным разумом, с добром и справедливостью (Цельс). В связи с этим можно высказать «крамольную» мысль, что задолго до кантовско-гегелевского учения о праве в римской юриспруденции пусть в зародышевом состоянии, но уже существовала идея социально-правового прогресса. Речь идет не о конкретной структурированной правовой модели идеального социального устройства общества, а об общем понимании процесса социально-правового развития, осознании того, что без права невозможно справедливое, разумное социальное мироустройство, что будущее человечества неразрывно связано с ним и юридической наукой.

В контексте идеи социально-нравственного прогресса, на наш взгляд, следует оценивать слова Ульпиана о юристах – жрецах права, культивирующих понятия добра и справедливости, желающих, чтобы «добрые совершенствовались» (курсив мой. – С. А.) не только путем страха наказания, но и путем поощрения наградами, стремясь к истинной... философии, а не мнимой»³. В сознании римских юристов уже две тысячи лет назад зародился концепт юриспруденции как науки нравственного совершенствования человечества, от которой зависит социальное развитие человеческого рода. Кроме того, сформировалось четкое представление об особой миссии юристов, которую они призваны осуществлять в процессе преобразования общества, впервые был осмыслен профессиональный долг юридического сообщества (служение идеалам добра и справедливости). Это осознание особого социального предназначения юристов, их общественного долга в конечном счете воплотилось в юридическую материю, в эталонную систему римского частного права. По справедливой оценке Ф. Энгельса, оно есть «совершеннейшая, какую мы только знаем, форма права»⁴. Можно ли в мире духа создать нечто совершенное, не осознавая отчетливо той цели, к которой необходимо стремиться, конструировать идеальную правовую форму без понимания того, на каких принципах она должна основываться и каково должно быть ее социальное предназначение?

Исследователи античного мира может быть и правы в своих суждениях о «непрогрессивности» греко-римского сознания в части художественного творчества, архитектуры, эстетики и т. д., но применительно к правовой сфере два факта римской истории – формирование юридической науки в Древнем Риме и создание образцовой системы римского частного права – опровергают данный тезис. Если это не прогресс, не результат восходящего правового развития общества, то что тогда есть

¹ Цицерон. О законах // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 1: Античность. Восточные цивилизации / отв. ред. Л. Р. Сюкияйнен. М.: Мысль, 1999. С. 239–240.

² Цицерон. Оратор // Антология мировой правовой мысли. Т. 1. С. 247.

³ Дигесты Юстиниана: избр. фрагменты в пер. и с примеч. И. С. Перетерского / отв. ред. Е. А. Скрипилев. М.: Наука, 1984. С. 23.

⁴ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 20. С. 105.

правовой прогресс? Для юристов два указанных события имеют отнюдь не второстепенное значение, по сути, речь идет о правовых революциях в сознании и социальных коммуникациях. От Рима начинается история правовой науки, там зародилась не только отдельная сфера юридического взаимодействия частных собственников (покупателей и продавцов вещей), но также новая, отличная от политики, самостоятельная социально-коммуникативная система, основанная на принципах свободы, равенства и справедливости. Римская история права – это история правового прогресса как отдельного народа, так и всего человечества.

Другой важной идейной предпосылкой линейной теории социально-правового прогресса человеческого рода стало христианство. Как справедливо отметил Гегель, христианство – религия свободы¹, благодаря данному учению идея индивидуальной, субъективной свободы лица начала утверждаться в качестве всеобщего принципа социального мироустройства; в нем он видел «поворотный и центральный пункт в различии между *античностью* и *Новым* временем»². Гегель полагал, что христианское учение, утверждающее, что человек по своей природе зол, по своему нравственному потенциалу выше противоположного учения, признающего человека по натуре добрым. Оно побуждает людей к преодолению зависимости от заложенных в них животных инстинктов, влияния природных импульсов, формирует стремление к духовному, нравственному совершенствованию, к свободе. В этом смысле христианство можно рассматривать как духовную основу идеи поступательного, восходящего социально-правового развития человечества.

Христианские представления о будущем, о судьбе «мира сего», о преодолении земного зла, грубости, насилия, несправедливости и беззакония изначально имели мессианский характер. Вера в спасение, в победу добра над злом, в возможность изменения человеческой природы – нравственная основа, духовный стержень данной религии. В раннем, «исходном» христианстве идеальное мироустройство имело вполне земную «прописку», понималось как посюстороннее политическое царство, созданное для людей, призванное решать их мирские, насущные проблемы³. Идея создания земного рая, справедливого и разумного государства, по сути, является объединительной для последователей христианского учения, деятелей эпохи Просвещения, для отцов-основателей теории правового государства. Раннехристианские представления о социальном прогрессе и счастливом будущем всего человечества, на наш взгляд, до сих пор сохраняются в современной линейной теории социально-правового развития.

В позднем христианстве идеальное царство было перенесено из земного в потусторонний мир⁴. По этой причине оно утратило свой исходный бунтарский характер, заключенную в нем позитивную социально-реформаторскую энергию. Учение, которое изначально было оппозиционным по отношению к действующей власти, нацеленным на общественный прогресс, стремилось преобразовать «грешный» мир, со временем стало доктриной социального умиротворения, утешения страждущих вземными благами. Хотя в некоторых средневековых и современных религиозных сектах, исповедующих учение о тысячелетнем земном «царствовании Христа», идея радикальных общественных преобразований, «возмещения крови и слез», торжества правды не в «царстве небесном», а в современном социальном мире еще живет. Кроме того, в раннем Средневековье получила развитие идея линейного исторического времени, поступательного движения человечества по пути морального прогресса к нравственному совершенству (Аврелий Августин Иппонийский «О граде Божьем»).

В Новое время идея духовного, преимущественно умственного прогресса возрождается в светской литературе, в философских и иных произведениях, в том числе в трудах Ф. Бэкона («Новый Органон», «The Advancement of Learning»), Р. Декарта («Правила для руководства ума», «Первоначала философии» и др.), Д. Дидро, других

¹ Гегель. Философия права / пер. с нем. М.: Мысль, 1990. С. 82.

² Там же. С. 118, 168.

³ История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В. С. Нерсесянц. М.: Наука, 1985. С. 317.

⁴ Там же. С. 319–320.

мыслителей, связывавших развитие социума с развитием науки, с «непрерывным движением мысли». Но лишь в середине XVIII в. зарождается концепция всеобъемлющего социального прогресса человечества. А-Р. Ж. Тюрго одним из первых начал оценивать ход истории как закономерный, неизбежный процесс поступательного развития, имеющий объективный характер. В его «Рассуждениях о всеобщей истории», а также в научных докладах «Об успехах человеческого разума» и «О выгодах, которые принесло человечеству установление христианства» (речи, произнесенные в Сорбонне в 1750 г.) была предпринята попытка представить общую картину социального прогресса, объединив в одно русло тенденции развития науки, «изящных искусств» (живописи, поэзии, музыки), государственного управления, законодательства, хозяйственной жизни и морали.

По мнению Тюрго, смена общественных и политических форм, соединение и разделение государств, социальные революции и перевороты, «все колеблющееся постепенно приближается к состоянию равновесия и со временем принимает более прочное и более спокойное положение... Подобно тому как морские волны спадают тотчас по прекращении бури, их вызвавшей, неизбежные бедствия революций быстро исчезают, благо остается, и человечество совершенствуется»¹. Он не исключал наличие отклонений, зигзагов в историческом процессе, но общий ход истории – это поступательное развитие человечества.

Анализируя факторы социального прогресса, Тюрго задолго до Канта отмечал роль завуалированных, «слепых» факторов прогресса: человеческих инстинктов, честолюбия, жадности, животного стремления к власти, господству и т. д., являющихся мотивами поведения государственных деятелей, монархов и обычных граждан. Они, по его мнению, приводят в движение социальные системы, выступают причинами внутренних и внешних конфликтов, войн, других социальных бедствий; вместе с тем они обуславливают социальный прогресс: хозяйственную активность, позитивные реформы в сфере государственного управления, законодательства, поиск новых путей общественного развития. Но главным фактором, основой прогресса, по убеждению Тюрго, является разум. Прирост знаний обеспечивает динамичное, ускоренное развитие общества, дает превосходство народу, который обладает ими, перед его соседями. Прогресс находится в тесной зависимости от науки, ее достижений, а также от способностей, талантов руководителей, государственных деятелей. Исходя из представлений Тюрго о прогрессе, чрезвычайно полезно, чтобы «труд был разделен сообразно дарованиям... так как все делается тогда лучше и скорее»². На наш взгляд, эта конструктивная идея французского мыслителя имеет большой потенциал, ее следует взять «на заметку» современным социальным реформаторам. Кроме того, как полагал Тюрго, общественному прогрессу благоприятствуют досуг, воспитание, а также наличие средств.

Другой автор, который также предпринял попытку выявить закономерности социального развития, внутреннюю логику исторического процесса, – Ж. А. Кондорсе. В работе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» он утверждал, что «прогресс подчинен тем же общим законам, которые наблюдаются в развитии наших индивидуальных способностей», «способность человека к совершенствованию действительно безгранична», «прогресс может быть более или менее быстрым, но никогда развитие не пойдет вспять»³; более того, с течением времени прогресс ускоряется. Кондорсе отмечал большое значение для интеллектуального развития человеческого рода изобретения письменности, предлагал для целей просвещения, образования создать единый язык научного общения, пригодный для строгих логических рассуждений, точных мыслительных операций и передачи накопленных знаний. Появление такого всемирного языка, по его мнению, стало бы революцией в сфере научного общения, образования.

Для французского мыслителя социальный прогресс – это прежде всего прогресс человеческого разума. Он предполагает накопление знаний, развитие интеллектуальных способностей, преодоление людского невежества. Для ускорения общественно-

¹ Тюрго А-Р. Ж. Избранные философские произведения. М.: Госэкиз, 1937. С. 54.

² Там же. С. 108.

³ Кондорсе Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Госэкиз, 1936. С. 4–6.

го прогресса Кондорсе предлагал последовательно заниматься просвещением народов, распространять знания среди всех слоев населения, что должно способствовать их благополучию и достижению счастья. По его убеждению, процесс познания мира неизбежно предполагает не только открытие истин, но и формирование различного рода предрассудков, человеческих заблуждений, которые являются тормозом прогресса. Особенно опасны те предрассудки, которые сознательно поддерживаются церковью и государственной властью. История прогресса – это история тяжелой непрерывной борьбы разума со сдерживающими его суевериями, предрассудками и теми силами, которые их распространяют.

Если встать на позицию Кондорсе и согласиться с его выводом, что во всяком научном поиске извлечение зерен истины невозможно без шелухи заблуждений и они являются необходимым следствием умственной активности¹, то любая научная теория, включая учение самого автора «Эскиза», в некоторой своей части неизбежно становится лжеучением, тормозящим социальный прогресс препятствием. Развивая эту мысль, следует признать, что каждая теория прогресса в качестве «побочного продукта» предполагает заблуждения, поэтому способна порождать не только позитивный, но и негативный эффект, быть фактором социального регресса (обозначим как «парадокс Кондорсе»). Вопрос лишь в том, что в ней перевешивает: истина или заблуждения.

Концепция социального прогресса французского мыслителя базировалась на идеях естественного права и всеобщей справедливости. Задача законодателя, по его мнению, заключается в том, чтобы создавать законы, обеспечивающие свободу граждан, их безопасность, предотвращать возможность наступления тирании, деспотизма². Законы призваны устранять причины зла, а не его следствия, они должны сдерживать человеческие страсти, противостоять предрассудкам. Хорошие законы ослабляют естественное неравенство людей, предупреждают социальные раздоры, конфликты. Законодателям следует руководствоваться не принципом достижения мнимых политических выгод, а критериями доказанной, признанной социальной пользы. Необходимо стремиться формулировать точные (по аналогии с математикой) правила, гарантирующие соблюдение общих принципов равенства и естественных прав, целью законов должно быть благосостояние людей, мир и благополучие наций³.

Отдельный интерес представляют мысли Кондорсе об условиях и причинах прогресса отдельных народов, наций. В частности, к факторам духовного и социального подъема Древней Греции, ее влияния на всемирное развитие человеческого разума он отнес: 1) демократический строй; 2) отсутствие постоянной внешней угрозы со стороны соседних стран; 3) активную торговлю, заимствование у Востока ценных технических достижений, знаний, ремесел; 4) зарождение и развитие философии, математики, астрономии, медицины, политических и других наук. В более поздние периоды развития человеческого рода причинами возвышения отдельных наций выступали просвещение, книгопечатание, эффективная законодательная система и др.

Кондорсе выделял девять эпох во всемирной истории человечества, десятая – это прогноз социального будущего. В отдельные периоды он отмечал разложение общественных устоев, упадок экономической, духовной жизни (шестая «несчастливая» эпоха), но в целом они, по его убеждению, не опровергают «правильный», «естественный» ход истории. Свои надежды на улучшение состояния человеческого рода он связывал, во-первых, с уничтожением существующего неравенства между нациями, во-вторых, с прогрессом равенства между различными классами одного народа, в-третьих, с действительным совершенствованием человека⁴. По признанию Кондорсе, социальное неравенство возникло и усилилось именно в результате общественного прогресса, но он искренне верил, что в ходе поступательного исторического развития данная проблема будет решена, что поработители и угнетатели других народов станут для них великодушными освободителями и добрыми советниками, банды грабителей чужих богатств начнут нести свет свободы, разума и знаний своим

¹ Кондорсе Ж. А. Указ. соч. С. 13.

² Там же. С. 65–66.

³ Там же. С. 242–243.

⁴ Там же. С. 221.

жертвам. Но что может подвигнуть к милосердию и гуманизму тех, кто не знает другого закона, кроме закона силы, другого ремесла, кроме грабежа? На этот вопрос у французского мыслителя не нашлось однозначного ответа.

Автор «Эскиза» полагал, что в ходе поступательного развития человечества можно по крайней мере уменьшить неравенство между богатыми и бедными, неравенство наследуемых состояний, оплаты труда, а также неравенство образования. Но искоренить их вовсе невозможно, поскольку причины возникновения этих видов неравенства, по его мнению, имеют естественный характер¹. Гражданские законы должны устранять искусственные препятствия на пути экономического оборота, обеспечивать свободу предпринимательства, не допускать монополизм. Также необходимо законодательно закрепить право на пенсионное обеспечение, на вспомоществование женщинам и детям, создать юридическую защиту от возможного разорения, финансового банкротства. Решение проблемы неравенства образования, по мнению Кондорсе, должно исключать всякого рода принуждение или допущение иных форм зависимости. Нужно не только закрепить, но и в финансовом, организационном плане обеспечить общее право на образование.

Следует отметить отношение французского мыслителя к юридической дискриминации женщин, их социальному бесправию. Он один из первых, кто призвал к законодательному признанию их прав, закреплению принципа равенства мужчин и женщин, искоренению предрассудков, способствовавших возникновению уничижительного отношения к женщине: «Одним из наиболее важных для общего счастья результатов прогресса человеческого разума мы должны считать полное разрушение предрассудков, создавших неравенство прав между двумя полами, губительное даже для того, кому оно благоприятствует. Напрасно искали бы мотивов для оправдания этого неравенства в различиях их физической организации, в различии, которое хотели бы находить в силе их ума, в их нравственной отзывчивости. Оно порождено было только злоупотреблением силой, и тщетно пытались оправдать его софизмами»². В этом нравственно-правовом отношении к женщине Кондорсе стоит на ступень выше основателя теории гражданско-правового состояния Иммануила Канта, воспринимавшего женщину как объект правового владения мужа, утверждавшего, что нельзя рассматривать принцип господства мужа над женой как противоречащий естественному равенству полов (он должен быть господином, он приказывает, она повинуется)³.

К числу важнейших задач, которые предстоит решить человечеству, относится, согласно концепции Кондорсе, достижение всеобщего мира. Для него война – это величайшее преступление против народов, которому нет оправдания. Он солидарен с Кантом в том, что вечный союз во имя мира является единственным средством решения данной проблемы. При этом французский мыслитель отмечал, что хорошо организованные учреждения ускорят прогресс братства наций, будут способствовать предотвращению и искоренению международных войн⁴.

Кондорсе, как и многие другие деятели эпохи Просвещения, искренне верил в торжество разума, в способность человечества вершить собственную судьбу; по его убеждению, тираны, деспоты останутся лишь в учебниках истории, а также на театральных подмостках, социальный прогресс неизбежно приведет к тому, что на Земле не будет рабства и других форм политико-правовой зависимости. Его постижение человеческой истории – это скорее попытка ее рационализации, привнесения в нее желаемого смысла, собственных ожиданий, чем объективное, беспристрастное исследование ее «внутренней логики». Кондорсе убежден, что историю можно разумно творить, она рукотворна, что посредством образования, просвещения, «мудрых законов» можно изменить человеческую природу, социальный быт. По его мнению, достаточно просветить людей, открыть для них идеалы правовой свободы, равен-

¹ Кондорсе Ж. А. Указ. соч. С. 228–229.

² Там же. С. 246–247.

³ Кант И. Метафизика нравов в двух частях. Часть первая. Метафизические начала учения о праве // Кант И. Сочинения: в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 194.

⁴ Там же. С. 248.

ства, справедливости, преодолеть существующие предрассудки, заблуждения и ход всеобщей истории будет изменен, человечество перестанет совершать ошибки, метаться из стороны в сторону, пойдет прямым путем к идеальному мироустройству, совершенному социальному строю.

Список литературы

- Гегель. Философия права / пер. с нем. М.: Мысль, 1990. 524 с.
- Дигесты Юстиниана: избр. фрагменты в пер. и с примеч. И. С. Перетерского / отв. ред. Е. А. Скрипилев. М.: Наука, 1984. 456 с.
- История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В. С. Нерсисянц. М.: Наука, 1985. 350 с.
- Кант И. Метафизика нравов в двух частях. Часть первая. Метафизические начала учения о праве // Кант И. Сочинения: в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 109–304.
- Кондорсе Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Соцэкгиз, 1936. 266 с.
- Крамер С. Н. История начинается в Шумере. М.: Наука, 1965. 256 с.
- Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М.: АСТ, 2000. 624 с.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 20. С. 1–338.
- Нисбет Р. Прогресс: история идеи. М.: ИРИСЭН, 2007. 557 с.
- Платон. Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, 1998. 798 с.
- Турго А-Р. Ж. Избранные философские произведения. М.: Соцэкгиз, 1937. 189 с.
- Цицерон. О законах // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 1: Античность. Восточные цивилизации / отв. ред. Л. Р. Сюкияйнен. М.: Мысль, 1999. С. 232–241.
- Цицерон. Оратор // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 1: Античность. Восточные цивилизации / отв. ред. Л. Р. Сюкияйнен. М.: Мысль, 1999. С. 242–253.

References

- Condorcet J. A. (1936) *Eskiz istoricheskoi kartiny progressa chelovecheskogo razuma* [Sketch for a historical picture of the progress of the human mind]. Moscow, Gosekgiz, 266 p.
- Engels F. (1961) *Anti-Dyuring* [Anti-Dühring]. In Marx K., Engels F. *Sochineniya: in 30 vols.*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, vol. 20. pp. 1–338.
- Hegel. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of law], transl. from German. Moscow, Mysl', 524 p.
- Kant I. (1965) *Metafizika nravov v dvukh chastyakh. Chast' pervaya. Metafizicheskie nachala ucheniya o prave* [Metaphysics of morals in two parts. Part one. Metaphysical principles of the doctrine of law]. In Kant I. *Sochineniya: in 6 vols.*, ed. by V. F. Asmus, A. V. Gulyga, T. I. Oizerman. Moscow, Mysl', vol. 4, part. 2, pp. 109–304.
- Kramer S. N. (1965) *Istoriya nachinaetsya v Shumere* [History begins at Sumer]. Moscow, Nauka, 256 p.
- Losev A. F. (2000) *Istoriya antichnoi estetiki. Rannyaya klassika* [History of ancient aesthetics. Early classics]. Moscow, AST, 624 p.
- Nersesyants V. S. (1985) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii. Drevnii mir* [History of political and legal doctrines. The Ancient World]. Moscow, Nauka, 350 p.
- Nisbet R. (2007) *Progress: istoriya idei* [History of the idea of progress]. Moscow, IRISEN, 557 p.
- Platon (1998) *Gosudarstvo. Zakony. Politik* [State. Laws. Politician]. Moscow, Mysl', 798 p.
- Skipilev E. A. (Ed.) (1984) *Digesty Yustiniana. Izbrannye fragmenty v perevode i s primechaniyami I. S. Pereterskogo* [Digests of Justinian. Selected fragments in translation and with notes by I. S. Peretersky]. Moscow, Nauka, 456 p.
- Tsitseron. (1999) *O zakonakh* [About the laws]. In Syukiyainen L. R. (Ed.) *Antologiya mirovoi pravovoi mysli: in 5 vols. Vol. 1: Antichnost'. Vostochnye tsivilizatsii*. Moscow, Mysl', pp. 232–241.
- Tsitseron. (1999) *Orator* [Orator]. In Syukiyainen L. R. (Ed.) *Antologiya mirovoi pravovoi mysli: in 5 vols. Vol. 1: Antichnost'. Vostochnye tsivilizatsii*. Moscow, Mysl', pp. 242–253.
- Turgot A. R. J. (1937) *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works]. Moscow, Gosekgiz, 189 p.

КЛАССИФИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ: ОСНОВАНИЯ, ТИПЫ И ВИДЫ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ*

Кодан Сергей Владимирович

Главный научный сотрудник управления научных исследований, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), доктор юридических наук, профессор, ORCID: 0000-0002-4041-625X, e-mail: tgp@usla.ru.

Автор обозначает цель и задачи классификации источников изучения истории политических и правовых учений и отмечает функции такой классификации. Представлены исследовательские подходы к классификации источников познания истории политических и правовых учений, в том числе диалоговый, историко-интеллектуальный, историко-биографический, историко-информационный. Предлагается выделять три уровня источников: источники изучения творческого наследия мыслителя, источники изучения жизни и деятельности мыслителя и историографические источники изучения истории политико-правовой мысли. Для каждого из уровней рассматриваются отдельные типы и виды источников.

Ключевые слова: история политических и правовых учений, социально-гуманитарное источниковедение, историко-юридическое источниковедение, источниковедение истории политических и правовых учений

Для цитирования: Кодан С. В. Классификация источников изучения истории политических и правовых учений: основания, типы и виды носителей информации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 6. С. 13–28. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_6_13.

CLASSIFICATION OF SOURCES FOR STUDYING THE HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES: CLASSIFICATION GROUNDS, TYPES AND KINDS OF INFORMATION CARRIERS

Kodan Sergey

Chief researcher, professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0002-4041-625X, e-mail: tgp@usla.ru.

The author designates the purpose and objectives of the classification of sources for studying the history of political and legal doctrines and identifies the functions of such a classification. The article presents research approaches to classify sources for studying the history of political and legal doctrines, including dialogical, historical-intellectual, historical-biographical, and historical-informational ones. It is proposed to distinguish three levels of sources: sources for studying the creative heritage of the thinker, sources for studying the life and work of the thinker and historiographical sources for studying the history of political and legal thought. Separate types and kinds of sources are considered for each of the levels.

Key words: history of political and legal doctrines, social and humanitarian source studies, historical and legal source studies, source studies of the history of political and legal doctrines

* Публикация подготовлена в рамках реализации финансируемого РФФИ научного проекта № 20-011-00779 «Историография, источниковедение и методология истории политических и правовых учений: теоретические и прикладные проблемы исследовательских практик».

For citation: Kodan S. (2021) Classification of sources for studying the history of political and legal doctrines: classification grounds, types and kinds of information carriers. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 13–28, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_6_13.

Классификация в науке выступает как «общенаучное и общеметодологическое понятие, означающее такую форму систематизации знаний, когда вся область изучаемых объектов представлена в виде системы классов, или групп, по которым эти объекты распределены на основании их сходства в определенных свойствах»¹. Общая целевая установка классификации – представить на основе предварительно установленных критериев классификационную схему / модель каких-либо объектов, обеспечивающую общее видение какой-либо области знания и способную показать «в надежном и удобном для обозрения и распознавания виде все объекты... предметной области» с выделением «существенной информации»².

Классификация в познавательном плане выступает как инструмент организации и представления знаний в определенной предметной области науки, дает исследователю систему ориентиров и позволяет, как подчеркивает американский физик Р. П. Фейнман, «объяснить весь наблюдаемый мир через небольшое количество элементов, сочетающихся в бесконечно разнообразных комбинациях»³. В целом классификация отражает стремление научного сообщества и отдельных исследователей к приведению в определенный порядок полученных знаний, поиску оснований для установления в исследовательских целях системы объектов, порядка их расположения в классификационной схеме.

Назначение и роль классификации источников в истории политических и правовых учений соответствуют назначению и роли этого метода в исследовательских практиках социогуманитаристики в целом и юриспруденции в частности⁴. Познавание развития политико-правовой мысли опирается на существующие подходы к классификации исторических источников, которые, безусловно, имеют значение и для классификации носителей информации в истории политических и правовых учений, но требуют серьезных корректировок с учетом особенностей ее предмета и междисциплинарного взаимодействия со смежными социально-гуманитарными науками – философией, историей, социологией, политологией и др.

Понимание места и роли классификации источников изучения политико-правовой мысли связано с уяснением значения общественной мысли в развитии общества. Общественная мысль выступает как «осознанное и социально-значимое отображение реально существовавшей и существующей действительности (т. е. общественной жизни) в виде исторически обусловленной динамической системы идей и взглядов того или иного общества, имеющей значение для всего населения и господствующей в данное время»⁵. При изучении общественной мысли обращается внимание на своеобразие предмета анализа – мысли как «нематериальной материи», непосредственно связанной с мыслителем⁶. Общественная мысль и мыслитель выступают как центральные взаимосвязанные основания классификации источников изучения истории политических и правовых учений. Исследование общественной мысли «предполагает использование разнообразных типов и видов исторических источников: содержащих материалы по истории общественной мысли и даю-

¹ Субботин А. Л. Классификация // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В. С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. Т. 2. С. 255–256.

² Субботин А. Л. Классификация. М.: Ин-т философии РАН, 2001. С. 9.

³ Фейнман Р. П. Теория фундаментальных процессов / пер. с англ. под ред. Д. В. Ширкова. М.: Наука, 1978. С. 38.

⁴ Понкин И. В., Редькина А. И. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 37. С. 249–259.

⁵ Пушкарёв Л. Н. Содержание и границы понятия «общественная мысль» // Отечественная история. 1992. № 3. С. 74–76.

⁶ Журавлев В. В. «Нет ничего сильнее мысли». Из опыта подготовки энциклопедических изданий, посвященных общественной мысли России // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2008. № 1. С. 44.

щих возможность воссоздать на их основе ее историю как своеобразного идейного концентрата духовной культуры человечества»¹.

История политических и правовых учений ориентирована на «уяснение и обобщение истории возникновения, теоретического (логико-понятийного) упорядочения и практического использования правовых и политических идей и взглядов в жизни разных народов и стран в течение долгого периода исторического времени – от древней и средневековой вплоть до современной эпохи»². Одновременно в предметной области указанной науки находятся процессы и результаты «возникновения и развития теоретических знаний о государстве, праве, политике и законодательстве, история политических и правовых теорий, история теорий права и государства»³.

Классификация источников познания политико-правовой мысли выступает частью источниковедения истории политических и правовых учений, которое направлено на исследование комплекса теоретических, методологических и прикладных проблем изучения носителей информации о творчестве представителей политико-правовой мысли – сочинений различной жанровой принадлежности, материалов о жизненном пути мыслителей и исследований о них⁴.

Цель классификации источников изучения истории политических и правовых учений состоит в определении принципов и оснований предлагаемых классификационных схем для инструментального обеспечения научно-исследовательских и образовательных практик и для их использования в прикладных целях при анализе доктринальных источников права.

Задачи классификации источников изучения истории политических и правовых учений охватывают три проблемных плана.

В *теоретическом плане* задача классификации состоит в определении ее места в источниковедении, установлении классификационных оснований деления массива носителей политико-правовой информации, создании классификационной модели и описании основных характеристик отдельных элементов классификационной схемы.

В *методологическом плане* задача классификации заключается в проработке методологического инструментария использования классификационных схем в конкретных исследовательских практиках на уровнях поиска, анализа и систематизации массива носителей информации о развитии политико-правовой мысли.

В *прикладном плане* задача классификации усматривается в использовании классификационной модели в поисковых системах баз данных и электронных библиотек и разработке методик и технологий ее применения в интересах исследовательских практик.

Функциональная направленность классификации источников изучения истории политических и правовых учений обеспечивает «свертывание информации, представление огромных объемов материала в сжатом, обозримом виде» и раскрывается в следующих пяти функциях⁵:

1) теоретическая функция – описание исходных оснований и подходов к определению классификационной схемы в целом и ее элементов, максимально соответствующих специфике предмета научной дисциплины;

2) методологическая функция – описание инструментария поиска и работы с конкретными носителями информации с учетом их места в системе источников познания предмета исследования;

3) организационная функция – создание логико-структурной классификационной схемы, которая в качестве матрицы представляет исследователю общее видение массива носителей информации в сфере научного знания;

¹ Пушкарев Л. Н. Некоторые вопросы источниковедения истории русской общественной мысли Х–XIX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. № 3. С. 81.

² Графский В. Г. История политических и правовых учений. М.: Норма, 2009. С. 14.

³ Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений: в 2 т. М.: Норма : Инфра-М, 2018. Т. 1. С. 11.

⁴ Кодан С. В. Источниковедение в структуре истории политических и правовых учений: предмет, целевая направленность, функции, значение // Genesis: исторические исследования. 2021. № 10. С. 28–43.

⁵ Покровский М. П. Введение в классиологию. Екатеринбург: ИГГ УрО РАН, 2014. С. 249–263.

4) информационная функция – представление посредством классификационных схем больших объемов информации в сжатом и обозримом виде для поиска необходимых для исследования источников;

5) прикладная функция – поиск носителей информации и их систематизация по проблематике конкретного научного исследования в соответствии с его предметной направленностью.

Проблема выбора своеобразного ядра и исследовательских подходов к классификации источников изучения истории политических и правовых учений является центральной для определения теоретических и методологических оснований создания классификационной схемы источников изучения политико-правовой мысли.

В качестве исследовательского ядра в классификации источников познания политико-правовой мысли выступает образ мыслителя, поскольку именно он является одновременно объектом и субъектом мысли и формирует определенные образы восприятия окружающей действительности, включая политико-правовую. Эти образы находят выражение в создаваемых мыслителем текстах¹. Посредством изучения источников мыслитель оценивает развитие политико-правовой мысли в *двух пространствах: коэксистенциальном* (на уровне собственного «Я») – через раскрытие связей со своей социально-культурной средой (эпохой, современниками, конкретной социальной группой и т. п.) – и *эволюционном* – через осознание связи с предыдущими и последующими поколениями мыслителей в преломлении хода исторического времени. В исторической науке «„образ“ рассматривается и как отражение результатов чувственного восприятия чего-либо с опорой на исторические источники, и как результат обобщения эмпирического материала, достигнутый через использование логических (типология, моделирование, структурирование) и эстетических приемов анализа»².

Диалоговый подход к классификации источников изучения истории политических и правовых учений предполагает вхождение мыслителя в пространство источников познания политико-правовой мысли, «обращение» к нему через различные носители информации. Суть такого диалога определяет А. Я. Гуревич: «Изучение картин мира, сменяющих одна другую в истории, властно побуждает историков действовать именно так, как повелевает природа исторического ремесла, а именно: изучать свой предмет – человека в обществе... каков он по своей сути, т. е. в качестве деятельного, мыслящего и чувствующего субъекта, автора и актера жизненной драмы истории, собеседника, участника диалога между прошлым и настоящим... История – не наука о политико-экономических абстракциях и не „социальная физика“, это наука о живых людях и коллективах, в которые они организованы, и, следовательно, современный историк, намеревающийся раскрыть тайны прошлого, не может не обращаться со своими вопрошаниями к людям, некогда жившим, и пытаться завязать с ними диалог, т. е. поставить сохранившимся источникам, созданным этими людьми, интересующие его вопросы и стараться расслышать их ответы, расшифровать их послания»³. Понимание диалогичности познавательного процесса через своеобразную триаду его основных компонентов – «мыслитель – текст – исследователь» – позволяет выстроить классификационную модель источников изучения развития политико-правовой мысли, которые формируются вокруг жизни и деятельности именно мыслителя как творца, создателя учений о государстве и праве.

Современные подходы к исследованию истории и классификация источников изучения политико-правовой мысли достаточно тесно взаимосвязаны. Формирование и развитие современных направлений изучения различных сторон социальной истории имеет принципиальное значение для определения подходов к классификации источников ее познания.

Активное развитие источниковедения в социально-гуманитарных науках привело к тому, что общие классификационные схемы изучения источников в отдельных

¹ Вильданов У. С., Вильданов Х. С., Вильданова Г. Б. Я-концепция мыслителя как системосозидающий фактор его философии // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1-1. С. 611–614.

² Мазур Л. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического знания // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 168.

³ Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». 2-е изд. СПб.: Центр гуманитарных инициатив; М.: Университетская книга, 2014. С. 311.

научных дисциплинах достаточно хорошо проработаны и активно используются, но относительно источников познания истории политико-правовой мысли они требуют определенных корректив и учета наработок в смежных научных дисциплинах: истории философской, политической, социологической, экономической мысли.

Историко-интеллектуальный подход к классификации источников изучения истории политических и правовых учений ориентирует на создание классификационных схем с учетом современного понимания интеллектуальной истории. Предметное поле последней охватывает «все виды творческой деятельности человека (включая ее условия, формы и результаты) в общем интеллектуальном пространстве и долгосрочной исторической ретроспективе»; в основе интеллектуальной истории находится «широкий контекстуализм, связь изучаемых ею идей с культурным и социальным контекстами (взаимосвязь „внутреннего“ и „внешнего“), в которых они рождались, развивались, транслировались, видоизменялись или прерывались»¹.

Историко-интеллектуальный подход к классификации источников изучения истории политических и правовых учений подразумевает создание классификационных схем, которые обеспечивают возможность для вступления исследователя в диалог не только с текстом, но и с эпохой. Л. П. Репина обращает внимание на то, что «в настоящее время принципиальным... становится учет взаимодействия между движением идей и теми социальными, политическими, религиозными, общекультурными контекстами, в которых идеи возникают, распространяются и трансформируются»². Также отмечается, что «интеллектуальная история ориентирована на реконструкцию исторического прошлого каждой из областей и форм знания... как части целостной интеллектуальной системы, переживающей со временем неизбежную трансформацию. Она также призвана выявлять исторические изменения фундаментальных принципов, категорий, методов и содержания познания, изучать процессы становления и развития научной картины мира, стиля мышления, средств и форм научного исследования в общем контексте духовной культуры, социально-организационных и информационно-идеологических условий конкретной эпохи»³.

Историко-биографический подход к классификации источников изучения истории политических и правовых учений связан с восприятием мыслителя как центральной фигуры истории. В социогуманитаристике давно признано, что биографический подход применим к творцам произведений культуры, науки и философии, при обращении к нему «объектом исследования становятся жизненная и идейная траектория авторов, воплощающаяся в личных документах (автобиографиях, биографиях, переписке и др.)»⁴. В современной социогуманитаристике биографический подход не только получил статус междисциплинарного, но и активно используется в исследовании общественной мысли в предметных срезах различных научных дисциплин – истории, философии, социологии, политологии, юриспруденции и др.⁵

Историко-биографический подход в истории политических и правовых учений предполагает воссоздание исследователем биографии мыслителя, как правило, в виде общей биографической справки или биографического контекста анализируемого произведения (совокупности произведений). Но в наиболее полном виде этот подход может быть осуществлен при создании ученым «интеллектуальной биографии» того или иного представителя политико-правовой мысли, в которой концентрируется «вся совокупность фактов личностного, профессионального, ситуационного и библиографического характера». Такая биография представляет собой исследование «об отношении между идеями и жизнью». «Траектория творческой жизни

¹ Маловичко С. И. Интеллектуальная история // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 135–137.

² Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 338.

³ Там же. С. 348.

⁴ Огурцов А. П. Биографический метод // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. и сост. И. Т. Касавин. М.: Канон+, 2009. С. 87.

⁵ Голубович И. В. Биография: методология анализа в гуманитарном знании // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 33. № 3. С. 84; Петрина А. Б. Возможности современной интеллектуальной истории для развития научно-биографического жанра // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9. № 1. С. 333.

персонажа – на разных ее отрезках – должна возвращать читателя к необходимости последовательного сопоставления результатов деятельности ученого в разных интеллектуальных контекстах, включая предшествующее этой деятельности состояние науки, *современность* – с позиции героя биографии, *актуальность* – с точки зрения самого биографа, а также видение им *перспектив* дальнейшего развития науки»¹.

В источниковедческом плане историко-биографический подход персонифицирует носителя информации и позволяет оценить взгляды отдельных творцов в контексте эпохи и социального пространства их жизни и творчества. В научных исследованиях признано, что без обращения к биографической составляющей невозможно «восприятие мыслителя в его идейно-мировоззренческом становлении, а также с учетом его вклада в понимание определенного предмета изучения и истолкования, его ограниченности или прозорливости, особенностей последующих истолкований его идейного наследия вплоть до современных толкований»².

Историко-информационный подход к классификации источников изучения политико-правовой мысли обеспечивает рассмотрение носителей информации как продуктов интеллектуальной деятельности человека в контексте возможностей передачи ими сведений о развитии политико-правовой мысли. Этот подход, получивший первоначально название «информационный», стал позиционироваться в качестве самостоятельного в исторической науке в 1970-е гг. Он акцентировал внимание исследователей на том, что «под информацией понимают всю совокупность сведений, которые содержатся в исторических источниках», а «возникновение большинства исторических источников представляет собой информационный процесс, в котором фигурируют объект – отражаемая реальность, субъект – творец источника и информация – результат отражения объекта субъектом. Этот процесс, как и всякий информационный, всегда имеет прагматический аспект, т. е. творец источника всегда преследует определенную цель, выявляя сведения об объективной действительности»³. На этой основе в научный оборот и образовательный процесс было введено понятие «исторические источники», под которыми понимается «все, отражающее развитие человеческого общества и являющееся основой для его научного познания, т. е. все, созданное в процессе человеческой деятельности и несущее информацию о многообразных сторонах общественной жизни»⁴.

Информационный подход в современной социогуманитаристике (на рубеже XX–XXI столетий) был представлен в трудах О. М. Медушевской в рамках когнитивно-информационной теории, где источниковедение рассматривается как «эмпирическая гуманитарная наука, объектом которой являются интеллектуальные продукты, созданные в ходе целенаправленной человеческой деятельности, а предметом – конкретная содержательная значимость их информационного ресурса как источников для изучения человека, общества и мира в целом. Предметом источниковедения выступает изучение свойств эмпирического макрообъекта как источника информации, разработка его свойств и методов оценки значимости информационного ресурса этого объекта»⁵. О. М. Медушевская подчеркивает, что в информационно-коммуникативном пространстве обеспечивается «связь между человеком и социумом через созданный одним и прочитанный „другими“ интеллектуальный продукт... каждый созданный интеллектуальный продукт уже в момент своего создания пополняет совокупный ресурс человечества и может быть актуализирован теперь и всегда»⁶. Источники познания как носители исторической информации и как продукты целенаправленной человеческой деятельности выступают в качестве своеобразных «информационных посредников» между прошлым и настоящим.

В источниковедении истории политических и правовых учений историко-информационный подход приобретает особое значение для понимания информационных

¹ Репина Л. П. Биографический подход в интеллектуальной истории // Философский век. Альманах. 2006. Вып. 32. Ч. 2. С. 104–105.

² Графский В. Г. Указ. соч. С. 25.

³ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. С. 127–128.

⁴ Источниковедение истории СССР: учеб. / под ред. И. Д. Ковальченко. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1981. С. 8.

⁵ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории // Медушевская О. М. Собрание сочинений: в 4 т. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. Т. 1. С. 414.

⁶ Там же. С. 98–99.

характеристик отдельных типов, видов и разновидностей источников познания развития политико-правовой мысли.

Методологические основания классификации источников изучения истории политических и правовых учений в целом базируются на методологии исторического источниковедения. Сложившиеся методологические подходы к классификации исторических источников могут быть использованы для создания классификационной схемы в истории политических и правовых учений.

Источниковедческий метод в классификации носителей информации является системообразующим, поскольку «источниковедение исследует произведения, созданные людьми целенаправленно и осознанно, как целостный, внутренне взаимосвязанный объект, как совокупность с присущими данной эпохе (культуре) типологическими и видовыми свойствами, способами функционирования, особенностями информационного поля»¹. Источниковедческий метод выступает как «логически непротиворечивый, доказательный путь установления параметров информационного ресурса (его значимости), сложившегося под влиянием отношений изучаемого продукта как части более общих системных уровней исторического целого (под влиянием исторических условий возникновения, авторского жизненного мира, обстоятельств создания, назначения продукта и других структурно-функциональных зависимостей)»².

Методология классификации источников в историческом источниковедении исходит из тезиса о том, что «интеллектуальные продукты человеческой деятельности при всем разнообразии и даже уникальности их индивидуальных свойств в основе своей имеют определенные типологические модели, определенные структуры» и, соответственно, «такие общие свойства позволяли исследователям выделять в многообразии исторических источников определенные группы»³.

Источниковедческий метод нацеливает исследователя на работу с источниками в своеобразной форме «диалога с мыслителем и его временем», когда исследовательская гипотеза строится на основе самого широкого круга носителей информации, позволяет через источники реконструировать и показать развитие замысла и идей автора до их воплощения в политико-правовом сочинении и от произведения, его доктринальных положений вернуться к условиям сознания труда.

Структурный метод в классификации источников сформировался на основе структурализма – интеллектуального движения в науке в 1950–1960-е гг. Структурализм «создает новую категорию объекта, который не принадлежит ни к области реального, ни к области рационального, но к области функционального, и тем самым вписывается в целый комплекс научных исследований, развивающихся на базе информатики»⁴.

Структурные характеристики источников коррелируют со структурным методом их изучения. О. М. Медушевская, указывая на необходимость обращения в исследовательских практиках к данному аспекту изучения носителей информации, подчеркивает: «Ученый рассматривает целую серию однотипных произведений, созданных в различное время различными авторами и наполненных совершенно конкретным разнообразным содержанием, и в то же время эти созданные независимо друг от друга произведения оказываются созданными по определенной структурной модели. Она, в свою очередь, как это выясняется при изучении, во многом определяет особенности информационного ресурса этих источников, их способы соотношения с исторической реальностью»⁵.

Через структурный метод исследователем раскрывается общая идея текста, показывается концептуальный смысл его организации, выделяются его смыслообразующие части, акцентируется внимание на содержащейся в нем доктрине и ее элементах. Структурный метод также позволяет проанализировать жанровые формы по-

¹ Медушевская О. М. Источниковедение: теория, история и метод // Медушевская О. М. Собрание сочинений. Т. 2. С. 93.

² Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. С. 415.

³ Там же. С. 314.

⁴ Барт Р. Структурализм как деятельность // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 253–261.

⁵ Там же.

литико-правовых текстов, показать их место в классификации источников изучения истории политических и правовых учений.

Метод классификации в познании литико-правовой мысли ставит акцент на упорядочивании продуктов интеллектуальной деятельности как носителей информации и связан прежде всего с созданием классификационных схем по типам, видам и разновидностям источников. Большое значение для классификации имеют выявление и учет свойств отдельных видов источников. Тем самым классификация в источниковедении становится универсальным средством обозрения корпуса источников и поиска отдельных носителей информации для конкретных исследовательских практик и определения их информационной ценности для раскрытия предмета конкретной научной работы.

Метод классификации позволяет обозначить и учесть особенности источников с точки зрения их информационно-содержательной нагрузки и выделить в них три информационных аспекта, которые необходимо принимать во внимание при построении классификационных схем в пространстве изучения истории политических и правовых учений.

Синтаксический аспект информации ориентирован на выделение наиболее общего уровня классификации исторических источников – «по методам и формам отражения действительности». Вся совокупность источников может быть разделена «на четыре категории (или типа): вещественные, письменные, изобразительные (изобразительно-графические, изобразительно-художественные и изобразительно-натуральные) и фонические»¹, которые могут изменяться с изменением системы носителей информации в условиях развития технических средств ее передачи и хранения.

Прагматический аспект информации проявляется в видовой классификации источников, указывает «на единство целевого назначения информации для ее получателя, субъекта» и «создает возможность применения единых принципов и методов ее источниковедческого и конкретно-исторического анализа»².

Семантический аспект информации подразумевает систематизацию носителей исторической информации в рамках конкретного научного исследования и представляет «группировку типов и видов источников по степени их ценности для изучения интересующих исследователя явлений исторической действительности», которая проводится «на основе выделения исследователем тех или иных сторон и черт исторической действительности»³.

Реализация метода классификации в историческом источниковедении позволила определить типовидовые подходы к классификации носителей информации. Классификационная схема на основе указанных подходов подразумевает распределение исторических источников по типам и видам. При этом, как подчеркивает О. М. Медушевская, «каждый тип и каждый отдельный вид (и разновидность) произведений очень специфичны, и поэтому для их изучения необходимы разнообразные специальные знания»⁴.

Тип исторических источников представляет собой классификационную единицу, которая отражает их «деление (распределение) на основе синтаксической (знаковой) стороны, содержащейся в них социальной информации, т. е. по сходству методов и форм кодирования, хранения и передачи информации о прошлом»⁵. Типологическая классификация источников изучения истории политических и правовых учений отдает преимущество письменному типу источников – текстам произведений мыслителей, текстуальным носителям информации о них и исследованиям о творцах. В исследованиях могут использоваться и другие типы носителей историко-юридической информации: вещественные, фонетические, визуальные и др.

Вид исторических источников выступает в качестве основной классификационной единицы в источниковедении и рассматривается как «исторически сложивша-

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 135.

² Там же. С. 136.

³ Там же. С. 135–138.

⁴ Медушевская О. М. Источниковедение: теория, история и метод. С. 173.

⁵ Георгиева Н. Г. Историческое источниковедение: теоретические проблемы: учеб. М.: Проспект, 2016. С. 219.

яся совокупность исторических источников, у которых общность социальной функции при возникновении и функционировании в общественной практике порождает (обуславливает) устойчивость общих свойств структуры (формы) и содержания»¹. О. М. Медушевская отмечает, что «классификация по видам является наиболее важной, отвечающей главной задаче источниковедения»². При этом категория вида рассматривается в трех аспектах: вид как феномен исторической реальности и как реально существующая совокупность носителей информации, объединенных определенными признаками; вид как средство поиска отдельных носителей исторической информации через общие черты исторических источников, определенные как основания в классификационной схеме; вид как познавательная категория источниковедения, позволяющая в рамках видовой общности носителей исторической информации исследовать их функциональную взаимосвязь, единство и специфику формы и содержания, значение в социальных процессах.

Разновидность исторических источников выступает как внутривидовая классифицирующая единица, которая позволяет в рамках вида исторических источников выделить носители информации с более узкими целевыми установками и функциями, объединенные как общим видовым, так и специфическим назначением.

Создание классификационной схемы источников познания развития политико-правовой мысли требует опоры на общую модель классификации источников в историческом источниковедении, учета содержательной специфики источников изучения истории политических и правовых учений, а также наличия специальных знаний для выстраивания классификационной схемы именно в рамках указанной историко-юридической науки.

Одновременно нужно учитывать *полисистемность* и *полифункциональность носителей информации*, непосредственно или опосредованно связанных с исследованием истории политических и правовых учений. Полисистемность источников в данном контексте предполагает определение характеристик их совокупности как сложно организованной системы с фиксацией подсистем носителей информации, связанных с комплексным, всесторонним изучением жизни, деятельности и творчества мыслителей. Полифункциональность источников является имманентным качеством носителей информации по истории политико-правовой мысли, предполагающим возможность привлечения каждого из носителей информации для реализации различных функций в изучении предмета данной науки.

Классификационная схема источников изучения истории политических и правовых учений может быть выстроена на основе выделения и распределения носителей информации, которые имеют отношение к мыслителю как главному субъекту в развитии политико-правовой мысли и как объекту ее изучения. Связанные с мыслителем носители информации характеризуют его жизнь, деятельность, творчество, коммуникации, социально-политические условия создания произведения и др. Они отражают личностное восприятие и анализ мыслителем политико-правовых явлений и событий, фиксируют их на документально-субъективном уровне в различных формах.

Уровни классификации источников представляют собой совокупность классификационных группировок, расположенных на одних и тех же ступенях классификации. Именно поэтому необходимо понимание особенностей источников изучения политико-правовой мысли с точки зрения заложенной в них информации и «встраивания» их в соответствующие классификационные единицы источников: уровень – вид – разновидность. Следовательно, предлагается определение классификационных параметров и выделение трех уровней источников: источники изучения творческого наследия мыслителя, источники изучения жизни и деятельности мыслителя и историографические источники изучения истории политико-правовой мысли – с обозначением в их составе видов и разновидностей.

Источники изучения творческого наследия мыслителя выступают как первый уровень носителей информации и связаны прежде всего с его произведениями. Творческое наследие как элемент социальной памяти в зафиксированном виде и текстуальной форме входит в культурное наследие человечества.

¹ Георгиева Н. Г. Указ. соч. С. 222.

² Медушевская О. М. Источниковедение: теория, история и метод. С. 171.

Проблема классификации источников данного вида состоит в том, что при признании произведений мыслителей в качестве базовых источников изучения развития политико-правовой мысли раскрытие их замысла, идей и содержания не представляется возможным вне исследования всего комплекса носителей информации. Именно различные подготовительные материалы в дополнение к основному тексту позволяют показать процесс создания произведения. Более того, сохранившиеся фрагменты незавершенных произведений помогают их реконструировать и ввести в научный оборот новые тексты, расширив массив материалов по истории политико-правовой мысли. Не менее важным аспектом раскрытия содержания политико-правового учения в произведении мыслителя является функционирование его текстов в пространстве общественной мысли во взаимодействии с текстами других авторов, отражающими обсуждение и критическую оценку политико-правовых проблем общества.

Произведения мыслителя – это основные продукты его интеллектуальной деятельности, основной вид носителей информации, позволяющих изучать политико-правовую мысль. В этом плане практически любое политико-правовое произведение является выражением как взглядов мыслителя на вопросы развития политики, государства и права, так и индивидуальности творца, его идейно-ценностных ориентиров.

Жанровые разновидности произведений выступают как формы выражения взглядов мыслителей относительно политики, государства и права, представленные посредством текстов, которые характеризуют особенности исторических периодов с присущими для них способами и стилистикой выражения идей, концепций, учений. Изучение жанрового многообразия политико-правовых текстов опирается на современные исследования жанров в филологии, исторической науке и истории философии. Жанровые характеристики могут быть использованы в классификации и последующем анализе политико-правовых произведений. Для составления классификационной схемы источников изучения истории политических и правовых учений весьма полезен представленный в истории философии опыт жанрового анализа, в рамках которого выделяются и характеризуются отдельные жанровые формы: афоризм, исповедь, диалог, апология, трактат, эссе, статья, монография, диссертация и др.¹ Особое значение имеют произведения мыслителей, облеченные в форму проектов и программ политико-правовых преобразований, законопроектов и других документов юридического характера.

Рукописи произведений мыслителя и используемые при их создании подготовительные материалы выступают в качестве источников, позволяющих исследовать подготовку и содержание завершенных текстов. Без привлечения данного массива источников познания невозможно провести качественное исследование произведений мыслителя. При этом на первый план выдвигается проблема содержательного соотношения опубликованных текстов и подлинных рукописей произведений, поскольку последние могут быть подвергнуты изменениям под влиянием политических и социальных условий их создания, цензуре или редактированию при первоначальном издании и переизданиях и другим коррективам.

Разновидности рукописей и подготовительных материалов включают в себя черновые и беловые рукописи, наброски отдельных сюжетов, планы произведений с различной степенью их проработанности, выписки из источников, конспекты изученной литературы, пометки на полях книг и др. Данная группа источников непосредственно связана с эго-документами. Наиболее приемлемы здесь наработки литературного источниковедения, в котором представлен анализ источников информации для изучения создания произведений различных литературных жанров².

Источники изучения коммуникаций мыслителя – это носители информации, которые характеризуют сферу общения представителя политико-правовой мысли и ее

¹ Многообразие жанров философского дискурса: коллектив. моногр. / под общ. ред. В. И. Плотникова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. Вып. 18; Хлебникова О. В. Классификация жанров философской литературы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Т. 1. № 4. С. 201–207; Корнев А. В. Жанровые формы (источники) в истории политических и правовых учений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 5. С. 78–90.

² Бельчиков Н. Ф. Литературное источниковедение. М.: Наука, 1983.

отражение в текстах его произведений. Этот массив текстов как произведений вторичного характера представляет источниковую базу для изучения места и роли мыслителя в пространстве политико-правового дискурса как в синхронных, так и в диахронных исследовательских проекциях.

Разновидности носителей информации о профессиональных коммуникациях мыслителя различны. Чаще всего это произведения других авторов, которые содержат оценочные положения относительно труда мыслителя. Формами таких текстов выступают рецензии, статьи, монографии, доклады и материалы дискуссий на научных мероприятиях и др., в которых внимание акцентируется на анализе, критике и оценке изученных и осмысленных другими субъектами явлений, представленных в конкретных текстах. Изучение названных произведений позволяет проследить традиции и преемственность в развитии общественной мысли, показать направления ее развития и основные темы и проблемы, волновавшие мыслителей.

Источники изучения жизни и деятельности мыслителя представляют собой комплекс носителей информации биографического характера, обеспечивающих «синтез всех слагаемых, центральной осью которых является история жизни героя, куда включаются событийная канва жизненного пути, психологические особенности, внутренний мир героя, его творчество, взаимоотношения со своей эпохой»¹. Через эту группу источников происходит персонализация истории политических и правовых учений, она предстает для исследователя через биографии авторов политико-правовых произведений. Работа ученого в качестве биографа связана с тем, что он «тщательно собирает источники: листы книг, писем, дневников, листы воспоминаний современников... встает на трудный и опасный путь воссоздания утраченного целого, реконструкции личности по документам, всегда неполным, двусмысленным, всегда несущим в себе субъективную позицию своего создателя»². Эта группа источников достаточно разнообразна, но их связывает то, что они являются свидетельствами, исходящими непосредственно от мыслителя («самосвидетельствами»), и характеризуются наиболее высоким уровнем субъективности представленной в них информации.

В современной исторической науке сложилось устойчивое мнение, что субъективность таких носителей информации не только не является их недостатком и не препятствует их использованию как исторических источников, но и повышает их ценность как носителей информации в контексте возможности рассмотрения значительно более широкого спектра вопросов. Л. П. Репина подчеркивает: «Такие „ненадежные“, „субъективные“ источники, как дневники, письма, мемуары и другие продукты творческой деятельности индивида, в которых запечатлен его эмоционально-психический и интеллектуальный мир, его самосознание и жизненный опыт, вышли на первый план не вопреки, а именно благодаря своей субъективности»³.

Биографические источники изучения жизни и деятельности мыслителя как носители информации по истории политико-правовой мысли непосредственно отражают жизненный путь мыслителя, представленный им самим. Это чаще всего именно «рассказ человека о себе и событиях своей жизни», «вид исторического свидетельства, главной отличительной особенностью которого является субъективно-личностный характер»⁴. Автобиография имеет ярко выраженное личностное начало, от авторского «Я» зависят отбор жизненного материала, расстановка акцентов и разворачивание отдельных сюжетов, касающихся личности и ее окружения, происходящих событий и т. п. Все это требует от исследователя учета «документальности источника» и критического отношения к нему.

К разновидностям биографических материалов относятся *биографическая анкета* (опросный лист, заполняемый самим опрашиваемым или соответствующим долж-

¹ Померанцева Г. Е. Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощения серии. М.: Книга, 1987. С. 82.

² Лотман Ю. М. Карамзин. СПб.: Искусство, 1997. С. 11.

³ Репина Л. П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: образы и судьбы: сб. науч. ст. / отв. ред. Л. П. Репина. СПб.: Алетейя, 2010. С. 8.

⁴ Зарецкий Ю. П. Автобиография // Российская историческая энциклопедия: в 18 т. / гл. ред. А. О. Чубарьян. М.: Олма Медиа Групп, 2015. Т. 1. С. 108.

ностным лицом и выступающий как первичный элемент в изучении биографических сведений); *автобиография* (личное повествование автора, которое с той или иной степенью детализации освещает основные этапы его жизненного пути); *интеллектуальная автобиография* (свидетельства автора о его жизни, времени, окружении, приоткрывающие читателю мир исканий мыслителя, показывающие формирование его ценностных ориентаций, основания и развитие его идей и концепций и т. п.).

Личностно-коммуникационные источники изучения жизни и деятельности мыслителя – это носители информации о восприятии и интерпретации им происшедших событий с учетом окружающего его социального пространства. Они выступают как источники личного происхождения, «функцией которых является установление межличностной коммуникации в эволюционном и коэксистенциальном целом и автокоммуникации»¹. Документальность данного вида источников неразрывно связана с уровнем включенности автора в описываемые события, а их информационная ценность определяется непосредственным участием в событиях или описанием их со слов других. Их неотъемлемым качеством является «субъективность документальности», поскольку историческая информация прошла через сознание и восприятие мыслителем происходящих событий, связана с его памятью и личной биографией, а также отражает при передаче информации личные взгляды и позиции автора.

Разновидности личностно-коммуникационных источников изучения жизни и деятельности мыслителя включают в себя: *дневники* как оперативно пополняемый текст, каждодневно или с небольшими временными промежутками фиксирующий личные и внешние события в форме хроник и размышлений; *частную переписку* в качестве личного обращения автора к одному или нескольким адресатам, содержащего и отражающего широкий спектр личных оценок и суждений, мотивов, ценностей, принципов, убеждений, потребностей, интересов, эмоций, чувств, переживаний и настроений автора; *мемуары* – воспоминания мыслителя как участника или очевидца исторических событий с их авторской оценкой и представлением сведений об эпохе, ее отдельных людях, их взглядах и действиях. Мемуары могут быть в форме *мемуарно-биографических, мемуарно-документальных, мемуарно-портретных и мемуарно-художественных произведений*.

Источники изучения социальных и политических условий деятельности мыслителя – разнообразный пласт носителей информации, характеризующих его взаимоотношения с внешней средой, в которой протекал процесс его творчества.

Разновидности документов, связанных с изучением жизни и деятельности мыслителя, могут относиться к политической, государственной, общественной, профессиональной и иным сферам деятельности представителя политико-правовой мысли. Такие документы могут описывать систему взаимоотношений с различными органами государства, в том числе, в области идеологического и цензурного надзора (например, материалы о привлечении к судебной ответственности или применении внесудебных мер репрессии).

Историографические источники изучения истории политических и правовых учений отражают процесс накопления и репрезентации знаний относительно творческого наследия мыслителей и их представление в трудах ученых по истории развития политико-правовой мысли.

«Историографическими источниками является группа видов исторических источников, реализующих функции презентации и позиционирования исторического знания, как научного, так и социально ориентированного». Историографический источник воспринимается как «произведение творческой активности человека, продукт культуры», позволяет современному исследователю «выявлять целеполагание автора исторического труда, сознательно осуществлявшего акт историописания, выполнявшего определенную функцию в социуме»². Отмечается, что «принцип целеполагания позволяет проводить видовую классификацию историографических источников,

¹ Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие. М.: РГГУ, 1998. С. 466–467 (автор главы 1 раздела 2 – М. Ф. Румянцева).

² Маловичко С. И. Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 40.

выделяя такие их виды, в которых презентуется историческое знание: монографии, статьи, диссертации, тезисы, исторические очерки, рецензии, учебные пособия и т. д.»¹.

Научные труды исследователей политико-правовой мысли выступают в качестве основного историографического источника и как историографические факты являются формой отражения результатов научной деятельности в сфере истории политических и правовых учений. Это научные произведения о мыслителе и его творческом наследии в различных предметных срезах и самых широких исследовательских контекстах, которые выступают результатом научной рефлексии по поводу идей, концепций и учений политико-правового характера.

Источники изучения истории политико-правовой мысли имеют следующие разновидности (определяемые предметной направленностью исследования): *биографическое исследование*, посвященное изучению жизненного пути мыслителя и анализу его политико-правового наследия; *проблемное исследование*, направленное на рассмотрение одного из определяющих вопросов политико-правовой мысли через изучение наследия мыслителя (группы мыслителей); *тематическое исследование*, обращенное к рассмотрению специального вопроса или отдельного аспекта темы, связанного с изучением политико-правового наследия одного или нескольких мыслителей.

Научные труды по историографии истории политических и правовых учений как носители информации характеризуют научно-историографическую деятельность – вклад отдельных ученых, научных коллективов и научных школ в «написание истории» изучения политико-правовой мысли.

Научные труды по историографии истории политических и правовых учений могут быть следующих разновидностей: *биоисториографические исследования*, которые ориентированы на рассмотрение жизненного пути и вклада отдельного ученого в изучение истории науки; *историко-научоведческие исследования*, направленные на изучение развития науки, ее места в системе научных дисциплин, ее влияния на формирование юридического мировоззрения и мышления и др.; *проблемные исследования*, связанные с разработкой отдельных вопросов развития науки.

Источники изучения историографической деятельности ученых представляют собой носители информации, показывающие характер «творческой лаборатории» исследователя. Именно они позволяют реконструировать все то, что остается за рамками научного произведения – в личном архиве ученого, и изучить мотивы создания конкретного произведения, подготовительные материалы, методологию, методику и технологии исследования, обоснование выводов.

Разновидности источников изучения историографической деятельности мыслителя включают в себя собранные материалы, наброски планов и сюжетов научных произведений, письма, дневниковые записи, воспоминания и др. Они показывают историческую обстановку создания научных произведений, отношения в научной среде, влияние идеологических учреждений, цензуры на творчество.

Итак, разработка теоретико-методологических проблем классификации и создание классификационной модели источников познания политико-правовой мысли выступает в качестве одного из направлений источниковедения истории политических и правовых учений. Классификационная модель позволяет получить представление о носителях информации по истории политико-правовой мысли, распределить их по отдельным уровням, видам с указанием их характеристик и значимости, наделяет ученого эвристическим поисковым инструментарием для проведения научных исследований как по истории политических и правовых учений, так и в других областях юридической науки.

Список литературы

Барт Р. Структурализм как деятельность // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 253–261.

Бельчиков Н. Ф. Литературное источниковедение. М.: Наука, 1983. 271 с.

¹ Маловичко С. И. Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии. С.41.

Вильданов У. С., Вильданов Х. С., Вильданова Г. Б. Я-концепция мыслителя как системосозидающий фактор его философии // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1-1. С. 611–614.

Георгиева Н. Г. Историческое источниковедение: теоретические проблемы: учеб. М.: Проспект, 2016. 247 с.

Голубович И. В. Биография: методология анализа в гуманитарном знании // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 33. № 3. С. 84–97.

Графский В. Г. История политических и правовых учений. М.: Норма, 2009. 735 с.

Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». 2-е изд. СПб.: Центр гуманитарных инициатив; М.: Университетская книга, 2014. 432 с.

Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие. М.: РГГУ, 1998. 701 с.

Журавлев В. В. «Нет ничего сильнее мысли». Из опыта подготовки энциклопедических изданий, посвященных общественной мысли России // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2008. № 1. С. 44–57.

Зарецкий Ю. П. Автобиография // Российская историческая энциклопедия: в 18 т. / гл. ред. А. О. Чубарьян. М.: Олма Медиа Групп, 2015. Т. 1. С. 104–110.

Источниковедение истории СССР: учеб. / под ред. И. Д. Ковальченко. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1981. 496 с.

Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. 2-е изд. М.: Наука, 2003. 485 с.

Кодан С. В. Источниковедение в структуре истории политических и правовых учений: предмет, целевая направленность, функции, значение // Genesis: исторические исследования. 2021. № 10. С. 28–43.

Корнев А. В. Жанровые формы (источники) в истории политических и правовых учений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 5. С. 78–90.

Лотман Ю. М. Карамзин. СПб.: Искусство, 1997. 832 с.

Мазур Л. Н. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического знания // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 161–178.

Маловичко С. И. Интеллектуальная история // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 135–137.

Маловичко С. И. Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 36–44.

Медушевская О. М. Источниковедение: теория, история и метод // Медушевская О. М. Собрание сочинений: в 4 т. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. Т. 2. С. 90–195.

Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории // Медушевская О. М. Собрание сочинений: в 4 т. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. Т. 1. С. 65–418.

Многообразие жанров философского дискурса: коллектив. моногр. / под общ. ред. В. И. Плотникова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. Вып. 18. 276 с.

Нерсисянц В. С. История политических и правовых учений: в 2 т. М.: Норма : Инфра-М, 2018. Т. 1. 351 с.

Огурцов А. П. Биографический метод // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. и сост. И. Т. Касавин. М.: Канон+, 2009. С. 87–88.

Петрина А. Б. Возможности современной интеллектуальной истории для развития научно-биографического жанра // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9. № 1. С. 332–336.

Покровский М. П. Введение в классиологию. Екатеринбург: ИГГ УРО РАН, 2014. 484 с.

Померанцева Г. Е. Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощения серии. М.: Книга, 1987. 335 с.

Понкин И. В., Редькина А. И. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 37. С. 249–259.

Пушкарев Л. Н. Некоторые вопросы источниковедения истории русской общественной мысли X–XIX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. № 3. С. 80–84.

Пушкарев Л. Н. Содержание и границы понятия «общественная мысль» // Отечественная история. 1992. № 3. С. 73–81.

Репина Л. П. Биографический подход в интеллектуальной истории // Философский век. Альманах. 2006. Вып. 32. Ч. 2. С. 101–108.

Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.

Репина Л. П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: образы и судьбы: сб. науч. ст. / отв. ред. Л. П. Репина. СПб.: Алетейя, 2010. С. 5–18.

- Субботин А. Л. Классификация // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В. С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. Т. 2. С. 255–256.
- Субботин А. Л. Классификация. М.: Ин-т философии РАН, 2001. 94 с.
- Фейнман Р. П. Теория фундаментальных процессов / пер. с англ. под ред. Д. В. Ширкова. М.: Наука, 1978. 197 с.
- Хлебникова О. В. Классификация жанров философской литературы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Т. 1. № 4. С. 201–207.

References

- Bart R. (1989) *Strukturalizm kak deyatel'nost'* [Structuralism as activity]. In Bart R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika*, ed. by G. K. Kosikov, transl. from French. Moscow, Progress, pp. 253–261.
- Bel'chikov N. F. (1983) *Literaturnoe istochnikovedenie* [Literary source studies]. Moscow, Nauka, 271 p.
- Feinman R. P. (1978) *Teoriya fundamental'nykh protsessov* [Theory of fundamental processes], transl. from English, ed. by D. V. Shirkov. Moscow, Nauka, 197 p.
- Georgieva N. G. (2016) *Istoricheskoe istochnikovedenie: teoreticheskie problemy* [Historical source studies: theoretical problems]. Moscow, Prospekt, 247 p.
- Golubovich I. V. (2012) *Biografiya: metodologiya analiza v gumanitarnom znanii* [Biography: methodology of analysis in humanitarian knowledge]. In *Epistemologiya i filosofiya nauki*, vol. 33, no. 3, pp. 84–97.
- Grafskii V. G. (2009) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii* [History of political and legal doctrines]. Moscow, Norma, 735 p.
- Gurevich A. Ya. (2014) *Istoricheskii sintez i Shkola «Annalov»* [Historical synthesis and the School of «Annals»], 2nd ed. St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Moscow, Universitetskaya kniga, 432 p.
- Khlebnikova O. V. (2013) *Klassifikatsiya zhanrov filosofskoi literatury* [Genre classification of philosophical literature]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 1, no. 4, pp. 201–207.
- Kodan S. V. (2021) *Istochnikovedenie v strukture istorii politicheskikh i pravovykh uchenii: predmet, tselevaya napravlenost', funktsii, znachenie* [Source studies within the structure of the history of political and legal doctrines: subject, goal, functions, and role]. In *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, no. 10, pp. 28–43.
- Kornev A. V. (2021) *Zhanrovye formy (istochniki) v istorii politicheskikh i pravovykh uchenii* [Genre forms (sources) in the history of political and legal doctrines]. In *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*, no. 5. pp. 78–90.
- Kovalchenko I. D. (2003) *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research], 2nd ed. Moscow, Nauka, 485 p.
- Kovalchenko I. D. (Ed.) (1981) *Istochnikovedenie istorii SSSR* [Source studies of the history of the USSR], 2nd ed. Moscow, Vysshaya shkola, 496 p.
- Lotman Yu. M. (1997) *Karamzin* [Karamzin]. St. Petersburg, Iskusstvo, 832 p.
- Malovichko S. I. (2014) *Intellektual'naya istoriya* [Intellectual history]. In Chubar'yan A. O. (Ed.) *Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki. Terminologicheskii slovar*. Moscow, Akvilon, pp. 135–137.
- Malovichko S. I. (2015) *Problema klassifikatsii istochnikov v predmetnom pole istochnikovedeniya istoriografii* [The problem of classification of sources in the subject field of historiography source studies]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, no. 2, pp. 36–44.
- Mazur L. N. (2015) *Vizualizatsiya istorii: novyi povorot v razvitii istoricheskogo znaniya* [The visualization of history: a new turn in the development of historical cognition]. In *Quaestio Rossica*, no. 3, pp. 161–178.
- Medushevskaya O. M. (2017) *Istochnikovedenie: teoriya, istoriya i metod* [Source studies: theory, history and method]. In Medushevskaya O. M. *Sobranie sochinenii: in 4 vols*. Moscow; Berlin, Direkt-Media, vol. 2, pp. 90–195.
- Medushevskaya O. M. (2017) *Teoriya i metodologiya kognitivnoi istorii* [Theory and methodology of cognitive history]. In Medushevskaya O. M. *Sobranie sochinenii: in 4 vols*. Moscow; Berlin, Direkt-Media, vol. 1, pp. 65–418.
- Nersesyants V. S. (2018) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii* [History of political and legal doctrines]: in 2 vols. Moscow, Norma, Infra-M, vol. 1, 351 p.
- Ogurtsov A. P. (2009) *Biograficheskii metod* [Biographical method]. In Kasavin I. T. et al. (Eds.) *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki*. Moscow, Kanon+, pp. 87–88.
- Petrina A. B. (2010) *Vozmozhnosti sovremennoi intellektual'noi istorii dlya razvitiya nauchno-biograficheskogo zhanra* [The possibilities of modern intellectual history for the development of the scientific and biographical genre]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya*, vol. 9, no. 1, pp. 332–336.
- Plotnikov V. I. (Ed.) (2001) *Mnogoobrazie zhanrov filosofskogo diskursa* [Diversity of genres of philosophical discourse]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, iss. 18, 276 p.

Pokrovskii M. P. (2014) *Vvedenie v klassiologiyu* [Introduction to classiology]. Yekaterinburg, IGG URO RAN, 484 p.

Pomerantseva G. E. (1987) *Biografiya v potoke vremeni. ZhZL: zamysly i voploshcheniya serii* [Biography in the flow of time. ZhZL: ideas and embodiments of the series]. Moscow, Kniga, 335 p.

Ponkin I. V., Red'kina A. I. (2017) Klassifikatsiya kak metod nauchnogo issledovaniya, v chastnosti v yuridicheskoi nauke [Classification as a method of scientific research, especially in jurisprudence]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, no. 37, pp. 249–259.

Pushkarev L. N. (1992) Soderzhanie i granitsy ponyatiya «obshchestvennaya mysl'» [The content and boundaries of the concept of «social thought»]. In *Otechestvennaya istoriya*, no. 3, pp. 73–81.

Pushkarev L. N. (2007) Nekotorye voprosy istochnikovedeniya istorii russkoi obshchestvennoi mysli X–XIX vv. [Some matters of the source studies of the Russian public thought history of X–XIX centuries]. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, no. 3, pp. 80–84.

Repina L. P. (2006) Biograficheskiy podkhod v intellektual'noi istorii [Biographical approach in intellectual history]. In *Filosofskii vek. Al'manakh*, iss. 32, part 2, pp. 101–108.

Repina L. P. (2011) *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [History at the border of the XX–XXI centuries: social theories and historiographical practices]. Moscow: Krug", 560 p.

Repina L. P. (2010) Ot istoricheskoi biografii k biograficheskoi istorii [From historical biography to biographical history]. In Repina L. P. (Ed.) *V teni velikikh: obrazy i sud'by*. St. Petersburg, Aleteiya, pp. 5–18.

Danilevskii I. N., Kabanov V. V., Medushevskaya O. M., Rumyantseva M. F. (1998) *Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossiiskoi istorii* [Source studies: Theory. Story. Method. Sources of Russian history]. Moscow, RGGU, 701 p.

Subbotin A. L. (2001) *Klassifikatsiya* [Classification]. Moscow, Institut filosofii RAN, 94 p.

Subbotin A. L. (2010) *Klassifikatsiya* [Classification]. In Stepin V. S. et al. (Eds.) *Novaya filosofskaya entsiklopediya: in 4 vols., 2nd ed.* Moscow, Mysl, vol. 2, pp. 255–256.

Vil'danov U. S., Vil'danov Kh. S., Vil'danova G. B. (2012) Ya-kontseptsiya myslitelya kak sistemosozi-dayushchii faktor ego filosofii [I-concept of a thinker as a system-creating factor of his philosophy]. In *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 17, no. 1-1, pp. 611–614.

Zaretskii Yu. P. (2015) *Avtobiografiya* [Autobiography]. In Galkina E. S. et al. (Eds.) *Rossiiskaya istoricheskaya entsiklopediya: in 18 vols.* Moscow, Olma Media Grupp, vol. 1, pp. 104–110.

Zhuravlev V. V. (2008) «Net nichego sil'nee mysli». Iz opyta podgotovki entsiklopedicheskikh izdaniy, posvyashchennykh obshchestvennoi mysli Rossii [«There is nothing stronger than thought». From the experience of preparing encyclopedic publications devoted to the public thought of Russia]. In *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*, no. 1, pp. 44–57.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ЕС И ЕАЭС: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ*

Давлетгильдеев Рустем Шамилович

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Казанского федерального университета (Казань), доктор юридических наук, доцент,
ORCID: 0000-0001-5412-9027, e-mail: roustem.davletgildeev@kpfu.ru

Вашурина Елена Вячеславовна

Ведущий специалист Департамента внешних связей
Казанского федерального университета (Казань), кандидат экономических наук,
ORCID: 0000-0002-1050-4291, e-mail: evashuri@mail.ru

Цыганцова Сандра Игоревна

Соискатель кафедры международного и европейского права
Казанского федерального университета (Казань),
ORCID: 0000-0003-4161-7800, e-mail: tsygantsova.sandra@yandex.ru

В статье исследуется роль науки и ее механизмов, в том числе научной дипломатии, в налаживании конструктивного диалога между Европейским союзом и Евразийским экономическим союзом. Освещены нормативно-правовые и организационные препятствия для сотрудничества региональных интеграционных организаций в области науки и инноваций. Сформулированы предложения по развитию научно-технического сотрудничества между ЕС и ЕАЭС с учетом существующих вызовов и стратегических приоритетов развития региональных интеграционных объединений. Совместное противодействие общим вызовам определено как приоритетное направление научно-технического сотрудничества ЕС и ЕАЭС на современном этапе для достижения целей устойчивого развития на глобальном, региональном и национальном уровнях.

Ключевые слова: международное научно-техническое сотрудничество, Европейский союз, Евразийский экономический союз, региональная интеграция, научно-исследовательское пространство

Для цитирования: Давлетгильдеев Р. Ш., Вашурина Е. В., Цыганцова С. И. Научно-техническое сотрудничество ЕС и ЕАЭС: новые вызовы и возможности // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 6. С. 29–37. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_6_29.

SCIENTIFIC AND TECHNICAL COOPERATION BETWEEN THE EU AND THE EAEU: NEW CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Davletgildeev Rustem

Head of the chair, Kazan Federal University (Kazan), doctor of legal sciences,
ORCID: 0000-0001-5412-9027, e-mail: roustem.davletgildeev@kpfu.ru.

Vashurina Elena

Leading specialist, Kazan Federal University (Kazan), candidate of economic sciences,
ORCID: 0000-0002-1050-4291, e-mail: evashuri@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-29-15046 «Региональные модели международно-правового регулирования научно-исследовательских пространств в регионах Европы и Евразии».

Tsygantsova Sandra

Post-graduate, Kazan Federal University (Kazan),
ORCID: 0000-0003-4161-7800, e-mail: tsygantsova.sandra@yandex.ru

The article examines the role of science and its mechanisms, including science diplomacy, for establishing a constructive dialogue between the EU and the EAEU. The authors highlight the regulatory and organizational obstacles to cooperation of the regional integration organizations in the field of science and innovation. Proposals for the development of scientific and technical cooperation between the EU and the EAEU are formulated, taking into account the existing challenges and strategic priorities for the development of regional integration associations. The joint counteraction of the common challenges is identified as the priority area of scientific and technical cooperation between the EU and the EAEU at the present stage in order to achieve the sustainable development goals at the global, regional and national levels.

Key words: international scientific and technical cooperation, European Union, Eurasian Economic Union, regional integration, research area

*For citation: Davletgildeev R., Vashurina E., Tsygantsova S. (2021) Scientific and technical cooperation between the EU and the EAEU: new challenges and opportunities. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 29–37, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_6_29.*

Сегодня Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) переходит на новую стадию наднационального сотрудничества, основу которой составляют расширение научно-технического и инновационного взаимодействия в рамках формирования «территории инноваций» и стимулирования научно-технических прорывов, рассматриваемых в качестве ключевых направлений развития ЕАЭС до 2025 г.¹ В систему стратегического планирования развития евразийской экономической интеграции в качестве ключевого элемента впервые встроены международная деятельность и международное сотрудничество в области научно-технического развития. Одновременно к приоритетным стратегическим направлениям отнесено «объединение усилий для стимулирования проведения совместных научно-исследовательских работ»².

В рамках формирования модели многополярного мира ЕАЭС нацелен на поиск точек соприкосновения с крупнейшими интеграционными объединениями Европы, Азии, Африки, Латинской Америки по стратегическим направлениям деятельности, представляющим взаимный интерес³. В связи с этим особую актуальность приобретает выстраивание системного диалога в сфере науки и инноваций с внешними партнерами, сотрудничество с которыми будет содействовать формированию в ЕАЭС «экономики знаний» в рамках реализации сценария по созданию «собственного центра силы»⁴.

Особое место среди внешних партнеров ЕАЭС занимает Европейский союз (далее – ЕС или Евросоюз), установление диалога с которым является одной из стратегических задач ЕАЭС на современном этапе⁵. Данное направление сотрудничества также лежит в русле заявленных ранее инициатив: предложенной для выстраивания

¹ Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза от 6 декабря 2018 г. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/fr7wTgpTRVZlweOVbn6GaPih8G1rA1f.pdf> (дата обращения: 20.11.2021).

² Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/20vr0012/> (дата обращения: 20.11.2021).

³ Мясникович М. Необходимо выстраивать новую многополярную модель мировой экономики // Интернет-портал СНГ. 2021. 29 апр. URL: <https://e-cis.info/news/566/91955/> (дата обращения: 20.11.2021).

⁴ Место ЕАЭС в мире стратегических изменений: сценарий «Собственный центр силы» на основе научно-технологического прорыва – долгосрочный ответ на вызовы глобального экономического кризиса, вызванного пандемией (2020): аналитический доклад Евразийской экономической комиссии 2020 г. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/f98/Doklad-Mesto-EAES-v-mire.pdf> (дата обращения: 20.11.2021).

⁵ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 10 декабря 2021 г. «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2022 год». URL: <http://kremlin.ru/supplement/5753> (дата обращения: 08.01.2022).

взаимодействия ЕАЭС и ЕС концепции «интеграция интеграций», инициатором которой выступила Беларусь¹, и продвигаемой Россией концепции Большого Евразийского партнерства, предусматривающей «создание широкого общекионтинентального интеграционного контура... открытого, в том числе, для Евросоюза»².

Учитывая глобальное лидерство Евросоюза в сфере науки и инноваций, активное торгово-экономическое взаимодействие между двумя региональными интеграционными объединениями, а также текущий политический кризис в отношениях отдельных государств-членов ЕАЭС (России и Беларуси) со странами Запада, именно наука и используемые ею механизмы (включая научную дипломатию) могут стать основополагающим фактором для выстраивания эффективной кооперации ЕАЭС и ЕС в целях решения глобальных, региональных и национальных вызовов.

Выстраивание конструктивного диалога между ЕС и ЕАЭС является в последние годы предметом широкого политического и научного дискурса, в рамках которого особое внимание уделяется как существующим вызовам и препятствиям для взаимодействия двух интеграционных объединений³, так и поиску возможных направлений сотрудничества⁴ с учетом интереса отдельных стран и групп акторов (в первую очередь бизнес-сообщества⁵). Российские и зарубежные эксперты сходятся во мнении, что развитие конструктивных партнерских отношений между ЕС и ЕАЭС будет одинаково выгодно всем вовлеченным сторонам.

Одной из приоритетных областей для выстраивания взаимовыгодного сотрудничества ЕАЭС и ЕС называется сфера науки и инноваций. Благоприятными предпосылками для развития научного диалога между двумя объединениями являются, с одной стороны, новая инклюзивная политика ЕС в отношении со странами-соседами, а с другой – курс на установление диалога ЕАЭС с международными организациями (включая ЕС), заявленный в Стратегических направлениях развития евразийской интеграции до 2025 года.

В развитии научно-инновационного сотрудничества между ЕС и ЕАЭС усиливается роль отдельных государств-членов ЕАЭС. Так, Армения участвует в рамочных программах ЕС (включая *Horizon Europe*) в качестве ассоциированного партнера, а также подписала Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве с ЕС⁶. За-

¹ Лукашенко А. О судьбах нашей интеграции // Известия. 2011. 19 окт. URL: <https://iz.ru/news/504081> (дата обращения: 08.01.2022).

² О российской инициативе Большого Евразийского партнерства // Материалы XXXVI заседания Совета глав субъектов РФ при МИД России. 2021. 1 июля. URL: https://www.mid.ru/ru/activity/COORDINATING_AND_ADVISORY_BODY/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767070/ (дата обращения: 08.01.2022).

³ Кондратьева Н. Предпосылки диалога ЕС и ЕАЭС // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 3; Ее же. Отношения ЕС – ЕАЭС: особенности современного этапа // Современная Европа. 2018. № 3. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320186070>; Мешкова Т. А., Изотов В. С., Демидкина О. В., Кофнер Ю. К. ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2019. Т. 21. № 1; 10 лет в глобальном мире: сб. интервью / гл. ред. И. С. Иванов. М.: НП РСМД, 2021.

⁴ Vinokurov E., Pereboev V. Mapping the Potential EU-EAEU Cooperation Agenda: Readmission Agreements, Visa-Free Regime, Labour Migration, Mobility of Pensions, Large-Scale Educational Exchanges, Recognition of Professional Diplomas and Certificates. Working Paper WP 16-013. Laxenburg: International Institute for Applied System Analysis, 2016. URL: https://eabr.org/upload/iblock/abc/wp_vinokurov_pereboev_mapping_the_potential_eu_eaeu_cooperation_agenda.pdf (дата обращения: 20.11.2021); Кофнер Ю. Десять причин, почему ЕАЭС и ЕС стоит сотрудничать // Валдай. Международный дискуссионный клуб. 2019. 26 июня. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/desyat-prichin-eaes-i-es/?sphrase_id=509004 (дата обращения: 20.11.2021); Schneider U. Rapprochement between the EU and the EAEU offers more than economic benefits // European Leadership Network. 2020. 27 Jan. URL: <https://www.europeanleadershipnetwork.org/commentary/rapprochement-between-the-eu-and-the-eaeu-offers-more-than-economic-benefits/> (дата обращения: 20.11.2021); В поисках новой архитектуры многополярности: международное сотрудничество ЕАЭС: докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / Ю. А. Белоус, Т. В. Бордачев, М. К. Глазатова и др.; под науч. ред. Т. А. Мешковой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.

⁵ Сергей Глазев: «Стратегия-2025 отвечает интересам как евразийского, так и европейского бизнеса» // Евразийская экономическая комиссия: офиц. сайт. 2021. 22 окт. URL: https://eec.eaeunion.org/news/sergej-glazev-%C2%ABstrategiya-2025-otvechaet-interesam-kak-evrazijskogo-tak-i-evropejskogo-biznesa%C2%BB/?sphrase_id=66639 (дата обращения: 20.11.2021).

⁶ The EU and Armenia Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement enters into force // European Commission. 2021. 28 Febr. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_782 (дата обращения: 20.11.2021).

ключено Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Республикой Казахстан (Люксембург, 26 октября 2015 г.), которое охватывает широкий спектр направлений в сфере науки и инноваций, включая космическую безопасность, изменение климата и здравоохранение, и является, по мнению экспертов, «„эталонным“ документом для Брюсселя в отношениях с другими государствами Центральной Азии»¹. В 2019 г. пролонгирован двусторонний договор о сотрудничестве между Россией и ЕС в сфере науки и инноваций; ведется совместная работа над проектом рабочего ориентационного документа, отражающего возможные приоритеты сотрудничества и инструменты, способствующие сопряжению *Horizon Europe* и российской государственной программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», начиная уже с 2021 г.² Как отмечают Л. Дериглазова и С. Мякинен, «несмотря на значительную асимметрию, ЕС и Россия разделяют цели и интересы в академической сфере»³.

Подтверждением особой «посреднической» роли отдельных государств-членов ЕАЭС в выстраивании диалога с ЕС является, например, позиция Казахстана⁴. В период председательства в ЕАЭС в 2021 г. страна выдвинула пять основных приоритетов развития организации, среди которых названо активное развитие торгово-экономических отношений с третьими странами и интеграционными объединениями. Казахстан предлагает «активизировать и систематизировать работу по установлению диалога в формате „ЕАЭС – ЕС“, выстраивая сотрудничество с Европейской комиссией и иными органами Евросоюза на равноправных, взаимовыгодных и прагматичных началах»⁵.

Однако, несмотря на развитие и укрепление сотрудничества ЕАЭС с отдельными странами и интеграционными объединениями (Африканский союз, Андское сообщество, Китай, Иран и др.), в европейском направлении подобных успехов, в том числе в сфере научно-технического и инновационного сотрудничества, за прошедший год не было достигнуто.

Для выстраивания диалога между региональными объединениями, по мнению экспертов, важно, чтобы стороной соглашения (вне зависимости от его юридической формы) выступал ЕАЭС как наднациональная организация, «обладающая необходимыми для этого наднациональными полномочиями»⁶. Данный тезис регулярно подтверждается и в выступлениях на официальном уровне, в которых подчеркивается «необходимость дополнения привычных двусторонних треков диалога отдельных государств-членов ЕАЭС с ЕС непосредственным сотрудничеством между двумя организациями и наднациональными органами в связи с передачей части полномочий в самых разных сферах на наднациональный уровень»⁷.

Приоритетным направлением потенциального научного сотрудничества ЕС и ЕАЭС может и должен стать совместный поиск ответов на глобальные вызовы (включая изменение климата и пандемию Covid-19) для достижения устойчивого развития на глобальном, региональном и национальном уровнях. Сегодня проблематика «устойчивого развития» все чаще определяет развитие международных отношений,

¹ Новая эра партнерства между Казахстаном и Европейским Союзом // Международное информационное агентство KazInform. 2020. 26 февр. URL: https://www.inform.kz/ru/novaya-era-partnerstva-mezhdu-kazakhstanom-i-evropeyskim-soyuzom_a3618678 (дата обращения: 20.11.2021).

² EU-Russia Joint Science and Technology Cooperation Committee met via video conference // European Union External Action. 2021. 21 June. URL: https://eeas.europa.eu/generic-warning-system-taxonomy/404/100412/node/100412_en (дата обращения: 19.09.2021).

³ Deriglazova L., Mäkinen S. Building Trust through Academic Cooperation? // The Routledge Handbook of EU-Russia Relations: Structures, Actors, Issues / ed. by T. Romanova, M. David. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2021. P. 307.

⁴ Мешкова Т. А., Изотов В. С., Демидкина О. В., Кофнер Ю. К. Указ. соч. С. 7–33.

⁵ Обращение Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Кемелевича Токаева к главам государств-членов Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия: офиц. сайт. 2021. 18 янв. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/18-01-2021-1.aspx> (дата обращения: 26.11.2021).

⁶ Европейский союз и Евразийский экономический союз: долгосрочный диалог и перспективы соглашения / гл. ред. Е. Ю. Винокуров. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2016.

⁷ Министр ЕЭК Татьяна Валова: «ЕАЭС – окно возможностей для диалога входящих в него стран с европейскими государствами» // Евразийская экономическая комиссия: офиц. сайт. 2018. 2 окт. URL: https://eec.eaeunion.org/news/02-10-2018-2/?sphrase_id=66680 (дата обращения: 20.11.2021).

становясь, по мнению исследователей, «общим знаменателем для политически разнородных сил и режимов, своего рода стержнем международных связей»¹. Сотрудничество в этом направлении будет способствовать укреплению научных связей ЕС и ЕАЭС как на уровне отдельных ученых и исследовательских коллективов (подход «снизу вверх»), так и между официальными органами власти (подход «сверху вниз»), что в целом соответствует стратегическим интересам обеих сторон.

Примером совместного противодействия глобальным вызовам является запущенный Европейской комиссией портал для глобального научного и инновационного сотрудничества по тематике коронавируса (*Coronavirus Global R&I Collaboration Portal*)². Это специализированная онлайн-платформа для ученых из Европы и всего мира, нацеленная на совместное решение социально-экономических проблем, вызванных пандемией Covid-19. Данная платформа может быть использована, в том числе, для запуска совместных проектов по разработке мер противодействия распространению коронавирусной инфекции с участием со стороны ЕАЭС ученых из России, Беларуси³, Казахстана⁴ (государств, в которых осуществляется разработка собственных национальных вакцин).

В качестве дискуссионной академической площадки для обсуждения возможных направлений взаимодействия между ЕС и ЕАЭС можно рассматривать Международный форум ЕС – ЕАЭС, регулярно проводимый на базе МГИМО⁵. Основная цель форума – развитие молодежной дипломатии и сотрудничества на уровне университетов, а также развитие совместных научных проектов в приоритетных для интеграционных объединений сферах сотрудничества, включая здравоохранение, экономику, энергетику и информационную безопасность.

Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года одной из задач называют налаживание диалога с ЕС и другими интеграционными объединениями, взаимодействие с которыми представляет взаимный экономический интерес. Одним из мероприятий, предусмотренных в рамках направления 8 «Объединение усилий для стимулирования проведения совместных научно-исследовательских работ», является проведение ежегодного мероприятия по тематике Целей устойчивого развития ООН с участием представителей международных организаций (п. 8.3.5). Привлечение представителей ЕС было бы целесообразным в рамках реализации п. 11.6.2 Стратегических направлений, закрепляющего меры по установлению диалога с Европейским союзом.

Благодаря принятому главами государств-членов ЕАЭС Заявлению об экономическом сотрудничестве государств-членов Европейского экономического союза в рамках климатической повестки⁶ открываются новые возможности для взаимодействия ЕАЭС и ЕС в области защиты окружающей среды и борьбы с изменением климата. Данная инициатива пересекается с взятым ЕС курсом на «зеленую трансформацию», отраженным в ряде европейских программных инициатив (Европейский зеленый курс, Европейская энергетическая стратегия и др.).

Подтверждением линии ЕАЭС на выстраивание поступательного и взаимовыгодного сотрудничества с ЕС является включение этой деятельности в Основные направления международной деятельности Евразийского экономического союза на 2021 год. В разд. II этого документа обозначается цель установления диалога в фор-

¹ Давыдов В. М. Перспектива устойчивого развития в новом глобальном и региональном контексте. М.: Ин-т Латинской Америки РАН, 2020.

² Запущен портал для глобального научного и инновационного сотрудничества по тематике коронавируса // Национальный научно-технический портал Республики Беларусь. 2021. 8 июля. URL: <http://www.scienceportal.org.by/news/covid-platforma-Jul21.html> (дата обращения: 20.11.2021).

³ Национальная академия наук Беларуси начала разработку вакцины против COVID-19 // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств: офиц. сайт. 2021. 2 февр. URL: <https://cis.minsk.by/news/17843/> (дата обращения: 20.11.2021).

⁴ Как идет разработка казахстанской вакцины от коронавируса // Forbes Казахстан. 2021. 14 апр. URL: https://forbes.kz/process/science/kak_idet_razrabotka_kazahstanskoy_vaktsiny_ot_koronavirusa/ (дата обращения: 20.11.2021).

⁵ URL: <https://eueaforum.com/> (дата обращения: 08.01.2022).

⁶ Итоги Высшего Евразийского экономического совета // Евразийская экономическая комиссия: офиц. сайт. 2021. 14 окт. URL: https://eec.eaeunion.org/news/itogi-vysshego-evrazijskogo-ekonomicheskogo-soveta-14-10-2021/?sphrase_id=62064 (дата обращения: 26.11.2021).

мате ЕС – ЕАЭС и институционализации сотрудничества с Европейской комиссией и иными наднациональными органами ЕС путем развития отраслевого взаимодействия по отдельным направлениям деятельности и углубления взаимодействия с государствами Евросоюза на основании заключенных формализованных соглашений, а также с государствами, которые проявляют заинтересованность в развитии взаимодействия с ЕЭК¹. Список направлений отраслевого взаимодействия подвергается ежегодной корректировке. Так, в 2022 г. в него добавлено взаимодействие в сфере зеленой экономики².

Однако для осуществления сотрудничества ЕС и ЕАЭС в сфере науки и инноваций существует несколько нормативно-правовых и организационных препятствий (барьеров). К нормативно-правовым относятся:

1. *Отсутствие международного договора о едином научно-исследовательском пространстве в рамках ЕАЭС.* Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года упоминают два формата сотрудничества: разработка и реализация в 2022–2024 гг. стратегической программы научно-технического развития Союза на долгосрочный период, имеющей «рамочный» характер (п. 6.4.5); разработка основных направлений научно-технического развития в рамках ЕАЭС к 2023 г. (п. 8.1.1).

О необходимости договора о научно-техническом сотрудничестве для выработки четких механизмов научной интеграции внутри регионального объединения было заявлено на заседании президиума Научно-технического совета при председателе Коллегии Евразийской экономической комиссии 17 февраля 2021 г.³ Полагаем, что нужно вести речь об углубленном взаимодействии государств-членов ЕАЭС в рамках единого научно-исследовательского пространства.

Проект международного договора о научно-техническом сотрудничестве государств-членов ЕАЭС был рассмотрен на 4-м заседании президиума Научно-технического совета ЕАЭС⁴ и вынесен на дальнейшее обсуждение с государствами-членами и рассмотрение органами ЕАЭС.

2. *Отсутствие правовой базы для международного научно-технического сотрудничества с внешними партнерами.* Для ее формирования после разработки общей стратегии единого научно-исследовательского пространства государств-членов ЕАЭС и принятия соответствующего договора необходимо переходить к проведению согласованной политики в сфере международного научно-технического сотрудничества с международными организациями, иными региональными объединениями государств и зарубежными странами⁵.

Среди организационных препятствий для взаимодействия ЕАЭС и ЕС в сфере науки и инноваций можно назвать:

1. *Недостаточно широкий круг полномочий Евразийской экономической комиссии* в сфере науки и инноваций, не позволяющий вести конструктивный диалог с Европейской комиссией на наднациональном уровне. Данный вопрос также стал предметом обсуждения на заседании президиума Научно-технического совета ЕАЭС, по итогам которого Республике Беларусь в рамках председательства в ЕАЭС в 2022 г. было рекомендовано представить предложения по наделению ЕЭК полномочиями в сфере научно-технического сотрудничества и внесению изменений в Договор о ЕАЭС.

¹ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 15 «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2021 год». URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/20vr0015/> (дата обращения: 20.11.2021).

² В ЕАЭС утвердили основные направления международной деятельности на 2022 год // Евразийская экономическая комиссия: офиц. сайт. 2021. 10 дек. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-utverdili-osnovnye-napravleniya-mezhdunarodnoj-deyatelnosti-na-2022-god/> (дата обращения: 14.12.2021).

³ В ЕАЭС предложили разработать международный договор о научно-техническом сотрудничестве // Альфа-Софт. 2021. 18 февр. URL: https://www.alt.ru/ts_news/79557/ (дата обращения: 20.11.2021).

⁴ Протокол 4-го заседания президиума Научно-технического совета при председателе Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28 октября 2021 г. № 4/НТС. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/549/1.-Protokol-zareginuu-ITOG.pdf> (дата обращения: 26.11.2021).

⁵ Шугуров М. В. Международное измерение научно-технологической интеграции ЕАЭС в контексте стратегии устойчивого развития: политико-правовые основы // Lex Russica. 2018. № 8. С. 148–163. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.153.8.148-163.

Сегодня, в отсутствие официального диалога, ЕЭК поддерживает контакты с Европейской комиссией для обсуждения круга вопросов, в основном касающихся регулирования торговли. С декабря 2020 г. стороны начали консультации по вопросам европейской «зеленой» сделки и климатического регулирования¹.

2. *Отсутствие программ в сфере научно-технических инноваций на наднациональном уровне (схожих с европейскими), которые способствовали бы консолидации научно-исследовательского потенциала государств-членов ЕАЭС. Рекомендуемые экспертами к реализации проекты по созданию Евразийского центра прогнозирования научно-технологического развития, запуску Евразийской рамочной программы сотрудничества в области научно-технических инноваций и Евразийской технологической инициативы будут способствовать не только формированию единого евразийского научно-исследовательского пространства², но и выстраиванию конструктивного диалога с ЕС в сфере науки и инноваций в рамках понятной для них модели международного научно-технического сотрудничества.*

3. *Недостаточно активное использование инструментов научной дипломатии, отсутствие площадок и платформ для выстраивания диалога и проектного взаимодействия ЕС и ЕАЭС с активным участием академического сообщества.*

Сегодня научно-техническое сотрудничество выступает в качестве инструмента формирующейся стратегии опережающего развития государств-членов ЕАЭС и должно стать одним из приоритетных направлений деятельности Союза, в том числе в рамках реализации сценария «собственного центра силы». Достижение амбициозных целей, фигурирующих в программных документах организации, невозможно без эффективного взаимодействия с внешними партнерами, в частности с ЕС, сотрудничество с которым представляет особый интерес в силу успешной реализации современной европейской политики в сфере науки и инноваций.

С учетом стратегических планов ЕАЭС, а также новой политики международного научного и инновационного сотрудничества ЕС можно предположить два сценария осуществления научного сотрудничества между ЕС и ЕАЭС.

«Инерционный» сценарий подразумевает дальнейшую реализацию международного научно-технического сотрудничества ЕС и отдельных государств-членов ЕАЭС в двустороннем формате. С одной стороны, данный сценарий основывается на использовании индивидуального подхода ЕС к государствам-членам ЕАЭС в области научно-технического сотрудничества в зависимости от их научного потенциала, национальных приоритетов развития и общего состояния взаимодействия государства-члена ЕАЭС и ЕС. С другой стороны, государство-член ЕАЭС определяет собственную политику по отношению к взаимодействию с ЕС в сфере науки и инноваций.

В рамках «оптимистичного» сценария возможно постепенное выстраивание двухуровневой модели научного сотрудничества, включающей как взаимодействие ЕС с отдельными государствами-членами ЕАЭС, так и налаживание конструктивного диалога между ЕС и ЕАЭС, с опорой, в том числе, на новую стратегию международного сотрудничества ЕС в сфере исследований и инноваций. Последняя предполагает «возможность интеграции и выстраивания многостороннего сотрудничества с третьими странами и региональными объединениями по отдельным направлениям, представляющим взаимный интерес»³.

¹ ЕЭК и Еврокомиссия обсудили применение техрегламентов и рассмотрели вопросы европейской «зеленой» сделки // Евразийская экономическая комиссия: офиц. сайт. 2021. 16 дек. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/16-12-2020-07.aspx> (дата обращения: 20.12.2021); ЕЭК и Еврокомиссия провели консультации по вопросам климатического регулирования // Там же. 2021. 21 сент. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eek-i-evrokomissiya-proveli-konsultatsii-po-voprosam-klimaticheskogo-regulirovaniya/> (дата обращения: 20.12.2021).

² Экспертно-аналитическая поддержка подкомиссии по экономической интеграции Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции в рамках сотрудничества с ЕАЭС с учетом стратегических задач долгосрочного развития Союза и повышения эффективности участия в нем России: презентация. М.: НИУ ВШЭ, 2020. URL: <https://globalcentre.hse.ru/data/2021/02/15/1408232796/EAEU%202020%20HSE%20presentation.pdf> (дата обращения: 20.11.2021).

³ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on the Global Approach to Research and Innovation. Europe's strategy for international cooperation in a changing world. Brussels, 18 May 2021, COM(2021) 252 final. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/research_and_innovation/strategy_on_research_and_innovation/documents/ec_rtd_com2021-252.pdf (дата обращения: 20.11.2021).

Формируемая в рамках этого сценария новая интегрированная модель взаимодействия ЕАЭС и ЕС предусматривает, прежде всего, необходимость создания и организационно-правового оформления единого (интегрированного) исследовательского пространства ЕАЭС, включая разработку концепции и заключение международно-го соглашения о едином исследовательском пространстве ЕАЭС.

Список литературы

10 лет в глобальном мире: сб. интервью / гл. ред. И. С. Иванов. М.: НП РСМД, 2021. 668 с.

В поисках новой архитектуры многополярности: международное сотрудничество ЕАЭС: докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / Ю. А. Белоус, Т. В. Бордачев, М. К. Глазатова и др.; под науч. ред. Т. А. Мешковой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 132 с.

Давыдов В. М. Перспектива устойчивого развития в новом глобальном и региональном контексте. М.: Ин-т Латинской Америки РАН, 2020. 68 с.

Европейский союз и Евразийский экономический союз: долгосрочный диалог и перспективы соглашения / гл. ред. Е. Ю. Винокуров. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2016. 40 с.

Кондратьева Н. Отношения ЕС – ЕАЭС: особенности современного этапа // Современная Европа. 2018. № 3. С. 60–70. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320186070>.

Кондратьева Н. Предпосылки диалога ЕС и ЕАЭС // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 3. С. 81–85.

Кофнер Ю. Десять причин, почему ЕАЭС и ЕС стоит сотрудничать // Валдай. Международный дискуссионный клуб. 2019. 26 июня. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/desyat-prichin-eaes-i-es/?sphrase_id=509004 (accessed 20.11.2021).

Лукашенко А. О судьбах нашей интеграции // Известия. 2011. 19 окт. URL: <https://iz.ru/news/504081> (дата обращения: 08.01.22).

Мешкова Т. А., Изотов В. С., Демидкина О. В., Кофнер Ю. К. ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2019. Т. 21. № 1. С. 7–33.

Мясникович М. Необходимо выстраивать новую многополярную модель мировой экономики // Интернет-портал СНГ. 2021. 29 апр. URL: <https://e-cis.info/news/566/91955/> (дата обращения: 20.11.2021).

Шугуров М. В. Международное измерение научно-технологической интеграции ЕАЭС в контексте стратегии устойчивого развития: политико-правовые основы // Lex Russica. 2018. № 8. С. 148–163. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.153.8.148-163.

Deriglazova L., Mäkinen S. Building Trust through Academic Cooperation? // The Routledge Handbook of EU-Russia Relations: Structures, Actors, Issues / ed. by T. Romanova, M. David. Abingdon-on-Thames: Routledge. 2021. P. 300–311.

Schneider U. Rapprochement between the EU and the EAEU offers more than economic benefits // European Leadership Network. 2020. 27 Jan. URL: <https://www.europeanleadershipnetwork.org/commentary/rapprochement-between-the-eu-and-the-eaeu-offers-more-than-economic-benefits/> (дата обращения: 20.11.2021).

Vinokurov E., Pereboev V. Mapping the Potential EU-EAEU Cooperation Agenda: Readmission Agreements, Visa-Free Regime, Labour Migration, Mobility of Pensions, Large-Scale Educational Exchanges, Recognition of Professional Diplomas and Certificates. Working Paper WP 16-013. Laxenburg: International Institute for Applied System Analysis, 2016. 16 p. URL: https://eabr.org/upload/iblock/abc/wp_vinokurov_pereboev_mapping_the_potential_eu_eaeu_cooperation_agenda.pdf (дата обращения: 20.11.2021).

References

Davydov V. M. (2020) *Perspektiva ustoichivogo razvitiya v novom global'nom i regional'nom kontekste* [Perspective of sustainable development in a new global and regional context]. Moscow, Institut Latinskoi Ameriki RAN, 68 p.

Deriglazova L., Mäkinen S. (2021) Building Trust through Academic Cooperation? In Romanova T., David M. (Eds.) *The Routledge Handbook of EU-Russia Relations: Structures, Actors, Issues*. Abingdon-on-Thames, Routledge, pp. 300–311.

Ivanov I. S. (Ed.) (2021) *10 let v global'nom mire: sbornik interv'yu* [10 years in the global world: a collection of interviews]. Moscow, NP RSMD, 668 p.

Kofner Yu. (2019) *Desyat' prichin, pochemu EAES i ES stoit sotrudnichat'* [Ten reasons why the EAEU and the EU should cooperate]. In *Valdai. Mezhdunarodnyi diskussionnyi klub*, 26 June, available at: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/desyat-prichin-eaes-i-es/?sphrase_id=509004 (accessed: 20.11.2021).

Kondrat'eva N. (2018) Otnosheniya ES – EAES: osobennosti sovremennogo etapa [EU – EAEU relations: features of the modern stage]. In *Sovremennaya Evropa*, no. 3, pp. 60–70, DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320186070>.

Kondrat'eva N. (2018) Predposylki dialoga ES i EAES [Prerequisites for the dialogue between the EU and the EAEU]. In *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN*, no. 3, pp. 81–85.

Lukashenko A. (2011) O sud'bakh nashei integratsii [About the fate of our integration]. In *Izvestiya*, 19 Oct., available at: <https://iz.ru/news/504081> (accessed: 08.01.22).

Meshkova T. A., Belous Yu. A., Bordachev T. V., Glazatova M. K. (Eds.) (2020) *V poiskakh novoi arkhitektury mnogopolyarnosti: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo EAES: doklad k XXI Aprel'skoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moscow, 2020 g.* [In search of a new architecture of multipolarity: international cooperation of the EAEU: a report to the XXI April International Scientific Conference on Problems of Economic and Social development, Moscow, 2020]. Moscow, Izdatel'skii dom Vyssei shkoly ekonomiki, 132 p.

Meshkova T. A., Izotov V. S., Demidkina O. V., Kofner Yu. K. (2019) EAES v menyayushchemsya geopoliticheskom kontekste: priority mezhhdunarodnogo sotrudnichestva [The EAEU in a changing geopolitical context: priorities of international cooperation]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov, Ser. Politologiya*, vol. 21, no. 1, pp. 7–33.

Myasnikov M. (2021) Neobkhodimo vystraivat' novuyu mnogopolyarnuyu model' mirovoi ekonomiki [It is necessary to build a new multipolar model of the world economy]. In *Internet-portal SNG*, 29 Apr., available at: <https://e-cis.info/news/566/91955/> (accessed: 20.11.2021).

Schneider U. (2020) Rapprochement between the EU and the EAEU offers more than economic benefits. In *European Leadership Network*, 27 Jan., available at: <https://www.europeanleadership-network.org/commentary/rapprochement-between-the-eu-and-the-eaeu-offers-more-than-economic-benefits/> (accessed 20.11.2021).

Shugurov M. V. (2018) Mezhdunarodnoe izmerenie nauchno-tehnologicheskoi integratsii EAES v kontekste strategii ustoichivogo razvitiya: politiko-pravovye osnovy [International dimension of scientific and technological integration of the EAEU in the context of sustainable development strategy: political and legal foundations]. In *Lex Russica*, no. 8, pp. 148–163, DOI: 10.17803/1729-5920.2019.153.8.148-163.

Vinokurov E. Yu. (Ed.) (2016) *Evropeiskii soyuz i Evraziiskii ekonomicheskii soyuz: dolgosrochnyi dialog i perspektivy soglasheniya* [The European Union and the Eurasian Economic Union: a long-term dialogue and prospects for an agreement]. St. Petersburg, TsII EABR, 40 p.

Vinokurov E., Pereboev V. (2016) *Mapping the Potential EU-EAEU Cooperation Agenda: Readmission Agreements, Visa-Free Regime, Labour Migration, Mobility of Pensions, Large-Scale Educational Exchanges, Recognition of Professional Diplomas and Certificates. Working Paper WP 16-013*. Laxenburg, International Institute for Applied System Analysis, 16 p., available at: https://eabr.org/upload/iblock/abc/wp_vinokurov_pereboev_mapping_the_potential_eu_eaeu_cooperation_agenda.pdf (accessed: 20.11.2021).

ИНТЕГРАЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СУДЫ

Федоров Игорь Вадимович

Доцент кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент,
ORCID: 0000-0002-4519-3171, e-mail: fiv001@usla.ru.

Автор, опираясь на широкое определение интеграции, предлагает выделять для существующей совокупности международных судов и квазисудебных образований четыре направления интеграции международного правосудия: межгосударственное, гражданское, уголовное и по защите прав человека. Каждое направление объединяет суды, имеющие схожую предметную компетенцию, близкие по организации и судопроизводству. Отмечаются обобщающие характеристики каждого из направлений. Подчеркивается, что такой подход исключает споры о системе органов международного правосудия и позволяет совершенствовать существующие суды и создавать новые, опираясь на опыт всех судов в рамках избранного направления.

Ключевые слова: интеграция, международный суд, международное судопроизводство, система

Для цитирования: Федоров И. В. Интеграция и международные суды // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 6. С. 38–43. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_6_38.

INTEGRATION AND INTERNATIONAL COURTS

Fedorov Igor

Associate professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), candidate of legal sciences,
ORCID: 0000-0002-4519-3171, e-mail: fiv001@usla.ru.

The author, relying on a broad definition of integration, proposes to consider four directions of integration of international justice for the existing set of international courts and quasi-judicial entities: interstate, civil, criminal, and for human rights. Each of the directions brings together courts with similar subject competence, similar organization and legal proceedings. The initial common characteristics are noted for each of the directions. It is emphasized that such an approach excludes disputes about the system of international justice bodies and makes it possible to improve existing courts and create new ones, based on the experience of all courts within the chosen direction.

Key words: integration, international court, international legal proceedings, system

*For citation: Fedorov I. (2021) Integration and international courts. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal»*, no. 6, pp. 38–43, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_6_38.*

Одно из наиболее емких современных определений интеграции предложено в работе французских исследователей международных отношений: «Интеграция – это одновременно процесс и состояние, имеющее тенденцию заменить раздробленные международные отношения, состоящие из независимых единиц, новыми более или менее широкими объединениями, наделенными минимальными полномочиями решений либо в одной или нескольких определенных областях, либо во всех областях, которые входят в компетенцию базовых единиц. На уровне индивидуального созна-

ния интеграция призвана породить лояльность и приверженность новому объединению, а на структурном уровне – участие каждого в его поддержке и развитии»¹. Такое понимание не предполагает какой-то «заданности» и не увязывает интеграцию только с экономическими интеграционными образованиями – таможенными союзами, общим рынком, экономическими союзами и пр.

Интеграция в контексте международного правосудия сегодня нередко упоминается, когда речь идет о судах региональных экономических организаций², например Суде Европейского союза³, Суде Карибского сообщества⁴, Суде Экономического сообщества стран Западной Африки⁵, Суде Евразийского экономического союза⁶. Суды интеграционных образований имеют схожую структуру и порядок формирования, совпадающую юрисдикцию и так или иначе задействованы в формировании права интеграционных объединений. Такие суды нередко обеспечивают развитие правопорядка интеграционных образований, и их задача – осуществлять единообразное толкование актов коммунитарного права, в том числе в целях защиты прав и интересов физических и юридических лиц, действующих на территории государств-членов⁷. В целом их можно даже назвать интеграционными судами, а их деятельность – интеграционным правосудием⁸.

Однако хотелось бы вести речь обо всех судах и о восприятии интеграции как объединяющего начала для разнородных судов и судопроизводства. Отчасти этот вопрос уже затрагивался в отечественной литературе в рамках дискуссии о системе международных судов. Рассуждая о международном правосудии и его системной оценке, исследователи занимают две базовые позиции⁹.

1. Система международного правосудия сложилась, так как есть единые базовые процессуальные основы (система процессуальных стадий, единый процессуальный режим); вариативная, но вместе с тем имеющая одинаковые структурные единицы организация судов, а также способов взаимодействия органов судов; единые подходы к толкованию и применению норм международного права (единая организация и методология толкования).

2. Система международного правосудия невозможна, так как международное право фрагментировано – отсутствует сама система международного права и существуют только отдельные его отрасли (комплексы норм); суды предельно индивидуализированы – они, как правило, нормативно не связаны друг с другом, нет и их фактического взаимодействия; решения формально обязывают только участников споров и не могут быть распространены на других субъектов, не создают универсальных правил; судебная практика может быть противоречивой.

Показательны позиция и аргументация А. С. Смбалян: «Здравый смысл подсказывает, что ОМП [органы международного правосудия] не должны и не могут существовать в качестве автономных институтов, что между ними должны быть определенные взаимосвязи. Несмотря на сомнения, высказанные некоторыми авторами по поводу использования термина „система“ применительно к ОМП, представляется, что имен-

¹ *Gonidec P.-F., Charvin R. Relations Internationales*. P.: Editions Montchrestien, 1984. P. 435. Цит. по: *Цыганков П. А. Международные отношения: учеб. пособие*. М.: Новая школа, 1996. С. 256–257.

² *Институты международного правосудия: учеб. пособие / под ред. В. Л. Толстых*. М.: Междунар. отношения, 2014. С. 175–220.

³ *Европейское право. Основы интеграционного права Европейского Союза и Евразийского экономического союза: учеб. / отв. ред. Л. М. Энтин, М. Л. Энтин*. М.: Норма : Инфра-М, 2021. С. 72.

⁴ *Berry D. S. Caribbean Integration Law*. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 383.

⁵ *Ukaigwe J. ECOWAS Law*. Heidelberg; N. Y.; Dordrecht; L.: Springer International Publishing, 2016. P. 71.

⁶ *Евразийская интеграция: роль Суда / под ред. Т. Н. Нешатаевой*. М.: Статут, 2015. С. 84.

⁷ Там же.

⁸ Подробнее см.: *Четвериков А. О. Гарантии независимости органов правосудия интеграционных объединений современных государств: сравнительно-правовой аспект // Актуальные проблемы российского права*. 2015. № 5. С. 161–166; *Интеграционное правосудие: сущность и перспектива / отв. ред. С. Ю. Кашкин*. М.: Норма, 2017; *Исполинов А. С. Что скрывается за броским термином «интеграционное правосудие»? // Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2017. № 3.

⁹ О данной дискуссии подробнее см.: *Смбалян А. С. Влияние конфликтующего толкования и практики выбора «удобного суда» на единство системы международного права // Российский юридический журнал*. 2010. № 1; *Толстых В. Л. Формирование системы международного правосудия и ее основные характеристики // Российский юридический журнал*. 2011. № 1.

но этот термин отражает и нынешнее положение вещей, и перспективы развития и взаимодействия ОМП. В данном случае независимость ОМП скорее не исключает, а предопределяет особенности формирования и функционирования системы, являющейся горизонтальной, равноуровневой. Важнейшей характеристикой системы ОМП является также то, что ее развитие в значительной степени происходит благодаря деятельности ее элементов – органов правосудия, формирующих взаимосвязанное целое без какого-либо вмешательства внешних сил. Система ОМП является самоорганизующейся; использование внешних инструментов контроля подрывает саму идею правосудия. Система ОМП может эффективно функционировать только при условии сохранения у каждого отдельно взятого органа правосудия всей полноты независимой судебной власти»¹.

Можно действительно говорить о сближении международных судов, но вряд ли категория «система» описывает современное состояние международного правосудия. Более удачным видится использование категории «интеграция», которая позволяет из отдельных «единиц» – судов, судопроизводства как их деятельности – формировать группы или сообщества судов и вести речь об интегративном объединении – международном правосудии. Точнее, такая общность существует и развивается объективно и лишь констатируется исследователем.

Можно выделить четыре направления интеграции международного правосудия: межгосударственное, уголовное, гражданское и по защите прав человека. Соответственно, есть и четыре вида международного правосудия. Возможность объединения судов определяется прежде всего предметной характеристикой рассматриваемых ими юридических дел, которая обуславливает и конкретную процессуальную специализацию.

Межгосударственное направление объединяет суды, имеющие следующие особенности:

- 1) субъектный состав разрешаемых споров – только традиционные субъекты международного права;
- 2) альтернативность использования международных судебных процедур;
- 3) широкая предметная характеристика споров;
- 4) реализация и иной компетенции – дача консультативных заключений;
- 5) разбирательство споров как в институциональных судах (Международный Суд ООН, Международный трибунал по морскому праву, Суд ЕС, Экономический суд СНГ), так и в судах / арбитражах *ad hoc* (в рамках Всемирной торговой организации, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Постоянной палаты третейского суда).

Межгосударственное правосудие является традиционным для международного права. К данному виду можно отнести деятельность Международного Суда ООН, Международного трибунала по морскому праву (основная компетенция), Постоянной палаты третейского суда (в рамках регламентов по арбитражному разбирательству с участием международных организаций и государств, по арбитражному разбирательству споров между двумя государствами), Суда по примирению и арбитражу в рамках ОБСЕ, Органа разрешения споров в рамках ВТО, Суда ЕС (основная компетенция), Экономического суда СНГ, Суда Европейской ассоциации свободной торговли, Суда Бенилюкса, Суда Андского сообщества, Центральноамериканского суда, Международного исламского суда, Судебной инстанции Союза арабского Магриба, Суда Экономического и валютного сообщества Центральной Африки, Суда Экономического и валютного союза Западной Африки, Трибунала Южноафриканского сообщества развития, Трибунала Южноафриканского таможенного союза, Суда Восточноафриканского союза, Суда Общего рынка Восточной и Южной Африки, Судебного трибунала Организации арабских стран-экспортеров нефти, Суда Экономического сообщества стран Западной Африки, Общего суда правосудия и арбитража Организации по гармонизации коммерческого права в Африке, Суда Карибского сообщества.

Разрешение межгосударственных споров осуществляется международными судебными учреждениями общим судебным составом (или специальными подразде-

¹ Институты международного правосудия: учеб. пособие / под ред. В. Л. Толстых. М.: Междунар. отношения, 2014. С. 24.

лениями суда) в рамках детализированной и, как правило, неизменной для конкретного спора процедуры или создаваемой для разрешения конкретного дела группой арбитров (посредников) в рамках определяемой самими судьями и сторонами процедуры, общие характеристики которой заданы учредительными документами или регламентами международной судебной организации. При этом отмеченные варианты правосудия имеют не только организационные, но и процедурные отличия.

Уголовное направление интеграции объединяет суды, имеющие следующие особенности:

1) субъектный состав разрешаемых дел – государства, международные организации, международные судебные учреждения, физические лица;

2) предметная характеристика дел – международные преступления и преступления международного характера, «обычные» преступления, предполагающие использование международного содействия (международные организации, иные государства);

3) высокая степень унификации правового регулирования как на уровне организации и деятельности международных судебных учреждений, так и на уровне взаимодействия государств (например, Типовой договор о взаимной помощи в области уголовного правосудия, принятый Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 45/117 от 14 декабря 1990 г.);

4) организация – наличие судебных структур, обвиняющей стороны (обвинитель, прокурор), организационно-административных органов;

5) развитое взаимодействие с национальными органами;

6) единая система стадий, в которую входят досудебное производство (включая такие этапы, как получение информации и проведение ее проверки; возбуждение уголовного дела; проведение расследования; утверждение обвинительного заключения); судебное производство (включая проведение слушаний по уголовному делу в суде, вынесение решения и приговора); исполнение приговора; обжалование приговора в апелляционной инстанции.

К уголовному правосудию можно отнести деятельность Международного уголовного суда, международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии, Специального суда по Сьерра-Леоне, Специального трибунала по Ливану.

Гражданское направление интеграции объединяет суды, имеющие следующие особенности:

1) субъектный состав разрешаемых споров – государства, международные организации, международные судебные учреждения, физические лица, организации (юридические лица), которые могут выступать инициаторами судопроизводства;

2) предметная характеристика дел – суды разрешают гражданско-правовые (договорные, деликтные), трудовые споры;

3) процедура – возможность использования национальных исполнительных процедур (принудительное исполнение);

4) единая система стадий, включающая подачу заявления; письменное производство; устное производство; вынесение решения; исполнение решения; обжалование решения.

Гражданское правосудие охватывает деятельность Суда общей юрисдикции ЕС, Суда ЕС (например, когда речь идет об иском из причинения вреда или в связи с невыполнением обязательств по частноправовым контрактам, предъявленным государствами), Камеры по спорам, касающимся морского дна, Международного трибунала по морскому праву, Постоянной палаты третейского суда в рамках некоторых регламентов (регламенты по арбитражному разбирательству между международными организациями и частными лицами, по арбитражному разбирательству споров, связанных с природными ресурсами и / или окружающей средой), Международного центра по урегулированию инвестиционных споров, Апелляционной палаты Центральной комиссии по судоходству на Рейне, Суда Бенилюкса, Центральноамериканского суда, Суда Восточноафриканского союза, Суда Общего рынка Восточной и Южной Африки, Суда Экономического сообщества Западной Африки, Общего суда правосудия и арбитража Организации по гармонизации коммерческого права в Африке, Судебного трибунала Организации арабских стран-экспортеров нефти.

Направление интеграции международного правосудия по защите прав человека объединяет суды, имеющие следующие особенности:

1) субъектный состав разрешаемых споров – государства, международные организации, международные судебные и квазисудебные учреждения (комиссии и комитеты), физические лица, организации (юридические лица), которые могут выступать инициаторами судопроизводства;

2) предметная характеристика дел – суды разрешают обращения государств и частных лиц на нарушение прав и свобод, закрепленных международно-правовыми нормами;

3) процедура – наличие такой обязательной стадии, как проверка приемлемости обращения / жалобы;

4) реализация и иной компетенции – дача консультативных заключений;

5) единая система стадий, включающая подачу заявления; оценку приемлемости обращения; письменное производство; устное производство; вынесение решения; исполнение решения; обжалование решения;

6) единый набор производств: рассмотрение индивидуальных обращений; рассмотрение обращений государств; производство по даче консультативных заключений.

К данному виду правосудия можно отнести деятельность Европейского Суда по правам человека, Межамериканского суда по правам человека, Суда Экономического сообщества стран Западной Африки, Комитета по правам человека, Комитета против пыток, Комитета по ликвидации расовой дискриминации, Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитета по защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей, Комиссии по правам человека, Комиссии по положению женщин.

Выделение отдельных направлений интеграции международного правосудия позволяет комплексно рассматривать группы международных судов и реализуемых ими процедур, что, в свою очередь, дает возможность совершенствовать как организацию, так и судопроизводство в каждой из групп. Показательной можно считать эволюцию региональных судов по правам человека, каждый из которых, обладая собственной спецификой, воспринимает, но не воспроизводит опыт других. При принятии решения о создании нового суда для рассмотрения определенной категории дел государства или международные организации могут ориентироваться на обобщенные характеристики группы судов в рамках соответствующего направления. Нет необходимости повторять опыт какого-то одного суда, да и, как правило, это невозможно. В новом суде будут воспроизведены устойчивые и, главное, проверенные практикой стандартные элементы организации и процедуры всех судов, чья деятельность охватывается избранным направлением, и при необходимости сформулированы новые. Ярким примером такого подхода можно считать создание Международного уголовного суда.

Список литературы

Евразийская интеграция: роль Суда / под ред. Т. Н. Нешатаевой. М.: Статут, 2015. 304 с.

Европейское право. Основы интеграционного права Европейского Союза и Евразийского экономического союза: учеб. / отв. ред. Л. М. Энтин, М. Л. Энтин. М.: Норма : Инфра-М, 2021. 528 с.

Институты международного правосудия: учеб. пособие / под ред. В. Л. Толстых. М.: Междунар. отношения, 2014. 497 с.

Интеграционное правосудие: сущность и перспектива / отв. ред. С. Ю. Кашкин. М.: Норма, 2017. 112 с.

Исполинов А. С. Что скрывается за броским термином «интеграционное правосудие»? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 105–120.

Смбатян А. С. Влияние конфликтующего толкования и практики выбора «удобного суда» на единство системы международного права // Российский юридический журнал. 2010. № 1. С. 42–51.

Толстых В. Л. Формирование системы международного правосудия и ее основные характеристики // Российский юридический журнал. 2011. № 1. С. 62–70.

Цыганков П. А. Международные отношения: учеб. пособие. М.: Новая школа, 1996. 320 с.

Четвериков А. О. Гарантии независимости органов правосудия интеграционных объединений современных государств: сравнительно-правовой аспект // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5. С. 161–166.

Berry D. S. *Caribbean Integration Law*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 512 p.
Gonidec P.-F., Charvin R. *Relations Internationales*. P.: Editions Montchrestien, 1984. 484 p.
Ukaigwe J. *ECOWAS Law*. Heidelberg; N. Y.; Dordrecht; L.: Springer International Publishing, 2016. 385 p.

References

- Berry D. S. (2014) *Caribbean Integration Law*. Oxford: Oxford University Press. 512 p.
- Chetverikov A. O. (2015) Garantii nezavisimosti organov pravosudiya integratsionnykh ob"edinenii sovremennykh gosudarstv: sravnitel'no-pravovoi aspekt [Guarantees of independence of the judicial bodies of the integration associations of the modern states: comparative legal aspect]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 5, pp. 161–166.
- Entin L. M., Entin M. L. (Eds.) (2021) *Evropeiskoe pravo. Osnovy integratsionnogo prava Evropeiskogo Soyuza i Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza* [European law. Fundamentals of the integration law of the European Union and the Eurasian Economic Union]. Moscow, Norma : Infra-M, 528 p.
- Gonidec P.-F., Charvin R. (1984) *Relations Internationales*. Paris, Editions Montchrestien, 484 p.
- Ispolinov A. S. (2017) Chto skryvaetsya za broskim terminom «integratsionnoe pravosudie»? [What means loud term «integration unions»?] In *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, no. 3, pp. 105–120.
- Kashkin S. Yu. (Ed.) (2017) *Integratsionnoe pravosudie: sushchnost' i perspektiva* [Integration justice: essence and perspective] Moscow, Norma, 112 p.
- Neshataeva T. N. (Ed.) (2015) *Evraziiskaya integratsiya: rol' Suda* [Eurasian integration: the role of the Court]. Moscow, Statut, 304 p.
- Smbatyan A. S. (2010) Vliyanie konfliktuyushchego tolkovaniya i praktiki vybora «udobnogo suda» na edinstvo sistemy mezhdunarodnogo prava [The impact of conflict interpretation and practice of «convenient court» selection on a system of international law unity] In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 42–51.
- Tolstykh V. L. (2011) Formirovanie sistemy mezhdunarodnogo pravosudiya i ee osnovnye kharakteristiki [Formation of system of international justice and its basic characteristics]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 62–70.
- Tolstykh V. L. (Ed.) (2014) *Instituty mezhdunarodnogo pravosudiya* [Institutes of international justice]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 497 p.
- Tsygankov P. A. (1996) *Mezhdunarodnye otnosheniya* [International relations]. Moscow, Novaya shkola, 320 p.
- Ukaigwe J. (2016) *ECOWAS Law*. Heidelberg, New York, Dordrecht, London, Springer International Publishing, 385 p.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ В СУБЪЕКТАХ РФ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Курятников Виталий Владимирович

Доцент кафедры конституционного и административного права
Южно-Уральского государственного университета (Челябинск),
ORCID: 0000-0002-1092-3111, e-mail: kuryatnikov74@gmail.com.

В конце 2020 г. федеральный законодатель принял решение об упразднении конституционных (уставных) судов субъектов РФ, но сохранил абстрактную возможность восстановления регионального конституционного контроля или надзора в иной форме. В законе закреплено право субъектов РФ создавать конституционные (уставные) советы при представительных (законодательных) органах власти субъекта РФ, но статус этих органов не раскрывается. Признавая безусловную ценность конституционного контроля (в том числе регионального) для любого прогрессивного государства, приходится констатировать, что его восстановление в субъектах РФ, имевших конституционные (уставные) суды, а тем более его повсеместное внедрение во всех субъектах РФ возможны только после уяснения причин, повлекших упразднение региональной конституционной юстиции. Автор статьи рассматривает такие предпосылки прекращения деятельности уставных судов, как федеральное правовое регулирование, статус судов (в том числе вопросы совпадающей компетенции), количество рассматриваемых дел, финансирование. Анализируются обстоятельства, способствовавшие упразднению конституционных (уставных) судов субъектов РФ, а также формулируются предложения о статусе будущих конституционных (уставных) советов субъектов РФ.

Ключевые слова: конституционный контроль, конституционный надзор, судебный контроль, конституционные (уставные) суды, конституционные (уставные) советы, конституционная юстиция, конституционное правосудие

Для цитирования: Курятников В. В. Конституционный контроль в субъектах РФ: прошлое, настоящее, будущее // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 6. С. 44–52. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_6_44.

CONSTITUTIONAL CONTROL IN THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION: PAST, PRESENT, AND FUTURE

Kuryatnikov Vitaly

Associate professor, South Ural State University (Chelyabinsk),
ORCID: 0000-0002-1092-3111, e-mail: kuryatnikov74@gmail.com

At the end of 2020, the federal legislator decided to abolish the constitutional (statutory) courts of the constituent entities of the Russian Federation, but retained the abstract possibility of restoring regional constitutional control in a different form. The federal constitutional law provides for the right of the constituent entity of the Russian Federation to create constitutional (statutory) councils under the representative (legislative) authorities of the constituent entity, but the status of these bodies is not explained. The great importance of constitutional review (including regional one) for any progressive state is undoubted. However, it is obvious that constitutional control in the constituent entities of the Russian Federation cannot be restored until the reasons for the abolition of regional constitutional justice have been revealed. The article considers the following preconditions for the abolition of the constitutional

(statutory) courts: the federal legal regulation, the status of courts (including issues of overlapping competence), the number of cases under consideration, and funding. The article analyses the circumstances that contributed to the abolition of the constitutional (statutory) courts, and also formulates proposals concerning the status of future constitutional (statutory) councils of the constituent entities of the Russian Federation.

Key words: constitutional control, constitutional review, judicial control, constitutional (statutory) courts, constitutional (statutory) councils, constitutional justice

For citation: Kuryatnikov V. (2021) Constitutional control in the constituent entities of the Russian Federation: past, present, and future. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 44–52, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_6_44.

Начать статью хотелось бы с тезиса о неотвратимости упразднения конституционных (уставных) судов в субъектах РФ. Несмотря на то что согласно ст. 5 Федерального конституционного закона от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» они могут продолжать свою деятельность до 1 января 2023 г. (за исключением приема новых дел к производству), политическое решение федерального центра об их упразднении не встретило значительного сопротивления в субъектах федерации, а потому судьба их предрешена. Суды некоторых субъектов РФ прекратили свою деятельность уже в течение 2021 г. Например, Уставный суд Санкт-Петербурга перестал функционировать 1 июля 2021 г. (ст. 1 Закона Санкт-Петербурга от 12 апреля 2021 г. № 149-34 «Об упразднении Уставного Суда Санкт-Петербурга»), Уставный суд Калининградской области – с 1 апреля 2021 г. (ст. 1 Уставного закона Калининградской области от 1 декабря 2020 г. № 485). В то же время некоторые суды на момент написания статьи продолжали рассматривать ранее поступившие к ним дела (например, решение Уставного Суда Свердловской области по очередному делу было вынесено 2 декабря 2021 г.¹).

По нашему мнению, реставрация именно конституционных (уставных) судов (в том числе как судов, не входящих в судебную систему России), о которой идет речь в отдельных научных работах², маловероятна. Создание органов судебного конституционного контроля в отсутствие предписаний федерального закона (как это имело место до 1996 г.) не только политически невозможно, но и юридически наказуемо. Региональная конституционная юстиция за четверть века не просто не смогла укорениться в правовой системе и системе органов управления государства, но и дискредитировала себя. Упразднение конституционных (уставных) судов субъектов РФ закономерно (хотя и не вполне оправданно).

Незнание или непонимание обстоятельств, способствовавших упразднению региональной конституционной юстиции, может привести к тому, что субъекты РФ полностью откажутся от любых форм конституционного контроля или конституционного надзора либо «наступят на те же самые грабли», создавая конституционные (уставные) советы по образу и подобию упраздненных судов. Поэтому прежде чем рассмотреть перспективы сохранения, либо воссоздания, либо трансформации института конституционного контроля в субъектах РФ, следует разобраться в причинах упразднения конституционных (уставных) судов субъектов РФ.

Пояснительная записка к проекту федерального конституционного закона от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» не объясняет причин упразднения конституционных (уставных) судов субъектов РФ (что вполне закономерно, так как в первоначальной редакции законопроект их упразднения не предусматривал³). Соответствующие изменения

¹ URL: http://ustavsud.ru/index.php/index.php?ind=dvigenie_del&catalog=dvigenie_del&id=1 (дата обращения: 25.11.2021).

² Клеандров М. И. Конституционные изменения 2020 г. и механизмы правосудия: плюсы и минусы // Государство и право. 2020. № 10. С. 19; Гриценко Е. В. Федерализм и местное самоуправление в свете российской конституционной реформы 2020 года // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 4. С. 88. DOI: 10.31857/S102694520012228-1.

³ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1024648-7> (дата обращения: 25.11.2021).

были предложены при подготовке законопроекта ко второму чтению сенатором А. А. Клишасом и депутатом П. В. Крашенинниковым¹, которые в обоснование своей позиции сослались на необходимость привести проект в соответствие с поправками к Конституции РФ 2020 г. При этом о нежелательности (нецелесообразности или вредности) существования конституционных (уставных) судов субъектов РФ они не упоминали.

Действительно, формально-юридическим основанием для исключения конституционных (уставных) судов субъектов РФ из судебной системы России стали поправки в Конституцию РФ 2020 г., скорректировавшие положение ч. 3 ст. 118 Конституции РФ и установившие перечень судов, составляющих судебную систему РФ (в которую теперь, согласно Основному закону, входят: Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды и мировые судьи субъектов РФ). Видимо, в силу того, что при обсуждении этой поправки к Конституции РФ Президент РФ не поддержал и не опроверг саму идею существования конституционных (уставных) судов (сославшись на то, что это вопрос воли самого субъекта РФ), текст поправки сохранился, а судьбу конституционной юстиции в регионах преопределил Конституционный Суд РФ. Последний, трактуя эту норму в заключении от 16 марта 2020 г. № 1-3, указал, что приведенный в ст. 118 Конституции РФ перечень судов в России является исчерпывающим. При этом Суд воздержался от конкретизации причин, побудивших его сформулировать в своем заключении положение, фактически вынуждающее федерального законодателя исключить упоминание конституционных (уставных) судов субъектов РФ из Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

Здесь следует обратить внимание на тот факт, что и до поправок в Конституцию РФ 2020 г. существование региональной конституционной юстиции в известной мере противоречило п. «о» ст. 71 Конституции РФ, фактически запрещающему субъектам РФ иметь свое процессуальное законодательство (без которого немислимо осуществление правосудия), и ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, не предусматривавшей такого вида судопроизводства, как уставное, но это не вызывало возражений у Конституционного Суда РФ.

Мы не можем достоверно говорить о причинах, побудивших судей высказаться об исчерпывающем перечне судов в РФ, но можем предположить, что такая позиция Конституционного Суда РФ преопределена тем, что конституционная юстиция субъекта РФ в последние годы все более дискредитировала себя, а соответственно, и всю ветвь конституционного правосудия.

Прежде всего следует отметить фактический пересмотр решений конституционных (уставных) судов субъектов РФ Конституционным Судом РФ. Наиболее известными случаями являются Постановление Конституционного Суда РФ от 2 декабря 2013 г. № 26-П по делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 4 Закона Челябинской области «О транспортном налоге» в связи с запросом Законодательного Собрания Челябинской области, которым фактически пересмотрено постановление Уставного суда Челябинской области от 12 февраля 2013 г. № 001/13-П по этому же предмету, и Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2018 г. № 44-П по делу о проверке конституционности Закона Республики Ингушетия «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» и Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой в связи с запросом Главы Республики Ингушетия, которым фактически пересмотрено постановление Конституционного суда Республики Ингушетия от 30 октября 2018 г. № 19-П по тому же соглашению. В обоих случаях выводы Конституционного Суда РФ оказались прямо противоположны выводам региональных судов. При этом от фактической утраты силы решения региональных судов не уберегло и то обстоятельство, что, как справедливо заметил судья Г. А. Гаджиев в особом мнении по «челябинскому делу», в конституции (уставе) субъекта РФ может содержаться более высокий стандарт прав и свобод человека, а потому допустима ситуация, когда проверяемый акт, соответствуя Конституции РФ, может не соответствовать конституции (уставу) субъекта РФ.

¹ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1024648-7> (дата обращения 25.11.2021).

Возможность фактического пересмотра решений региональной конституционной юстиции федеральным конституционным судом возникала из-за частичного совпадения их компетенции, поскольку законы субъектов РФ могли быть проверены на соответствие как Конституции РФ, так и конституции (уставу) субъекта РФ. При этом ничего «страшного» в самом факте совпадения проверяемых актов нет, проблема – в принципиальной несогласии Конституционного Суда РФ с содержанием решений конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Однако механизм разрешения коллизий между решениями этих двух судебных подсистем отсутствовал. Более того, с учетом расширения компетенции Конституционного Суда РФ поправками в Конституцию РФ 2020 г., установившими универсальное правило о допустимости проверки на соответствие Основному закону страны всех нормативных актов субъекта РФ, в том числе в порядке конкретного нормоконтроля, обозначенная проблема фактического пересмотра решений должна была резко обостриться. Во-первых, возросло бы количество региональных актов, которые можно было бы «перепроверить» в Конституционном Суде РФ. А, во-вторых, в субъектах РФ устоялось мнение не просто о допустимости проверки в Конституционном Суде РФ актов, признанных неконституционными (противоречащими) уставу в субъекте РФ, но и о перспективности такого оспаривания и возможности восстановления юридической силы акта.

При всем уважении к Конституционному Суду РФ мы вынуждены констатировать, что своими решениями он обесценил решения конституционных (уставных) судов субъектов РФ и в некотором смысле вышел за пределы своей компетенции, рассматривая акты, утратившие юридическую силу. Иными словами, Конституционный Суд РФ, последовательно выступающий за правовую определенность, своими решениями создал правовую неопределенность, допустив возможность существования двух противоположных судебных решений, оба из которых сохраняют юридическую силу. Таким образом, сложилась ситуация, когда орган конституционного контроля субъекта РФ не только оказался неудобен для законодательной и исполнительной власти субъекта РФ, что закономерно в силу его статуса и места в системе разделения властей, но и стал поводом для постоянного «напряжения» в Конституционном Суде РФ в связи с возможностью оспаривания актов субъекта РФ, ранее признанных в субъекте РФ неконституционными (неуставными).

Однако, по нашему мнению, расширение компетенции Конституционного Суда РФ за счет предоставления ему права проверять акты субъектов РФ в порядке конкретного нормоконтроля и установление в Конституции РФ исчерпывающего перечня судов лишь запустили процедуру упразднения региональной конституционной юстиции, тогда как предпосылки к этому сформировались ранее.

В первую очередь, это пассивность самих субъектов РФ, которая прежде всего кроется в нежелании получить еще одного «контролера» для своих актов. Суды выступали окончательной и независимой инстанцией при разрешении споров о компетенции и споров о конституционности содержания и процедуры принятия акта, что вызывало недовольство проверяемых органов. Можно смело утверждать, что любой контрольный орган неудобен для контролируемого субъекта, а потому вполне объективно стремление соответствующих органов и должностных лиц или уклониться от контроля, или исключить саму его возможность¹ – например, путем неучреждения соответствующего контрольного органа, тем более наделенного функцией политического контроля². Как справедливо заметила М. А. Зубарева, органы власти субъекта РФ не хотели учреждать орган, который имел бы «реальные полномочия по проверке законности принимаемых ими решений»³.

В связи с изложенным вполне закономерно, что за более чем четвертьвековую историю региональные органы конституционного контроля были созданы и функционировали только в 20 субъектах РФ: Адыгее, Башкортостане, Бурятии, Дагестане, Ингушетии, Иркутской области, Кабардино-Балкарии, Калининградской области, Ка-

¹ Зубарева М. А. Проблемы существования конституционных (уставных) судов субъектов РФ // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 69–72.

² Несмеянова С. Э. Политическая функция в деятельности органов конституционного судебного контроля // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 5. С. 65.

³ Зубарева М. А. Указ. соч. С. 69–72.

релии, Коми, Марий-Эл, Мордовии, Якутии, Свердловской области, Санкт-Петербурге, Северной Осетии, Татарстане, Тыве, Челябинской области, Чеченской Республике. При этом еще около трети субъектов РФ предусматривали необходимость их создания в своих конституциях (уставах) и иногда даже принимали соответствующие законы о них, но так и не учредили эти суды.

Следует отметить нежелание федерации развивать конституционную юстицию в субъектах РФ: она не только не приняла отдельного федерального закона о конституционных (уставных) судах субъектов РФ, но и не обозначила своего отношения к таким судам, в том числе в программных документах о развитии судебной системы в России (например, в федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы», утвержденной постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406).

Следует напомнить и отклонение федеральным парламентом 10 апреля 2015 г. в первом чтении внесенного Республикой Северная Осетия – Алания проекта федерального закона «О конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации»¹. Официальной причиной отклонения была названа достаточность федерального регулирования и, как следствие, отсутствие необходимости в дополнительном федеральном законодательном регулировании. Именно несуразность такого аргумента демонстрирует негативное отношение федерального законодателя к идее обязательности конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Также можно напомнить об отсутствии в процессуальных кодексах (КАС РФ, ГПК РФ, АПК РФ) положений о пересмотре решений судов общей юрисдикции в связи с вынесением решения конституционного (уставного) суда субъекта РФ. Иными словами, решения региональных органов конституционного контроля, в отличие от решений Конституционного Суда РФ, не упоминались в числе оснований для пересмотра решения по «новым обстоятельствам».

Еще одна предпосылка упразднения региональной конституционной юстиции кроется в фактическом совпадении компетенции судов конституционной юстиции и судов общей юрисдикции (в том числе арбитражных судов). Отметим, что сфера совпадающей компетенции есть и у Конституционного Суда РФ, а с принятием поправок в Конституцию РФ 2020 г. эта сфера стала еще шире, однако для федерального органа конституционного контроля она явно несущественна, так как основные проверяемые им акты – это федеральные законы, которые не могли быть рассмотрены другими судами. Что касается конституционных (уставных) судов субъектов РФ, то абсолютно все проверяемые ими акты могли быть оспорены в судах общей юрисдикции. В отличие от Конституционного Суда РФ конституционные (уставные) суды субъектов РФ не имели сферы исключительной компетенции, поскольку не существовало актов, которые могли бы проверять только они.

Проблема совпадения компетенции конституционных (уставных) судов субъектов РФ и судов общей юрисдикции была усугублена еще и тем, что органы конституционного контроля зачастую вынуждены были проверять акты на соответствие федеральному закону. Формально-юридически конституционные (уставные) суды субъектов РФ не наделены таким правом, поскольку это компетенция федеральных судов, реализуемая ими в порядке КАС РФ, однако фактически они такую проверку проводили, хоть и маскировали данное обстоятельство. Так, установив факт противоречия проверяемого акта положениям федерального закона, конституционные (уставные) суды субъекта РФ признавали такой акт неконституционным (противоречащим уставу) в связи с нарушением принципа законности, традиционно закрепленного в основных законах субъектов РФ. Иными словами, конституционные (уставные) суды субъектов РФ, ссылаясь на недопустимость нарушения конституционного (уставного) принципа законности, т. е. недопустимость несоответствия проверяемых актов федеральным законам, фактически присваивали себе полномочия судов общей юрисдикции. Причем в условиях фрагментарности нормативных предписаний конституций (уставов) субъектов РФ такой подход зачастую был единственно возможным в ситуации, когда права заявителя основным законом субъекта РФ напрямую не защищались, но не-

¹ Проект федерального закона № 516143-6 «О конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/516143-6> (дата обращения: 25.11.2021).

обходимость предоставления такой защиты вытекала из общих принципов и требований федеральных законов. Однако такой подход неоднократно критиковался как судьями, так и учеными¹.

Еще одной причиной упразднения конституционных (уставных) судов субъектов РФ можно считать незначительное количество разрешаемых ими дел. Не оспаривая самого этого факта, неоднократно отмеченного в литературе², укажем, что сложившаяся ситуация была обусловлена объективными предпосылками. Ключевая кроется в ограниченности правового поля, формируемого субъектами РФ и муниципальными образованиями, что, в свою очередь, предопределило низкое количество обращений в конституционные (уставные) суды субъектов РФ. Следующая предпосылка заключается в характеристике органов конституционного контроля как судебных, т. е. органов власти, отделенных как от сторон спора, так и от его предмета. Конституционные (уставные) суды не могли не только самостоятельно инициировать рассмотрение дел, но и расширить предмет имеющегося спора (без соответствующего обращения заявителя). Иными словами, количество рассматриваемых судами дел напрямую зависело от: количества субъектов права, обладающих правом обратиться к ним; объема прав заявителей на обращение (обладали ли они правом на обращение в порядке абстрактного нормоконтроля или только в порядке конкретного нормоконтроля); активности самих заявителей.

Известны случаи, когда в отдельных субъектах РФ число потенциальных заявителей искусственно ограничивалось. Например, в Санкт-Петербурге не обладали правом запроса ни уполномоченные (по правам человека, по правам ребенка, по правам предпринимателей), ни прокурор, ни отдельные депутаты (как уровня субъекта РФ, так и уровня местного самоуправления). Для сравнения: в Республике Татарстан правом на обращение были наделены Президент, Государственный совет, его Президиум и комитеты, одна пятая от установленного числа депутатов Государственного совета, Уполномоченный по правам человека в Республике Татарстан, Кабинет министров и органы местного самоуправления (заметим – все, а не только представительные, как в Санкт-Петербурге).

Одним из наиболее прогрессивных в этом вопросе оказался законодатель Свердловской области, предоставивший право обращения в порядке абстрактного нормоконтроля Губернатору, Правительству, Законодательному собранию и любому его депутату, прокурору (правда, только областному), региональным омбудсменам (по правам человека, по правам ребенка и по защите прав предпринимателей), а также всем органам местного самоуправления. Более того, право запросить проведение конкретного нормоконтроля было предоставлено федеральным судам и мировым судьям. Однако следует признать, что не все указанные субъекты своим правом на обращение в конституционные (уставные) суды пользовались³.

Вместе с тем игнорировать факты нулевой результативности отдельных конституционных судов республик в составе РФ⁴ нельзя, а потому меры и механизмы, которые обусловят нормальную «загрузку» будущих конституционных (уставных) советов

¹ Кожевников О. А. Некоторые проблемы толкования и правоприменения положений федерального законодательства о подведомственности споров, рассматриваемых конституционными (уставными) судами субъектов РФ // Российский судья. 2011. № 11. С. 33–36; Его же. Некоторые проблемы в разграничении подведомственности споров между судами общей юрисдикции и конституционными (уставными) судами субъектов РФ и пути их разрешения // Право и политика. 2012. № 5. С. 897–901; Его же. Подведомственность споров конституционным (уставным) судам субъектов РФ: проблемы правоприменения // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 7. С. 39–44.

² См., например: Кряжков В. А. Конституционный контроль в субъектах Российской Федерации: каким он может быть после упразднения конституционных (уставных) судов // Государство и право. 2021. № 9. С. 68. DOI: 10.31857/S102694520016757-3; Евлоев И. М. Ликвидация конституционных (уставных) судов субъектов РФ: закономерность или ошибка? // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 10. С. 141–150. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.141-150 и др.

³ Шульженко М. А. Участие прокурора в рассмотрении дел конституционными, уставными судами субъектов Федерации // Законность. 2020. № 9. С. 23–26.

⁴ Так, Конституционный суд Чеченской Республики за весь период своего существования не принял ни одного постановления, а конституционные суды Марий Эл, Дагестана, Кабардино-Балкарии и Ингушетии принимали примерно по одному постановлению в год.

субъектов РФ, должны быть в центре внимания как ученых-конституционалистов, так и разработчиков законов о них.

Еще одну предпосылку упразднения конституционных (уставных) судов субъектов РФ традиционно связывают с дороговизной их содержания. Однако думается, что такая оценка является поверхностной и популистской. Как подметил В. А. Кряжков, из бюджета субъекта РФ тратилось не более десятых (а то и сотых) долей процента на содержание региональной конституционной юстиции¹, а потому вопрос содержания судов не мог послужить реальной причиной их упразднения. А вот зависть отдельных должностных лиц к правовому статусу судьи конституционного (уставного) суда субъекта РФ такой латентной причиной выступить вполне могла, тем более что никто из должностных лиц органов власти субъекта РФ или муниципальных образований не обладал такими высокими гарантиями, как судьи (в том числе неприкосновенностью).

Итак, ключевыми предпосылками упразднения конституционной юстиции в субъектах РФ стала незавершенность и откровенная пробельность федерального законодательства, усугубленная нежеланием большинства субъектов РФ создавать дополнительный контрольный орган и отстаивать их существование в системе органов власти. Примеры упразднения конституционных (уставных) судов в отдельных субъектах РФ в последние годы в сочетании с тенденцией к сокращению количества рассматриваемых ими дел давно поставили вопрос о необходимости реформирования системы регионального конституционного контроля. Федеральный конституционный закон от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» саму возможность такого реформирования допускает, но лишь намечает его контуры, а потому перед учеными встает задача определить возможные направления и конкретные параметры такого реформирования.

По нашему мнению, сохранение конституционного судебного контроля в субъектах РФ (без изменения Конституции РФ) невозможно, но вполне допустимо учреждение конституционного надзора с отдельными квазисудебными элементами. С учетом опыта функционирования конституционных (уставных) судов субъектов РФ предлагаем законодателям (как федеральному, так и региональным) установить следующие ключевые характеристики статуса конституционных (уставных) советов субъектов РФ.

1. Решения конституционных (уставных) советов субъектов РФ не должны обладать окончательной юридической силой. При этом мы возражаем против исключительно рекомендательного характера их решений. Оптимальным видится следующий подход: выявив несоответствие оспариваемого акта конституции (уставу) субъекта РФ, конституционный (уставный) совет субъекта РФ своим решением приостанавливает его действие до принятия соответствующего решения органом власти, издавшим акт; если этот орган согласен с позицией конституционного (уставного) совета субъекта РФ, он отменяет или изменяет неконституционный (противоречащий уставу) акт, если нет – принимает решение о продолжении действия акта.

Чтобы этот механизм оказался действенным, крайне важно наделить конституционные (уставные) советы субъектов РФ правом направления запросов в Конституционный Суд РФ, но не по любому акту, а лишь по тому, который ранее был признан не соответствующим конституции или уставу субъекта РФ. Безусловно, законом субъекта РФ такое право не может быть установлено, но это может сделать федеральный законодатель.

2. С учетом положений ч. 1 ст. 132 Конституции РФ и п. «з» ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 11 июня 2021 г.) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» о самостоятельности осуществления органами местного самоуправления своих полномочий конституционные (уставные) советы субъектов РФ должны получить право проверять все нормативные акты уровня субъекта РФ, но не муниципальные акты.

3. Статус членов конституционного (уставного) совета субъекта РФ должен быть особым. С одной стороны, он должен гарантировать занятие соответствующей должности только специалистами в области права с признанной высокой квалификацией

¹ Кряжков В. А. Указ. соч. С. 68.

и безупречной репутацией, а с другой – должен исключать постоянную профессиональную деятельность в качестве члена конституционного (уставного) совета субъекта РФ. Иными словами, членами советов должны быть профессиональные юристы-эксперты, привлекаемые *ad hoc* (т. е. на момент рассмотрения акта). При этом число таких экспертов должно быть относительно большим, обеспечивая как коллегиальность при обсуждении и вынесении решения, так и их ротацию.

4. Граждане должны сохранить право обращения в конституционные (уставные) советы (в порядке конкретного нормоконтроля) наряду с должностными лицами (в порядке абстрактного нормоконтроля).

5. Рассмотрение дел должно быть публичным с элементами состязательности, а обсуждение решения – тайным. Сами решения и особые мнения членов советов (при их наличии) должны подлежать официальному опубликованию в тех же изданиях, что и акты, в отношении которых они вынесены.

Представляется, что указанные предложения позволят трансформировать региональный конституционный контроль в региональный конституционный надзор с учетом положительного опыта конституционных (уставных) судов субъектов РФ. При этом такой надзор должен быть не эфемерным (декоративным), а действенным механизмом защиты конституций (уставов) субъектов РФ, предоставляющим гражданам альтернативный способ защиты прав и свобод.

Список литературы

Гриценко Е. В. Федерализм и местное самоуправление в свете российской конституционной реформы 2020 года // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 4. С. 80–97. DOI: 10.31857/S102694520012228-1.

Евлоев И. М. Ликвидация конституционных (уставных) судов субъектов РФ: закономерность или ошибка? // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 10. С. 141–150. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.141-150.

Зубарева М. А. Проблемы существования конституционных (уставных) судов субъектов РФ // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 69–72.

Клеандров М. И. Конституционные изменения 2020 г. и механизмы правосудия: плюсы и минусы // Государство и право. 2020. № 10. С. 7–23. DOI: 10.31857/S102694520012228-1.

Кожевников О. А. Некоторые проблемы в разграничении подведомственности споров между судами общей юрисдикции и конституционными (уставными) судами субъектов РФ и пути их разрешения // Право и политика. 2012. № 5. С. 897–901.

Кожевников О. А. Некоторые проблемы толкования и правоприменения положений федерального законодательства о подведомственности споров, рассматриваемых конституционными (уставными) судами субъектов РФ // Российский судья. 2011. № 11. С. 33–36.

Кожевников О. А. Подведомственность споров конституционным (уставным) судам субъектов РФ: проблемы правоприменения // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 7. С. 39–44.

Кряжков В. А. Конституционный контроль в субъектах Российской Федерации: каким он может быть после упразднения конституционных (уставных) судов // Государство и право. 2021. № 9. С. 65–74. DOI: 10.31857/S102694520016757-3.

Несмеянова С. Э. Политическая функция в деятельности органов конституционного судебного контроля // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 5. С. 60–65.

Шульженко М. А. Участие прокурора в рассмотрении дел конституционными, уставными судами субъектов Федерации // Законность. 2020. № 9. С. 23–26.

References

Evloev I. M. (2020) Likvidatsiya konstitutsionnykh (ustavnykh) sudov sub"ektov RF: zakonomernost' ili oshibka? [Liquidation of the constitutional (charter) courts of the constituent entities of the Russian Federation: a pattern or error?]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, vol. 15, no. 10, pp. 141–150, DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.141-150.

Gritsenko E. (2020) Federalizm i mestnoe samoupravlenie v svete rossiiskoi konstitutsionnoi reformy 2020 goda [Federalism and local self-government in the light of Russian constitutional reform 2020] In *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 4, pp. 80–97, DOI: 10.31857/S102694520012228-1.

Kleandrov M. I. (2020) Konstitutsionnye izmeneniya 2020 g. i mekhanizmy pravosudiya: plyusy i minusy [Constitutional changes in 2020 and the mechanism of justice: pros and cons]. In *Gosudarstvo i pravo*, no. 10, pp. 7–23, DOI: 10.31857/S102694520012228-1.

Kozhevnikov O. A. (2011) Nekotorye problemy tolkovaniya i pravoprimeneniya polozhenii federal'nogo zakonodatel'stva o podvedomstvennosti sporov, rassmatrivaemykh konstitutsionnymi (ustavnymi) sudami sub"ektov RF [Some problems of interpretation and enforcement of the provisions of

federal legislation on the jurisdiction of disputes considered by the constitutional (statutory) courts of the constituent entities of the Russian Federation]. In *Rossiiskii sud'ya*, no. 11, pp. 33–36.

Kozhevnikov O. A. (2012) Nekotorye problemy v razgranichenii podvedomstvennosti sporov mezhdu sudami obshchei yurisdiksii i konstitutsionnymi (ustavnymi) sudami sub"ektov RF i puti ikh razresheniya [Some problems in delineating the jurisdiction of disputes between courts of general jurisdiction and constitutional (statutory) courts of the constituent entities of the Russian Federation and ways to resolve them]. In *Pravo i politika*, no. 5, pp. 897–901.

Kozhevnikov O. A. (2012) Podvedomstvennost' sporov konstitutsionnym (ustavnym) sudam sub"ektov RF: problemy pravoprimeneniya [Jurisdiction of disputes to constitutional (statutory) courts of the constituent entities of the Russian Federation: problems of law enforcement]. In *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 7, pp. 39–44.

Kryazhkov V. A. (2021) Konstitutsionnyi kontrol' v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii: kakim on mozhет byt' posle uprazhneniya konstitutsionnykh (ustavnykh) sudov [Constitutional control in the subjects of the Russian Federation: how it can be after the abolition of constitutional (statutory) courts]. In *Gosudarstvo i pravo*, no. 9, pp. 65–74, DOI: 10.31857/S102694520016757-3.

Nesmeyanova S. E. (2012) Politicheskaya funktsiya v deyatelnosti organov konstitutsionnogo sudbnogo kontrolya [Political function in the activities of constitutional court control bodies]. In *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 5, pp. 60–65.

Shul'zhenko M. A. (2020) Uchastie prokurora v rassmotrenii del konstitutsionnymi, ustavnymi sudami sub"ektov Federatsii [Participation of a public prosecutor in consideration of cases by constitutional, statutory courts of the constituent elements of the Federation]. In *Zakonnost'*, no. 9, pp. 23–26.

Zubareva M. A. (2020) Problemy sushchestvovaniya konstitutsionnykh (ustavnykh) sudov sub"ektov RF [Issues of existence of constitutional (statutory) courts of the constituent entities of the Russian Federation]. In *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 2, pp. 69–72.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-НАУЧНОЙ СФЕРЫ (на примере профессиональной подготовки юристов и юриспруденции)

Зипунникова Наталья Николаевна

Доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0003-1800-3704, e-mail: igp@usla.ru

В статье охарактеризованы сложившиеся в разных отраслях социогуманитарного знания подходы к интерпретации категории «преемственность» в преломлении к сфере образования и науки. Показано особое значение вопросов периодизации истории отечественного юридического образования и юриспруденции и проблематики так называемых переходных периодов. Юбилеи 2021 г., в частности кафедры истории государства и права и музея истории Уральского государственного юридического университета, расцениваются как исследовательские поводы для дальнейшей разработки обширной проблематики преемственности. Делается вывод о перспективности рассмотрения преемственности как диалога эпох и культур и необходимости дальнейшего отнюдь не линейного, а полемического изучения истории подготовки юридических кадров и юриспруденции как отрасли научного знания.

Ключевые слова: преемственность, юридическое образование и наука, периодизация, переходные периоды, традиции, Уральский государственный юридический университет, кафедра истории государства и права, музей истории

Для цитирования: Зипунникова Н. Н. Преемственность в развитии российской образовательно-научной сферы (на примере профессиональной подготовки юристов и юриспруденции) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 6. С. 53–71. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_6_53.

CONTINUITY IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN EDUCATIONAL AND SCIENTIFIC SPHERE (by the example of professional training of lawyers and jurisprudence)

Zipunnikova Natal'ya

Associate professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0003-1800-3704, e-mail: igp@usla.ru.

The article considers the approaches to the interpretation of the category of «continuity», which have been developed in various branches of socio-humanitarian knowledge, through the lens of education and science. The author underlines the special importance of the issues of periodization of the history of domestic legal education and jurisprudence as well as the problems of the so-called transitional periods. The anniversaries of 2021, in particular of the Department of the History of State and Law and the History Museum of the Ural State Law University, are regarded as research reasons for further promotion of the vast issues of continuity. The author concludes that it is promising to consider continuity as a dialogue of epochs and cultures and there is the need for further not linear, but polemical studying of the past of professional training of lawyers and jurisprudence as a branch of scientific knowledge.

Key words: continuity, legal education and science, periodization, transitional periods, traditions, Ural State Law University, Department of the History of State and Law, Museum of History

For citation: Zipunnikova N. (2021) Continuity in the development of the Russian educational and scientific sphere (by the example of professional training of lawyers and jurisprudence). In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 53–71, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_6_53.

Кафедре истории государства и права УрГЮУ – 85? (Вместо предисловия)

Осенью 2021 г. одна из ведущих историко-правовых кафедр вузов страны встретила очередной юбилей. Устойчивой традицией стало определять точкой отсчета кафедральной истории приказ по Свердловскому правовому институту от 13 сентября 1936 г. № 114¹. В состав новой структуры тогда были включены такие дисциплины, как «История государства и права» (с поручением ее преподавания профессору Кечекьяну и доценту Мартысевичу), «Общая история гос. права и народов СССР»² (профессор Юшков), «История политических учений» (доцент Баев); заведование кафедрой возлагалось на Серафима Владимировича Юшкова³, который проработал в Свердловске с осени 1936 г. до весны 1938 г. В сформировавшейся «юшковиане», еще ждущей своего исследователя (несмотря на имеющиеся публикации, в том числе о «школе Юшкова»⁴), непродолжительный «уральский эпизод» вряд ли может характеризоваться как малозначимый. Помимо открытия профильной историко-правовой кафедры в провинциальном и небольшом тогда вузе, важно обратить внимание на обстоятельство, обозначенное в институтской делопроизводственной документации 1938 г.: «В настоящее время профессор Юшков составил учебник истории государства и права народов СССР, построенный на основе учения Ленина – Сталина о задачах и объеме науки истории народов СССР»⁵. Упомянутый учебник⁶ стал большим событием в советской историко-правовой науке⁷.

Более тщательное исследование иркутских корней вузовской истории, предпринятое в последние годы и позволившее обосновать непрерывность ее развития с 1918 г., ставит ряд новых вопросов, в том числе о возрасте кафедры-юбилея. Среди первых научно-учебных подразделений, созданных на юридическом факультете Иркутского государственного университета, была кафедра истории русского права во главе с Сергеем Петровичем Покровским, назначенным «исполнявшим дела» ординарного профессора с 15 октября 1918 г.⁸ Вероятные противники «состаривания» кафедры могут привести доводы о весьма динамичных изменениях факультета в Иркутске в период с 1918 по 1931 г., когда он был выделен из университета и преобразован в самостоятельный институт советского права. И уже в 1920 г. С. П. Покровский поки-

¹ К 70-летию кафедры истории государства и права УрГЮА // Российский юридический журнал. 2007. № 1; Помним, думаем, спорим...: сб. ст., посвящ. 75-летию со дня основания кафедры истории государства и права УрГЮА / сост. Т. М. Баженова, Н. Н. Зипунникова; отв. ред. А. С. Смыкалин. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013; *Насибуллин Р. А.* Кафедре истории государства и права Уральского государственного юридического университета – 80 лет // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 5; Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016): сб. науч. тр.: в 4 т. Т. 1: История кафедры, эволюция российского и зарубежного государства и права в трудах ученых кафедры, аспирантов, соискателей и докторантов / под ред. А. С. Смыкалина. Екатеринбург: УрГЮУ, 2016 и др.

² Как можно судить по комплексу иных документов, в приказе допущено неточное название дисциплины. Речь идет об «Истории государства и права народов СССР».

³ Архив Уральского государственного юридического университета. Ф. 2143-р. Оп. 1Л. Ед. хр. 20. Л. 89.

⁴ См., например: *Лафитский В. И., Залоило М. В.* С. В. Юшков и историко-правовая школа // Журнал российского права. 2015. № 9.

⁵ Государственный архив Свердловской области. Ф. 2143-р. Оп. 1. Ед. хр. 211. Л. 60.

⁶ *Юшков С. В.* История государства и права СССР: Утв. Всесоюз. ком. по делам высш. шк. при СНК СССР в качестве учебника для юрид. ин-тов. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940.

⁷ Обсуждение учебника С. В. Юшкова по истории государства и права СССР // Советское государство и право. 1963. № 2. С. 146–149; *Кострюков П. А.* С. В. Юшков – основоположник советской историко-правовой науки // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2007. № 2. С. 96; *Кострюков П. А.* Государственно-правовые воззрения Серафима Владимировича Юшкова: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 13–16. См. также: *Земцов Б. Н.* Социологическое понимание истории права // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2014. № 4. С. 51–52.

⁸ *Казарин В. Н., Лякутина Ю. П.* Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 115, 133.

нул Иркутск, приступив к работе в учрежденном Туркестанском (Среднеазиатском) университете в Ташкенте¹. Но дело не столько в споре о датах, сколько в осмыслении преемственности кафедрального, вузовского развития, эволюции образовательных и научных институций в целом. Какой может быть такая преемственность? Продвижение в познании этой проблемы видится весьма своевременным. Придание категориям «преемственность», а также «память (предков)» конституционного значения (ст. 67.1 Конституции РФ) не оставляет в этом никаких сомнений. Важно также еще раз акцентировать внимание на взаимообусловленности юридического образования и правоведения как отрасли научного знания и обстоятельно поразмышлять о коренящемся в их истории двуединстве.

Преемственность (образования и науки) как научная категория в интерпретациях представителей разных отраслей социогуманитарного знания

Юридическое образование и наука как системные социокультурные явления и институции пересекают и смыкают правовое и образовательно-научное пространства, потому весьма перспективным представляется рассмотрение заявленной категории сквозь разные «окуляры». Не претендуя на всеохватный обзор, зафиксируем некоторые важные, как видится, позиции, сформировавшиеся к настоящему времени в социогуманитаристике.

В педагогической науке (по крайней мере отечественной) преемственность осмысливается как непрерывность образования, обучения, воспитания, последовательное и систематическое расположение материала, связь и согласование ступеней и этапов учебно-воспитательной работы (преемственность уровней образования, программ, практик и др.)². При этом отмечено, что в педагогических исследованиях обнаруживаются разные подходы к определению этого понятия³. В одной из коллективных монографий *историко-педагогического толка* специально уточняется, что преемственность – процесс сохранения и передачи педагогического знания и опыта, характерного для определенного исторического периода; традиция, как указано, выражает собой форму осуществления этого процесса, а новаторство трактуется как специфический вид деятельности, направленный на модификацию, совершенствование традиционных и создание новых своеобразных форм образовательной деятельности. Как видно, акцент сделан на преемственности хронологической, хотя показана также «генетическая» преемственность, могущая быть непосредственной и опосредованной, непрерывной и дискретной⁴. Издается журнал «Преемственность в образовании», миссией которого провозглашен поиск путей повышения качества образования при реализации преемственности с учетом современных и будущих тенденций⁵.

В социологической науке трактовки преемственности в образовании также связаны с разнообразием подходов – системного, институционального, процессуального и др. В частности, с позиций институционального подхода преемственность в образовании определяется как «преемственность функций, ступеней и структур института образования, а также его функциональное взаимодействие с другими социальными институтами (семьей, культурой, производством, наукой, армией и т. д.), базирующе-

¹ Доктора юридических наук, профессора – преподаватели и выпускники Иркутского государственного университета: биобиблиогр. слов. / сост. и отв. ред. В. Н. Казарин; авт. вступ. ст. О. П. Личичан. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. С. 162.

² См., например: Кузнецова В. А. Преемственность содержания педагогического образования в системе «педучилище – педколледж – педвуз»: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Уфа, 2003. С. 5–6; Бывшева М. В. Теоретические аспекты преемственности в системе образования // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2011. № 22. С. 259–263.

³ Легенчук Д. В. Содержательная сущность принципа преемственности в педагогической науке на современном этапе // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 2. С. 59.

⁴ Подробнее см.: Богуславский М. В., Богуславская Т. Н., Лобзаров В. М., Милованов К. Ю., Сумнительный К. Е. Преемственность и новаторство в развитии основных направлений отечественной педагогической науки (конец XIX – XX вв.): моногр. / под ред. М. В. Богуславского. М.: ФГНУ ИТИП РАО, 2012. С. 7–8 и далее.

⁵ URL: <http://www.journal-preemstvennost.ru/o-zhurnale/> (дата обращения: 16.11.2021).

еся на использовании результатов деятельности друг друга, взаимосвязях социальных общностей в сфере образования». Процессуальный подход аттестован как один из основных и наиболее значимых, поскольку позволяет демонстрировать, что «в современном российском образовании *низка степень преемственности* (курсив мой. – Н. З.), что оно дискретно, фрагментарно, разорвано». Отмечено, что преемственность в образовании представлена тремя уровнями: индивидуально-личностным (как связь между стадиями развития личности, реализуемая в процессе перехода с одной ступени образования на другую); социальным (как «взаимосвязь допрофессионального и профессионального, с одной стороны, дошкольного, общего среднего, начально-профессионального, среднего профессионального, высшего, послевузовского, – с другой»); социетальным (как взаимодействие института образования с другими социальными институтами)¹.

В поставленной более широко проблеме социальной преемственности образования и наука, наряду с семьей, производством и др., отнесены к общественным каналам восприятия, выполняющим главную роль в формировании определенного типа личности: они закладывают объективные предпосылки становления субъекта социальной преемственности². И если преемственностью как философской категорией предлагается обозначать закономерную связь между различными этапами развития действительности, где содержание, структура и функции одной системы повторяются, отбрасываются и развиваются в другой на качественно новом уровне, то социальную преемственность характеризуют как выражение высшего типа преемственной связи. Предложена и дефиниция данного типа связи: «Это такое понятие, отражающее процессы социального наследования, характерной особенностью которого является сохранение, повторение, преобразование и развитие, отрицание и отбрасывание социально значимого продукта в пространстве и во времени в деятельности субъекта конкретно-исторической системы культуры»³. В работах по философии культуры предлагается расширить контекст рассмотрения проблемы преемственности посредством разворачивания эволюционной и исторической эпистемологии. Это, как видится российским ученым, позволяет исследовать специфику связи прошлого и настоящего в культуре, ее развития с учетом активной роли человека – субъекта культурно-исторического процесса⁴.

В культурологических, музееведческих исследованиях в последние годы ставится вопрос о соотношении культурной преемственности⁵, культурной памяти и традиции. В частности, культурная память трактуется как культурный текст, содержанием которого является культурный опыт прошлого как результат адаптации этноса к условиям существования; поясняется при этом, что опыт имеет тенденцию к воспроизводству и реактивации. Под традицией предлагается понимать определенную форму культурного опыта, способ существования культурного текста, его сохранения и воспроизводства. В свою очередь, культурная преемственность рассматривается как механизм движения традиции в пространственно-временном континууме⁶. И вряд ли ошибкой будет утверждение, что ключевой категорией становится «память»⁷; причем трудно не согласиться с позицией, что музеи как институты памяти имеют преиму-

¹ Архипова С. В. Преемственность в образовании: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2009. С. 11–12.

² Подробнее см.: Рубанов В. Г. Структура и механизмы социальной преемственности // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323. № 6. С. 113–114.

³ Рубанов В. Г. Понятие «преемственность» и его социальное измерение // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323. № 6. С. 104, 108.

⁴ См., например: Тахтамышев В. Г., Харламова С. Г. Преемственность: к вопросу о методологии исследования // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1741.

⁵ Не утрачивает своего значения работа Э. А. Баллера «Преемственность в развитии культуры» (М.: Наука, 1969), размышлявшего о культурной преемственности как о связи между различными этапами или ступенями как бытия, так и познания, обстоятельно характеризовавшего ее сущность.

⁶ Первушина О. В. Культурная преемственность, культурная память и традиция: соотношение понятий как культурологическая проблема // Мир науки, культуры и образования. 2011. № 1. С. 327.

⁷ Как пишет О. В. Первушина, научный интерес к проблеме исследования «памяти» в различных областях знания в настоящее время имеет устойчивую тенденцию к возрастанию. См.: Первушина О. В. Культурная память: проблемное поле исследования // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2019. № 2. С. 34.

щества перед прочими агентами культуры, являются «лучшим примером... мнемонической машины»¹. В отечественном и зарубежном дискурсах (работы М. Хальбвакса, А. и Я. Ассман, П. Рикера, П. Нора, Ю. М. Лотмана, Л. П. Репиной и многих других исследователей²) обозначается проблема различения культурной, исторической, индивидуальной, коллективной, социальной памяти. Что важно, к этим вопросам стали обращаться и юристы, историки права³.

Для литературоведения исследуемая категория также является совсем не «проходной»: преемственности в литературе посвящаются и отдельные исследования, и крупные научные форумы, поскольку наряду с новаторством, разрушением и преобразованием канонов она относится к базовым механизмам литературного процесса⁴. Примечательно, что преемственность трактуется как диалог (культур, мировоззрений, стилей и пр.)⁵; такая конструктивная литературоведческая идея видится плодотворной и для «препарирования» феноменов образования и науки.

В исторической науке принципиально важным в связи с рассматриваемой проблематикой представляется творческое развитие жанра так называемых университетских историй, а также истории интеллектуальной. Генезис первых показывают Е. А. Вишленкова, В. С. Парсамов, Ф. А. Петров и другие историки; при этом исследование движения «университетской идеи», сравнение разных университетских моделей дало впечатляющие результаты⁶. Укрепляющаяся тенденция междисциплинарности в интеллектуальной истории, качественные изменения в понимании ее предмета, задач, методологии⁷ не могут не влиять на интерпретацию упомянутых категорий памяти, преемственности, традиции. Среди прочих на острие дискурса – «университетская традиция», которая, как и прочие традиции в социальной жизни, согласно Э. Хобсбауму и Т. Рейнджеру, изобретается. Теория и практика университетской пре-

¹ *Наварро О.* История и память в современном музее: несколько замечаний с точки зрения критической музеологии / пер. с англ. В. Г. Ананьева // Вопросы музеологии. 2010. № 2. С. 5, 7. Составители профильного и, как видится, новаторского сборника замечают, среди прочего, что формула «собирать, изучать, хранить, экспонировать объекты предметного мира человека» (а ныне и нематериальные свидетельства) до сих пор прочна и незыблема в музееведении, как в архитектуре – витрувиальная триада пользы, прочности и красоты. См.: Музей и время (вместо предисловия) // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. док. и материалов / отв. ред. Э. А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. С. 5.

² *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 16.10.2021); *Его же.* Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007; *Ассман А.* Длинные тени прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое лит. обозрение, 2014.; *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и идентичность в высоких культурах / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004; *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция – память / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999; *Рикер П.* Память, история, забвение / пер. с фр. И. И. Блауберг, И. С. Вдовиной, О. И. Мачульской, Г. М. Тавризян. М.: Изд-во гуманитар. лит., 2004; *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996; *Репина Л. П.* Культурная память и проблемы историографии: историографические заметки. М.: ГУ ВШЭ, 2003 и др.

³ См., например: *Кодан С. В.* Социальная память в структуре научно-познавательной деятельности: понятие, основные характеристики, подходы // Юридические формы переживания истории: практики и пределы: коллектив. моногр. / под ред. С. В. Бочкарева. СПб.: Астерион, 2020. С. 12–26; *Крупеня Е. М.* Историческая память: концептуализация и некоторые проблемы теоретико-правового осмысления // Там же. С. 37–48; *Честнов И. Л.* Коллективная память в историко-правовой науке // Там же. С. 142–148.

⁴ Преемственность как фактор литературного процесса. Опыт Центральной и Юго-Восточной Европы: по материалам I Хоревских чтений / отв. ред. И. Е. Адельгейм. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2017. С. 5.

⁵ *Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2015. С. 11–13 и далее; *Подобрий А. В.* Преемственность – традиция – диалог – новаторство (к вопросу о литературной эволюции) // Мировая литература в контексте культуры. 2013. № 2. С. 140 и др.

⁶ *Вишленкова Е. А., Парсамов В. С.* Университетские истории в России: генезис жанров // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3; *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России: в 4 т. Т. 1: Российские университеты и Устав 1804 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002; *Андреев А. Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009; *Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: антология* / сост. А. Ю. Андреев, С. И. Посохов. М.: РОССПЭН, 2011; *Маурер Т.* «Барометры» или «Маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов / пер. Л. П. Комлевой, К. А. Левинсона, В. В. Смекалиной. М.: РОССПЭН, 2015 и др.

⁷ *Репина Л. П.* Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2008. Вып. 25/1. С. 5; *Зверева Г. И.* Интеллектуальная история в современной России: институты и направления // Преподаватель XXI век. 2018. № 4. С. 297.

емственности, включая «состаривание» университетов и «борьбу за право первородства», как показано, связаны с убеждением в исторической универсальности понятия «университет» и априорным признанием непрерывности университетской истории¹.

В целом с *научоведческих, философских позиций* рассмотрение вопросов преемственности в науке, в развитии научного знания позволяет более полно раскрывать разнообразные науковедческие концепции; будучи более широкой категорией, чем научная традиция, научная преемственность представляет собой «дихотомический процесс стабилизации и трансмутации, прерывности и непрерывности»².

Преемственность в праве: кратко о проблемном поле и трактовках юристов

Для юридической науки (и историко-правовой, в частности) характеризуемая категория является одной из центральных; принято считать, что интерес к ней восходит к римской правовой традиции. Как писал С. С. Алексеев, преемственность права исторически являлась «показателем и выражением (а пожалуй, еще и „институтом обеспечения“, „охранителем“) непрерывности человеческой цивилизации, причем по основополагающим институтам человеческой культуры»³.

Особое значение для осмысления данного понятия имеет обращение к обширному корпусу компаративистских исследований (Э. Аннерс, Р. Давид, Р. Каброяк, Х. Кетц, Ф. Решетников, А. Саидов, К. Цвайгерт и др.). Кроме того, историку права вряд ли возможно обойтись хотя бы без упоминания историографического домена, сформированного в соответствующей отрасли знания. В историко-правовой науке, помимо проблемы преемственности и ее разрывов, неизбежно ставится вопрос о том, как исследовать прошлое. По этому поводу В. И. Сергеевич, в частности, писал: «Образование права в каждую историческую эпоху имеет свои характерные особенности, отражающие дух эпохи и ее воззрения на право. Смотря на прошлое глазами нашего времени, мы не всегда отдаем должное этим особенностям; наоборот, мы бываем весьма склонны видеть в прошлом те же явления, к которым привыкли и в окружающей нас действительности». Таким образом возникает «невольный перенос настоящего в давно прошедшее». Он «замечается у тех исследователей, которые известные нам в современном юридическом быту понятия „закона“ и „законодательства“ применяют к объяснению явления в области образования права XIV, XIII и еще более отдаленных веков»⁴. Об искусственном вкладывании «настоящего в прошлое» и, соответственно, об искажении прошлого, некорректности его отражения в деятельности людей, живших долгие столетия тому назад, пишут и современные исследователи. При этом они констатируют в качестве «важнейшего недостатка» историко-правовых исследований, в частности, Средневековья то обстоятельство, что «авторы по инерции мышления зачастую стоят на позициях превосходства современного знания над средневековой мыслью»⁵. Такое направление дискурса имеет, как представляется, значительный потенциал.

С разной степенью активности и плодотворности проблематика преемственности изучалась отечественными правоведами разных эпох; в последние полвека существования профильного дискурса формировались определяющие, как видится, «слои» интерпретаций (труды В. К. Бабаева, Т. В. Наконечной, Г. В. Швекова, В. Н. Карташова, В. А. Рыбакова, В. В. Сорокина и др.). В частности, в понимании В. К. Бабаева преемственность в праве – это заимствование правом того или иного государства положений прошлых либо современных ему правовых систем⁶. Оценивая это опре-

¹ Подробнее об этом: Дмитриев А. Переизобретение советского университета // Логос. 2013. № 1.

² Рубанов В. Г. Преемственность в науке в трудах М. Полани и Т. Куна // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 318. № 6. С. 57; Рубанов В. Г. К вопросу о некоторых типах научной преемственности // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 316. № 6. С. 55.

³ Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия // Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5: Линия права. Отдельные проблемы концепции. М.: Статут, 2010. С. 312.

⁴ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 4-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. С. 15–16.

⁵ Рогов В. А., Рогов В. В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права: очерки IX – середины XVII вв. М.: МГИУ, 2006. С. 5.

⁶ См., например: Теория государства и права: учеб. / под ред. В. К. Бабаева. М.: Юристъ, 2003. С. 210. См. также: Першин В. Б., Треушников И. А. Методологические воззрения В. К. Бабаева на преемственность в праве // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 364–367.

деление, В. Н. Карташов указывает на «общую тенденцию» к отождествлению преемственности с аккультурацией, характерную как для отечественной, так и зарубежной юриспруденции¹.

Исследователи пытаются соотнести преемственность в праве также с такими категориями, как правопреемство, юридическое наследие, правовые традиции, правовая экспансия, повторяемость, перенос, рецепция права. В ходе сравнения преемственности с рецепцией высказываются едва ли не противоположные суждения – от отождествления до их противопоставления как двух разных способов развития права, обладающих своей спецификой и функциональным назначением. Значимым представляется сопоставление преемственности в праве с правовой традицией. Как справедливо пишет Н. Н. Тарасов, «концептуализация права как традиции, правда, без специальной понятийной проработки, юристам известна»; при этом ученый указывает прежде всего на работу Дж. Г. Бермана, посвященную формированию западной традиции права². Кроме прочего, обозначена необходимость ставить проблему более широко и размышлять о преемственности «не только в праве, но и других компонентах и элементах правовой системы общества»³. Такой подход видится весьма конструктивным.

В диссертационном исследовании Ф. Ф. Литвиновича также предприняты попытки соотнести отдельные поименованные понятия, но не менее важной видится предложенная им характеристика ключевой категории. В частности, преемственность в праве он рассматривает как «проявление объективной существенной связи между различными этапами развития права, связи, которая реализует себя не в одноактном отрицании и „снятии“, а в бесконечной цепи „снятий“, вбирающих в себя непреходящие формы и ценности правового бытия»⁴.

Правоведы размышляют о видах правовой преемственности (множество которых предопределено, в том числе, исторически обусловленным разнообразием юридической действительности) и ее уровнях. Первый (высший) уровень преемственности связывают с содержанием права, его основополагающими принципами, второй уровень – это преемственность юридических источников, форм права⁵, а третий «с точки зрения сущностной характеристики и глубины заимствования содержательных элементов правовой системы» характерен для способов, приемов, специальных правовых средств юридической техники⁶.

В последние годы актуализировалась проблема постклассического прочтения правовой преемственности. Среди прочего акцентировано внимание на отсутствии универсальных объективных критериев определения преемственности или инновационности в развитии права и на возможности «говорить о косвенных признаках преобладания либо первого, либо второго». В русле антрополого-правовой интерпретации отмечается, что преемственность – это социальный конструкт, создаваемый

¹ *Карташов В. Н.* Преемственность в правовой системе общества: методологические основы исследования // *Юридическая техника.* 2011. № 5. С. 10–11.

² *Тарасов Н. Н.* Правовая традиция и преемственность в праве: методологические основания исследования // *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу».* 2020. № 3. С. 7. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1625> (дата обращения: 17.11.2021).

³ Предложена и дефиниция преемственности правовой системы общества: это связь между различными этапами или степенями развития конкретной национальной правовой системы, которая предполагает сохранение в рамках определенной страны тех или иных достижений правовой культуры прошлого, использование в современной правовой системе всего того прогрессивного, что было накоплено в предшествующие эпохи. См.: *Карташов В. Н.* Указ. соч. С. 10, 12.

⁴ *Литвинович Ф. Ф.* Преемственность в праве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2002. С. 8.

⁵ В отечественной юридико-образовательной традиции императорского периода важным было различие внешней и внутренней истории права. Внешняя история права охватывала историю источников права (см., например: *Латкин В. Н.* Лекции по внешней истории русского права. СПб.: Тип. Я. И. Либермана, 1888). В связи с этим перспективной видится реализуемая в Уральском государственном юридическом университете идея преподавания особого курса «Система источников права» со значительным историко-правовым наполнением. Важна и актуализация проблемы источников права в научном дискурсе. См.: *Реутов В. П.* Типы правопонимания и проблема источников и форм права // *Вестник Пермского университета. Юридические науки.* 2010. Вып. 2. С. 54–70.

⁶ Подробнее см.: *Сапун В. А.* Уровни преемственности в праве // *Юридическая техника.* 2011. № 5. С. 416–420.

властью номинации и воспроизводимый практиками людей. Поскольку норма права, как пишет И. Л. Честнов, «это не только ее формулировка в статье нормативного правового акта, но ее интерпретация субъектом, соотнесение с индивидуальной интенцией и реализация в соответствующих действиях», то преемственность права нельзя сводить только к формальной стороне законотворчества, значимо «принятие» акта обществом¹.

Еще во второй половине 1970-х гг. Н. Неновски² писал, что преемственность в праве не может не породить известной преемственности в науке о праве и что преемственность в ее предмете будет определять известную преемственность в самой науке³. Размышляя о преемственности в развитии юридической науки как одном из срезов общей проблемы правовой преемственности, исследователи вполне закономерно педалируют преемственность научного знания, например в истории политический и правовых учений. По словам С. В. Кодана, «направления изучения преемственности в истории российской юриспруденции представляются важной проблемой в развитии юридического знания»⁴. С. В. Липень выделяет три направления преемственности: между дореволюционной российской и марксистской юридической наукой; между юридической наукой 20–80-х гг. XX в. и современной юридической наукой; между российской дореволюционной и современной юридической наукой⁵.

Преемственность в юридическом образовании и науке: узловые вопросы

Актуальность проблемы изучения преемственности в деле обучения, воспитания человека и «оптимального использования при этом современных образовательных технологий и проектов» В. Д. Перевалов справедливо связывает с процессом непрерывной модернизации российского образования, в частности юридического⁶. Несмотря на разнообразие работ по истории подготовки юристов, трудно не согласиться с Н. Н. Тарасовым в том, что современная юриспруденция недооценивает «принципиальную роль» университетского юридического образования в формировании европейского правового мышления. Кроме того, образование и наука справедливо называются им – с уточнениями и оговорками – «основными сферами трансляции» и реализации правовой традиции Запада и в советские десятилетия⁷. Дискурс о преемственности, трансляции традиции, как видим, не исчерпан.

«Систему координат» для размышлений о преемственности в исследуемой образовательно-научной отрасли формируют, как думается, вопросы периодизации ее истории и проблематика так называемых переходных периодов.

При любом подходе к периодизации неизбежно возникает проблема «точки отсчета». Сложившийся дуализм в понимании «первоначала» подготовки профессиональных юридических кадров в отечественной традиции (весьма распространенное признание его в реформах Петра, с одной стороны, и приобретающая все большую популярность позиция об укоренении этой подготовки, пусть и в интуитивных, религиозно-мистических формах, в средневековой Руси, ее книжности – с другой), а также разноречивые оценки эпохи Петра Великого как будто обуславливают наличие противоположных позиций в отношении как раз преемственности или ее разрывов. Однако, как представляется, эти интеллектуально-эмоциональные столкновения («Интеллектуальная традиция в России началась с Петра» vs «Неправильно отказы-

¹ Честнов И. Л. Преемственность права в контексте постклассической науки // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 527–533.

² Н. Неновски – «видный болгарский правовед, автор ряда интересных общетеоретических работ, одна из которых – „Преемственность в праве“... получила широкую известность и отмечена юридической общественностью социалистических стран как глубокое, творческое исследование». См.: Алексеев С. С. Вступительная статья // Неновски Н. Единство взаимодействия государства и права / пер. с болг. В. М. Сафронова. М.: Прогресс, 1982. С. 5.

³ Неновски Н. Преемственность в праве / пер. с болг. В. М. Сафронова. М.: Юрид. лит., 1977. С. 158.

⁴ Кодан С. В. Преемственность в юридическом источниковедении // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2019. № 3. С. 88.

⁵ Липень С. В. Преемственность в развитии юридической науки как аспект общей проблемы преемственности в праве // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 296.

⁶ Перевалов В. Д. Методология юридического образования: истоки и этапы развития // Российский юридический журнал. 2017. № 6. С. 192.

⁷ Подробнее см.: Тарасов Н. Н. Указ. соч. С. 10–12.

вать людям Средневековья в способностях и возможностях конструировать правовые теории в ходе осмысления окружающей действительности») не такие уж непримиримые. С точки зрения глобальных историко-правовых процессов накопленный в допетровской Руси опыт образованности, книжности выступал условием, предтечей последующего развития, модернизации.

Конструирование периодов в истории исследуемой образовательно-научной отрасли связано с прочтением исследователями ее обширного исторического опыта, обозначаемых целей и задач, выбираемых критериев. Чаще всего (что закономерно) выделяют три большие эпохи: дореволюционная, советская и постсоветская (современность). Так, М. А. Кожевина, предлагая рассматривать критерием периодизации процесс институционализации юридической науки, связанный с формированием различных типов социальной деятельности в качестве социальных институтов (в частности, с обособлением юридической научной деятельности от практической юриспруденции), указывает как раз на три эти периода¹. В императорской России сложилась так называемая поуставная периодизация, когда в качестве рубежей развития рассматривались уставы императорских университетов. Видимо, весьма похожую роль выполняли и соответствующие источники советского времени – постановления, в том числе партийные, и иные узаконения.

В. А. Томсинов – автор цикла учебных пособий по истории юридического образования и науки в России, внесший значительный вклад в научное познание их традиций, – выделил следующие периоды: XVIII столетие, первая треть XIX в., вторая треть XIX в., эпоха «великих реформ»². В очерках, посвященных опыту отечественного юридического образования конца XVII – XX в., исследователи обозначали два этапа в императорской эпохе: XVII – первая половина XIX в.; вторая половина XIX – начало XX в., – и три этапа в советской: 1917 – 1930-е гг.; чрезвычайные условия Великой Отечественной войны; вторая половина 1940-х – начало 1990-х гг.³ Составители энциклопедического словаря биографий, поясняя свой подход к периодизации, прямо зафиксировали: «История российской правовой науки прошла в своем развитии те же эпохи, что и российское общество и государство: самодержавие, советский строй и современное состояние». И поскольку «наиболее длительным периодом бытия науки» оказалось становление самодержавной России, то по способам формирования научного правосознания в нем были выделены четыре этапа: 1) семейно-монастырский (допетровский); 2) академический; 3) западноевропейский университетский; 4) «золотой век» российского правоведения⁴.

При рассмотрении отдельных аспектов становления юридического образования и науки предлагаются иные, условно «внутренние», а также «смежные» периодизации⁵. В связи с этим полезным видится предложение С. В. Кодана о различении применительно к истории юридической науки таких разновидностей преемственности, как общенаучная (выделение этапов развития юриспруденции в целом), научно-дисциплинарная (периодизация эволюции исследований в юридических науках), проблемно-тематическая (исследование периодов в познании отдельных государственно-правовых проблем), междисциплинарная (периодизация изучения отдельных проблем в юридических и (или) социально-гуманитарных науках на уровне от-

¹ Кожевина М. А. Предпосылки зарождения отечественной юридической науки как социального института // Genesis: исторические исследования. 2015. № 3. С. 430–459. URL: https://e-notabene.ru/hr/article_14610.html (дата обращения: 20.11.2021).

² Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. М.: Зерцало-М, 2010; *Его же*. Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. М.: Зерцало-М, 2010; *Его же*. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. М.: Зерцало-М, 2010; *Его же*. Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху «великих реформ» (60-е – начало 80-х гг. XIX в.). М.: Зерцало-М, 2013.

³ «Изучать юриспруденцию яко прав искусство». Очерки истории юридического образования в России (конец XVII в. – XX в.) / под общ. ред. В. В. Захарова, Н. Н. Зипунниковой. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2008. С. 3.

⁴ Подробнее см.: Правовая наука и юридическая идеология России: энциклопедический словарь биографий: в 4 т. / отв. ред. В. М. Сырых. М.: Юрист, 2009. Т. 1. С. 9.

⁵ См., например: Акчурина Н. В. Историческое правоведение: становление, развитие в России в 30–70-х годах XIX века. Саратов: СГАП, 2000. С. 55–63; Волосникова Л. М., Чеботарев Г. Н. Правовой статус университетов: история и современность: учеб. пособие. М.: Норма, 2007. С. 69–118.

дельных исторических периодов), парадигмальная (определение периодов через изучение теоретико-методологических и иных установок с выявлением их особенностей на отдельных этапах развития науки), науковедческая (выявление периодов развития юриспруденции сквозь призму познания объектов, субъектов и коммуникативных процессов получения знаний)¹.

В ходе осмысления периодизации исторического процесса вряд ли возможно пройти мимо проблематики так называемых переходных периодов. Только в XX столетии в отечественной истории таковых можно выделить два: 1) когда в ходе «Великой русской революции» на смену императорским государственно-правовым, социокультурным и иным механизмам, а также попыткам демократизации общества, государства и права в непродолжительный период работы Временного правительства пришли установки новой власти; 2) когда советскую систему, претерпевшую кризис, сменяло новое устройство демократического направления.

В теоретико-правовом отношении переходный период в развитии права предлагается понимать как специфическое правовое явление, сущность которого выражается в таких признаках, как активное взаимодействие временных координат (прошлого, настоящего, будущего), неопределенность временных рамок, формирование нового правового мышления, активизация правотворчества, нестабильность законодательства. Правовое строительство в такие периоды, как отмечается, может осуществляться следующими способами: инновеллизация, преемственность, рецепция, трансформация и имплементация².

Погружение в проблематику юридико-университетского первоначала нашего вуза неизбежно повлекло необходимость более широкого, контекстного осмысления особенностей переходного этапа, связанного с «Великой русской революцией» и трагическим гражданским противостоянием, в государственно-правовом развитии в целом и отечественном юридическом образовании и науке в частности. Понятно, что, несмотря на громкую, демонстративную манифестацию новой – советской – властью одномоментного порывания с предшествующей традицией, на деле все обстояло сложнее.

Из построенной на широчайшей источниковой базе хронологической летописи истории юридического факультета Московского университета (1755–2010) можем видеть, что 15 декабря 1917 г. «в заседании юридического ф-та присутствовали» заслуженные профессора (И. Т. Тарасов – декан, а также А. Н. Филиппов³), 20 ординарных профессоров (в их числе – А. И. Елистратов, И. А. Кистяковский, П. И. Новгородцев, С. В. Познышев, кн. Е. Н. Трубецкой, Г. С. Фельдштейн, В. М. Хвостов), 2 экстраординарных профессора (А. Н. Митюков и М. И. Райский), 58 приват-доцентов, включая Н. Н. Алексеева, А. М. Винавера, В. Н. Дурденевского, М. В. Зызыкина, С. А. Кечекьяна⁴, И. Б. Новицкого, Л. С. Таля. Все поименованные номинации университетских акторов из «сословия преподавателей» указывают на нормы и практики императорского пе-

¹ Кодан С. В. Преемственность в юридическом источниковедении. С. 89.

² Рыбаков В. А. Преемственность в отечественном праве в переходный период: общетеоретические вопросы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009. С. 8.

³ Александр Никитич Филиппов (1853–1927) – выдающийся историк русского права, служивший в Московском и Дерптском (Юрьевском) университетах, а также директором лицея цесаревича Николая (с конца 1916 г.), автор ряда популярных учебников и учебных пособий по истории русского права и истории государственных учреждений России, изданных на рубеже XIX–XX вв.

⁴ В хронологической летописи, апеллирующей в данном случае к фонду 418 ЦИАМ, указано: «Кечекьян Степанос Аствацатурович». См.: История юридического факультета Московского университета (1755–2010) / отв. ред. В. А. Томсинов 2-е изд., перераб. и доп. М.: Городец, 2011. С. 437. Важно упомянуть трансформацию архивных учреждений: в 2013 г. создан Центральный государственный архив города Москвы, а Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ) и другие учреждения и собрания вошли в его состав. См.: URL: <https://csgamos.ru/history/> (дата обращения: 20.11.2021). Не менее важно пояснить, что Степан Федорович Кечекьян работал, пусть и короткое время (в 1936–1937 гг.), в Свердловском юридическом институте. Впоследствии «крупной вехой в развитии юридической науки и образования стало издание под его редакцией фундаментального учебника „История политических учений“» (1955 г.); «в теории права им была выдвинута концепция единства нормы права и правоотношений». См.: Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016): сб. науч. тр.: в 4 т. Т. 1: История кафедры, эволюция российского и зарубежного государства и права в трудах ученых кафедры, аспирантов, соискателей и докторантов / под ред. А. С. Смыкалина. Екатеринбург: УрГЮУ, 2016. С. 179.

риода. По данным на январь 1918 г., на юридическом факультете столичного университета церковное право¹ преподавали ординарный профессор П. В. Гидулянов, приват-доценты И. М. Громогласов, С. Л. Урсынович, Н. Н. Фиолетов; осуществляли работу такие ученые общества, как Общество им. А. И. Чупрова для разработки общественных наук, основанное в 1911 г., и Московское юридическое общество, образованное в 1865 г. В мае 1918 г. И. А. Ильин защищал на факультете магистерскую диссертацию на тему «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». Официальными оппонентами выступили университетские профессора – кн. Е. Н. Трубецкой и П. И. Новгородцев. Члены совета признали заслуги И. А. Ильина в исследовании гегелевской философии и приняли решение присудить ему не только магистерскую, но и докторскую степень. В июле 1918 г. в здании университета состоялось Всероссийское совещание по реформе высшей школы. В числе делегатов были и профессора юридического факультета кн. Е. Н. Трубецкой и В. М. Хвостов. На нем выступил и нарком А. В. Луначарский, подчеркнувший, что *реформа университета не означает его ломки* (курсив мой. – Н. З.). Несколько дней спустя, правда, с фронтона на здании университета на ул. Моховой была снята надпись «Императорский университет»².

В то же время летом и в начале осени 1918 г. на востоке страны разворачивались активные действия по «запуску» Иркутского государственного университета и его юридического факультета. Изучение нормативных предписаний, делопроизводственных материалов и иных свидетельств учебно-научной повседневности начального периода, адресованных новой университетской корпорации, позволяет сделать выводы о последовательной трансляции «белыми» организаторами вуза курса на сохранение императорских законодательства и деловых обыкновений. Это проявлялось в отсылках к университетскому уставу императорского периода (и в целом к Своду законов Российской империи), организации управления, названиях штатных должностей, конструировании учебных планов и программ и т. д. До «советизации» университета в 1920 г. таких свидетельств обнаруживается отнюдь не мало. Наступившие впоследствии годы поиска эффективной организации подготовки юристов означали для факультета перманентные изменения, приведшие к трансформации университетской формы: ее сменило специализированное образование в институтах, в том числе Сибирском (Иркутском) институте советского права (позднее – Свердловском правовом, Свердловском юридическом институте). Именно 1920-е гг., как справедливо отмечает Т. Ф. Ящук, остаются, «пожалуй, единственным периодом в советской истории, когда отечественная юридическая наука развивалась в тесной информационной взаимосвязи с мировой, в первую очередь, европейской»³.

Обратим в связи с этим внимание на утверждение Ф. Ф. Литвиновича о том, что «преемственная связь, выступая важнейшим элементом механизма переходных ситуаций развития права, выражает в этом механизме тот момент, который обуславливает целостность развивающейся системы права не только за счет генетического единства, но и за счет единства связей сосуществования, что находит свое отражение в понятиях „наследование“, „заимствование“, „рецепция права“, с разных сторон выражающих процесс преемственности в праве»⁴.

Если же пытаться характеризовать (хотя бы пунктирно) традиции отечественного юридического образования и науки на протяжении трех столетий, о преемственности которых и идет речь, то важно указать на значительное государственное участие в их организации, разветвленность, «плотность» регулировавшего их законодательства, включенность в систему государственной службы ученых, преподавателей, студентов (в императорский период), значительную идеологическую компоненту и разработку специальных формул, идеологием (с допущением их разнообразия или без такового). Важно также напомнить о доминировании университетской формы, несмотря на организацию специализированных институций (лицеев, Училища правоведения для подготовки «привилегированных» юристов, учрежденного не без уча-

¹ Этот курс, видимо, читался и несколько позднее, а при преобразовании факультета в факультет общественных наук в 1919 г. был заменен курсом «Церковь и государство».

² История юридического факультета Московского университета (1755–2010). С. 194–197, 438–443.

³ Ящук Т. Ф. Юридические журналы 1920-х годов как источник по истории советского правоведения // Вестник Омского университета. 1999. № 1. С. 111–114.

⁴ Литвинович Ф. Ф. Преемственность в праве и методология права // Вестник ВЭГУ. 2010. № 5. С. 21.

стия М. М. Сперанского¹, и др.) и условную прерывистость этой традиции в советские десятилетия. Значимым оказывается и преемственность юридико-образовательного дискурса: споры о том, как и чему учить будущих юристов, не утихают до сих пор, коренясь в «университетском» XIX столетии и даже ранее. Вновь повторим суждения о взаимообусловленности и генетической связанности юридического образования и юриспруденции как ключевой традиции, а также о включенности их развития в общую «схему» эволюции отечественного права. Кросс-культура, диалогичность науки и системы подготовки юридических кадров также видится одним из основополагающих факторов. Собственно, и закрытость советской системы образования может быть охарактеризована с важными оговорками. В частности, небезыntenесен опыт обучения студентов из стран социалистического лагеря, в том числе в Свердловском юридическом институте. Мощнейшим является научное наследие российских правоведов предшествующих эпох, без апелляции к которому немислима ни одна современная исследовательская презентация, даже поверхностная.

Юбилей как повод: вместо заключения

Так называемая юбилеямания, о которой уже приходилось высказываться², оказывается весьма полезной, заставляя раз за разом вглядываться в прошлое исследуемой отрасли образования и науки, рассуждать о поворотных моментах в ее истории, о вкладе в ее развитие многих личностей. Размышлениям о преемственности и ее прерывистости весьма способствуют музейные практики. Восстановленному в Уральском государственном юридическом университете (тогда – академии) музею истории исполнилось десять лет. Обращение к музейным предметам как специфическим источникам, постановка и разворачивание новых (а порой и «старых») исследовательских тем и сюжетов, широкое привлечение начинающих исследователей к юридико-музейной работе, последовательная публикаторская деятельность дали, как думается, некоторые результаты.

С. В. Кодан, характеризующий преемственность как одну из форм кросс-культурных коммуникаций в государственно-правовой сфере (наряду с рецепцией, диффузией, аккультурацией, имплементацией), отмечает, что она актуализирует исторический опыт государственно-правового развития и определяет его социальную значимость в юридических практиках настоящего и в перспективах их будущего – оценивается с точки зрения соответствия (или несоответствия) условиям современности и социальному прогрессу³. Соглашаясь в целом с такой трактовкой, подчеркнем, что для продвижения в понимании преемственности и ее внутренних сложноустроенных механизмов в сфере юридического образования и науки не обойтись без дальнейшего исследования и интерпретации их исторического опыта, вдумчивого считывания его актуальности. Важным видится и опыт интерпретации преемственности в широком социогуманитарном контексте, в разных отраслях научного знания. Исходя из понимания преемственности как мощного социального коммеморативного механизма и признавая ее значительный потенциал для установления диалога (полилога) эпох и культур, находим стратегически важным развитие разнообразных научных и учебных исследовательских практик, включая музейные. При этом принципиально, чтобы прочтение традиций, опыта российского юридического образования и науки носило не только и даже не столько линейный, прогрессивный характер. «Пристрастный» исследовательский возврат к прошлому, наблюдение себя в нем как в «зеркале», возможная полемика с ним, наполнение дискурса о преемственности не только институциональным, догматическим, но и социокультурным и антропологическим содержанием и смыслами видятся важным направлением для конструктивного решения

¹ В январе 2022 г. выдающемуся российскому государственному деятелю и правоведам исполняется 250 лет. Событие уже широко отмечается изданием новых публикаций о нем. См., например: *Крашенинников П. В.* Семь жизней графа Михаила Сперанского. Биография реформатора России. М.: Эксмо, 2021.

² См., например: *Зипунникова Н. Н.* Юбилейный синдром, «юбилеямания», лаборатория коммеморации или...? Размышления историка права о природе юбилейных изданий // *Российское право: образование, практика, наука.* 2016. № 5.

³ *Кодан С. В.* Кросс-культурный подход в исследовании государственно-правовых явлений и институтов // *Кросс-культурные взаимодействия в политико-правовой сфере: история, теория, современность.* Доклады и сообщения: материалы Урал. юрид. чтений. Екатеринбург: УрГЮА, 2010. С. 3–4.

задачи типа «Как понять традицию и опереться на нее или отринуть?». Юбилейные поводы и контексты, несмотря на критику в их адрес, продолжают стимулировать интерес к познанию традиций, опыта и – возьмем на себя смелость утверждать – прогнозированию перспектив развития.

Список литературы

Акчурина Н. В. Историческое правоведение: становление, развитие в России в 30–70-х годах XIX века. Саратов: СГАП, 2000. 178 с.

Алексеев С. С. Вступительная статья // *Неновски Н.* Единство взаимодействия государства и права / пер. с болг. В. М. Сафронова. М.: Прогресс, 1982. С. 5.

Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия // *Алексеев С. С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5: Линия права. Отдельные проблемы концепции. М.: Статут, 2010. С. 297–544.

Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.

Архив Уральского государственного юридического университета. Ф. 2143-р. Оп. 1л. Ед. хр. 20. Л. 89.

Архипова С. В. Преемственность в образовании: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2009. 19 с.

Ассман А. Длинные тени прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 323 с.

Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и идентичность в высоких культурах / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Баллер Э. А. Преемственность в развитии культуры. М.: Наука, 1969. 294 с.

Богуславский М. В., Богуславская Т. Н., Лобзаров В. М., Милованов К. Ю., Сумнительный К. Е. Преемственность и новаторство в развитии основных направлений отечественной педагогической науки (конец XIX – XX вв.): моногр. / под ред. М. В. Богуславского. М.: ФГНУ ИТИП РАО, 2012. 500 с.

Бывшева М. В. Теоретические аспекты преемственности в системе образования // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2011. № 22. С. 259–263.

Вишленкова Е. А., Парсамов В. С. Университетские истории в России: генезис жанров // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3. С. 164–172.

Волосникова Л. М., Чеботарев Г. Н. Правовой статус университетов: история и современность: учеб. пособие. М.: Норма, 2007. 208 с.

Государственный архив Свердловской области. Ф. 2143-р. Оп. 1. Ед. хр. 211. Л. 60.

Дмитриев А. Переизобретение советского университета // Логос. 2013. № 1. С. 41–64.

Доктора юридических наук, профессора – преподаватели и выпускники Иркутского государственного университета: биобиблиогр. слов. / сост. и отв. ред. В. Н. Казарин; авт. вступ. ст. О. П. Личичан. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. 252 с.

Зверева Г. И. Интеллектуальная история в современной России: институты и направления // Преподаватель XXI век. 2018. № 4. С. 288–302.

Земцов Б. Н. Социологическое понимание истории права // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2014. № 4. С. 49–56.

Зипунникова Н. Н. Юбилейный синдром, «юбилеямания», лаборатория коммеморации или..? Размышления историка права о природе юбилейных изданий // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 5. С. 28–33.

«Изучать юриспруденцию яко прав искусство». Очерки истории юридического образования в России (конец XVII в. – XX в.) / под общ. ред. В. В. Захарова, Н. Н. Зипунниковой. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2008. 160 с.

История юридического факультета Московского университета (1755–2010). 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. В. А. Томсинов. М.: Городец, 2011. 640 с.

К 70-летию кафедры истории государства и права УрГЮА // Российский юридический журнал. 2007. № 1. С. 165–166.

Казарин В. Н., Лякутина Ю. П. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 483 с.

Карташов В. Н. Преемственность в правовой системе общества: методологические основы исследования // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 10–18.

Кодан С. В. Кросс-культурный подход в исследовании государственно-правовых явлений и институтов // Кросс-культурные взаимодействия в политико-правовой сфере: история, теория, современность. Доклады и сообщения: материалы Урал. юрид. чтений. Екатеринбург: УрГЮА, 2010. С. 3–5.

Кодан С. В. Преемственность в юридическом источниковедении // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2019. № 3. С. 85–94.

Кодан С. В. Социальная память в структуре научно-познавательной деятельности: понятие, основные характеристики, подходы // Юридические формы переживания истории: практики и пределы: коллектив. моногр. / под ред. С. В. Бочкарева. СПб.: Астерион, 2020. С. 12–26.

Кожевина М. А. Предпосылки зарождения отечественной юридической науки как социального института // Genesis: исторические исследования. 2015. № 3. С. 430–459. URL: https://e-nota-bene.ru/hr/article_14610.html (дата обращения: 20.11.2021).

Кострюков П. А. Государственно-правовые воззрения Серафима Владимировича Юшкова: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 25 с.

Кострюков П. А. С. В. Юшков – основоположник советской историко-правовой науки // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2007. № 2. С. 92–97.

Крашенинников П. В. Семь жизней графа Михаила Сперанского. Биография реформатора России. М.: Эксмо, 2021. 216 с.

Крупеня Е. М. Историческая память: концептуализация и некоторые проблемы теоретико-правового осмысления // Юридические формы переживания истории: практики и пределы: коллектив. моногр. / под ред. С. В. Бочкарева. СПб.: Астерион, 2020. С. 37–48.

Кузнецова В. А. Преемственность содержания педагогического образования в системе «педучилище – педколледж – педвуз»: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Уфа, 2003. 23 с.

Латкин В. Н. Лекции по внешней истории русского права. СПб.: Тип. Я. И. Либермана, 1888. 372 с.

Лафитский В. И., Залоило М. В. С. В. Юшков и историко-правовая школа // Журнал российского права. 2015. № 9. С. 121–131.

Легенчук Д. В. Содержательная сущность принципа преемственности в педагогической науке на современном этапе // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 2. С. 59–61.

Липень С. В. Преемственность в развитии юридической науки как аспект общей проблемы преемственности в праве // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 294–297.

Литвинович Ф. Ф. Преемственность в праве и методология права // Вестник ВЭГУ. 2010. № 5. С. 18–23.

Литвинович Ф. Ф. Преемственность в праве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2002. 28 с.

Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2015. 412 с.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Маурер Т. «Барометры» или «Маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов / пер. Л. П. Комлевой, К. А. Левинсона, В. В. Смекалиной. М.: РОССПЭН, 2015. 527 с.

Музееведческая мысль в России XVIII – XX веков: сб. док. и материалов / отв. ред. Э. А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. 957 с.

Наварро О. История и память в современном музее: несколько замечаний с точки зрения критической музеологии / пер. с англ. В. Г. Ананьева // Вопросы музеологии. 2010. № 2. С. 3–11.

Насибуллин Р. А. Кафедре истории государства и права Уральского государственного юридического университета – 80 лет // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 5. С. 8–16.

Неновски Н. Преемственность в праве / пер. с болг. В. М. Сафронова. М.: Юрид. лит., 1977. 167 с.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд. С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.

Обсуждение учебника С. В. Юшкова по истории государства и права СССР // Советское государство и право. 1963. № 2. С. 146–149.

Первушина О. В. Культурная память: проблемное поле исследования // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2019. № 2. С. 33–38.

Первушина О. В. Культурная преемственность, культурная память и традиция: соотношение понятий как культурологическая проблема // Мир науки, культуры и образования. 2011. № 1. С. 324–328.

Первалов В. Д. Методология юридического образования: истоки и этапы развития // Российский юридический журнал. 2017. № 6. С. 192–203.

Першин В. Б., Треушников И. А. Методологические воззрения В. К. Бабаева на преемственность в праве // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 364–367.

Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России: в 4 т. Т. 1: Российские университеты и Устав 1804 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 416 с.

Подобрий А. В. Преемственность – традиция – диалог – новаторство (к вопросу о литературной эволюции) // Мировая литература в контексте культуры. 2013. № 2. С. 139–144.

Помним, думаем, спорим...: сб. ст., посвящ. 75-летию со дня основания кафедры истории государства и права УрГЮА / сост. Т. М. Баженова, Н. Н. Зипунникова; отв. ред. А. С. Смыкалин. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. 367 с.

Правовая наука и юридическая идеология России: энциклопедический словарь биографий: в 4 т. / отв. ред. В. М. Сырых. М.: Юрист, 2009. Т. 1. 918 с.

Преемственность как фактор литературного процесса. Опыт Центральной и Юго-Восточной Европы: по материалам I Хоревских чтений / отв. ред. И. Е. Адельгейм. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2017. 334 с.

Репина Л. П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2008. Вып. 25/1. С. 5–11.

Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания: историографические заметки. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.

Реутов В. П. Типы правопонимания и проблема источников и форм права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Вып. 2. С. 54–70.

Рикер П. Память, история, забвение / пер. с фр. И. И. Блауберг, И. С. Вдовиной, О. И. Мачульской, Г. М. Тавризян. М.: Изд-во гуманитар. лит., 2004. 728 с.

Рогов В. А., Рогов В. В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права: очерки IX – середины XVII вв. М.: МГИУ, 2006. 269 с.

Рубанов В. Г. К вопросу о некоторых типах научной преемственности // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 316. № 6. С. 52–55.

Рубанов В. Г. Понятие «преемственность» и его социальное измерение // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323. № 6. С. 103–110.

Рубанов В. Г. Преемственность в науке в трудах М. Полани и Т. Куна // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 318. № 6. С. 57–61.

Рубанов В. Г. Структура и механизмы социальной преемственности // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323. № 6. С. 111–117.

Рыбаков В. А. Преемственность в отечественном праве в переходный период: общетеоретические вопросы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009. 37 с.

Сапун В. А. Уровни преемственности в праве // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 416–420.

Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 4-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. 667 с.

Тарасов Н. Н. Правовая традиция и преемственность в праве: методологические основания исследования // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 3. С. 5–14. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1625> (дата обращения: 17.11.2021).

Тахтамышев В. Г., Харламова С. Г. Преемственность: к вопросу о методологии исследования // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1741.

Теория государства и права: учеб. / под ред. В. К. Бабаева. М.: Юрист, 2003. 592 с.

Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. М.: Зерцало-М, 2010. 216 с.

Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. М.: Зерцало-М, 2010. 280 с.

Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху «великих реформ» (60-е – начало 80-х гг. XIX в.). М.: Зерцало-М, 2013. 300 с.

Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. М.: Зерцало-М, 2010. 336 с.

Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: антология / сост. А. Ю. Андреев, С. И. Посохов. М.: РОССПЭН, 2011. 527 с.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 16.10.2021).

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.

Честнов И. Л. Коллективная память в историко-правовой науке // Юридические формы переживания истории: практики и пределы: коллектив. моногр. / под ред. С. В. Бочкарева. СПб.: Астерион, 2020. С. 142–148.

Честнов И. Л. Преемственность права в контексте постклассической науки // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 527–533.

Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016): сб. науч. тр.: в 4 т. Т. 1: История кафедры, эволюция российского и зарубежного государства и права в трудах ученых кафедры, аспирантов, соискателей и докторантов / под ред. А. С. Смыкалина. Екатеринбург: УрГЮУ, 2016. 1023 с.

Юшков С. В. История государства и права СССР: Утв. Всесоюзн. ком. по делам высш. шк. при СНК СССР в качестве учебника для юрид. ин-тов. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 596 с.

Ящук Т. Ф. Юридические журналы 1920-х годов как источник по истории советского правоведения // Вестник Омского университета. 1999. № 1. С. 111–114.

References

Adel'geim I. E. (2017) *Preemstvennost' kak faktor literaturnogo protsessa. Opyt Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evropy: po materialam I Khorevskikh chtenii* [Continuity as a factor of the literary process. The experience of Central and South-Eastern Europe: based on the materials of the I Khorev readings]. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN, 334 p.

Akchurina N. V. (2000) *Istoricheskoe pravovedenie: stanovlenie, razvitie v Rossii v 30–70-kh godakh XIX veka* [Historical jurisprudence: formation, development in Russia in the 30–70s of the XIX century]. Saratov, SGAP, 178 p.

Alekseev S. S. (1982) Vstupitel'naya stat'ya [Introductory article]. In Nenovski N. *Edinstvo vzaimodeistviya gosudarstva i prava*, transl. from Bulgarian by V. M. Safronova. Moscow, Progress, p. 5.

Alekseev S. S. (2010) Pravo na poroge novogo tysyacheletiya [Law on the threshold of the new millennium]. In Alekseev S. S. *Sobranie sochinenii: in 10 vols. Vol. 5. Liniya prava. Otdel'nye problemy kontseptsii*. Moscow, Statut, pp. 297–544.

Andreev A. Yu. (2009) *Rossiiskie universitety XVIII – pervoi poloviny XIX veka v kontekste universitetskoi istorii Evropy* [Russian universities of the XVIII – first half of the XIX century in the context of the university history of Europe]. Moscow, Znak, 640 p.

Andreev A. Yu., Posokhov S. I. (Eds.) (2011) *Universitetskaya ideya v Rossiiskoi imperii XVIII – nachala XX vekov: antologiya* [The university idea in the Russian Empire of the XVIII – early XX centuries: an anthology]. Moscow, ROSSPEN, 527 p.

Archive of the Ural State Law University. Collection. 2143-P. Inventory 1Л. File 20. List 89.

Arkhipova S. V. (2009) *Preemstvennost' v obrazovanii: sotsiologicheskii analiz: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Continuity in education: a sociological analysis: an abstract of a candidate of sociological sciences thesis]. Yekaterinburg, 19 p.

Assman A. (2014) *Dlinnye teni proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Long shadows of the past: memorial culture and historical politics], transl. from German by B. Khlebnikov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 323 p.

Assman Ya. (2004) *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i identichnost' v vysokikh kul'turakh* [Cultural memory: writing, memory of the past and identity in high cultures], transl. from German by M. M. Sokolskaya. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 368 p.

Babaev V. K. (Ed.) (2003) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and law]. Moscow, Yurist, 592 p.

Baller E. A. (1969) *Preemstvennost' v razvitiu kul'tury* [Continuity in the development of culture]. Moscow, Nauka, 294 p.

Boguslavskii M. V., Boguslavskaya T. N., Lobzarov V. M., Milovanov K. Yu., Sumnitel'nyi K. E. (2012) *Preemstvennost' i novatorstvo v razvitiu osnovnykh napravlenii otechestvennoi pedagogicheskoi nauki (konets XIX – XX vv.)* [Continuity and innovation in the development of the main directions of Russian pedagogical science (late XIX – XX centuries)], ed. by M. V. Boguslavskii. Moscow, FGNU ITIP RAO, 500 p.

Byvsheva M. V. (2011) Teoreticheskie aspekty preemstvennosti v sisteme obrazovaniya [Theoretical aspects of continuity in the education system]. In *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya*, no. 22, pp. 259–263.

Chestnov I. L. (2011) Preemstvennost' prava v kontekste postklassicheskoi nauki [Continuity of law in the context of postclassical science]. In *Yuridicheskaya tekhnika*, no. 5, pp. 527–533.

Chestnov I. L. (2020) Kollektivnaya pamyat' v istoriko-pravovoi nauke [Collective memory in historical and legal science]. In Bochkarev S. V. (Ed.) *Yuridicheskie formy perezhivaniya istorii: praktiki i predely*. Saint Petersburg, Asterion, pp. 142–148.

Dmitriev A. (2013) Pereizobretenie sovetskogo universiteta [Reinvention of the Soviet university]. In *Logos*, no. 1, pp. 41–64.

K 70-letiyu kafedry istorii gosudarstva i prava UrGYuA [To the 70th anniversary of the Department of History of State and Law of the USLA] (2007). In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 165–166.

Kartashov V. N. (2011) Preemstvennost' v pravovoi sisteme obshchestva: metodologicheskie osnovy issledovaniya [Continuity in the legal system of the society: methodological foundations of the study]. In *Yuridicheskaya tekhnika*, no. 5, pp. 10–18.

Kazarin V. N. (Ed.) (2018) *Doktora yuridicheskikh nauk, professora – prepodavateli i vypuskniki Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta: biobibliogr. slovar'* [Doctors of law, professors – teachers and graduates of the Irkutsk State University: a bio-bibliographic dictionary]. Irkutsk, IGU, 252 p.

Kazarin V. N., Lyakutina Yu. P. (2012) *Yuridicheskoe obrazovanie v Vostochnoi Sibiri (1918–1991 gg.)* [Legal education in Eastern Siberia (1918–1991)]. Irkutsk, Izdatel'stvo IGU, 483 p.

Khal'bvaks M. (2005) Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. In *Neprikosnovennyi zapas*, no. 2, available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (accessed: 16.10.2021).

Khal'bvaks M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati* [The social framework of memory]. Moscow, No-voe izdatel'stvo, 348 p.

Kodan S. V. (2010) Kross-kul'turnyi podkhod v issledovanii gosudarstvenno-pravovykh yavlenii i institutov [Cross-cultural approach in the study of state-legal phenomena and institutions]. In *Kross-kul'turnye vzaimodeistviya v politiko-pravovoi sfere: istoriya, teoriya, sovremennost'. Doklady i soobshcheniya: materialy Ural'skikh yuridicheskikh chtenii*. Yekaterinburg, Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, pp. 3–5.

Kodan S. V. (2019) Preemstvennost' v yuridicheskom istochnikovedenii [Continuity in legal source studies]. In *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs*, no. 3, pp. 85–94.

Kodan S. V. (2020) Sotsial'naya pamyat' v strukture nauchno-poznavatel'noi deyatel'nosti: ponyatie, osnovnye kharakteristiki, podkhody [Social memory in the structure of scientific and cognitive activity: concept, main characteristics, approaches]. In Bochkarev S. V. *Yuridicheskie formy perezhivaniya istorii: praktiki i predely*. Saint Petersburg, Asterion, pp. 12–26.

Kostruykov P. A. (2007) S. V. Yushkov – osnovopolozhnik sovetskoj istoriko-pravovoi nauki [S. V. Yushkov is the founder of the Soviet historical and legal science]. In *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, no. 2, pp. 92–97.

Kostruykov P. A. (2009) *Gosudarstvenno-pravovye vozzreniya Serafima Vladimirovicha Yushkova: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [State-legal views of Serafim Vladimirovich Yushkov: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Tambov, 25 p.

Kozhevina M. A. (2015) Predposylki zarozhdeniya otechestvennoi yuridicheskoi nauki kak sotsial'nogo instituta [Prerequisites for the emergence of domestic legal science as a social institution]. In *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 430–459, available at: https://e-notabene.ru/hr/article_14610.html (accessed: 20.11.2021).

Krashenninikov P. V. (2021) *Sem' zhiznei grafa Mikhaila Speranskogo. Biografiya reformatora Rossii* [The seven lives of Count Mikhail Speransky. Biography of the reformer of Russia]. Moscow, Eksmo, 216 p.

Krupenya E. M. (2020) Istoricheskaya pamyat': kontseptualizatsiya i nekotorye problemy teoretiko-pravovogo osmysleniya [Historical memory: conceptualization and some problems of theoretical and legal understanding]. In Bochkarev S. V. *Yuridicheskie formy perezhivaniya istorii: praktiki i predely*. Saint Petersburg, Asterion, pp. 37–48.

Kuznetsova V. A. (2003) *Preemstvennost' sodержaniya pedagogicheskogo obrazovaniya v sisteme «peduchilishche – pedkolledzh – pedvuz»: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Continuity of the content of pedagogical education in the system of «pedagogical school – pedagogical college – pedagogical university»: an abstract of a candidate of pedagogical sciences thesis]. Ufa, 23 p.

Lafitskii V. I., Zaloilo M. V. (2015) S. V. Yushkov i istoriko-pravovaya shkola [S. V. Yushkov and the historical and legal school]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 9, pp. 121–131.

Latkin V. N. (1888) *Lektsii po vneshnei istorii russkogo prava* [Lectures on the external history of Russian law]. Saint Petersburg, Tipografiya Ya. I. Libermana, 372 p.

Legenchuk D. V. (2013) Soderzhatel'naya sushchnost' printsipa preemstvennosti v pedagogicheskoi nauke na sovremennom etape [The substantial essence of the principle of continuity in pedagogical science at the present stage]. In *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, no. 2, pp. 59–61.

Lipen' S. V. (2011) Preemstvennost' v razvitiu yuridicheskoi nauki kak aspekt obshchei problemy preemstvennosti v prave [Continuity in the development of legal science as an aspect of the general problem of continuity in law]. In *Yuridicheskaya tekhnika*, no. 5, pp. 294–297.

Litvinovich F. F. (2002) *Preemstvennost' v prave: voprosy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Continuity in law: issues of theory and practice: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Ufa, 28 p.

Litvinovich F. F. (2010) Preemstvennost' v prave i metodologiya prava [Continuity in law and methodology of law]. In *Vestnik VEGU*, no. 5, pp. 18–23.

Lotman Yu. M. (1996) *Vnutri myslyashchikh mirov: Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the thinking worlds: man – text – semiosphere – history]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 464 p.

Lotman Yu. M. (2015) *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol'* [At the school of the poetic word: Pushkin, Lermontov, Gogol']. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 412 p.

Maurer T. (2015) «Barometry» ili «Mayaki» obshchestva?: izbrannye stat'i po sotsial'noi istorii russkikh i nemetskikh universitetov [«Barometers» or «Beacons» of society? Selected articles on the social history of Russian and German universities], transl. by L. P. Komleva, K. A. Levinson, V. V. Smekalina. Moscow, ROSSPEN, 527 p.

Nasibullin R. A. (2016) Kafedre istorii gosudarstva i prava Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta – 80 let [The Department of the History of State and Law of the Ural State Law University is 80 years old]. In *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, no. 5, pp. 8–16.

Navarro O. (2010) Istoriya i pamyat' v sovremennom muzee: neskol'ko zamechanii s tochki zreniya kriticheskoi muzeologii [History and memory in a modern museum: a few remarks from the point of view of critical museology]. In *Voprosy muzeologii*, no. 2, pp. 3–11.

Nenovski N. (1977) *Preemstvennost' v prave* [Continuity in law], transl. from Bulgarian by V. M. Saffronov. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 167 p.

Nenovski N. (1982) *Edinstvo vzaimodeistviya gosudarstva i prava* [Unity of interaction between the state and law]. Moscow, Progress, 148 p.

Nora P. (1999) Problematika mest pamyati [Problems of memory locations]. In *Frantsiya – pamyat'*, transl. from French by D. Khapaeva. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, pp. 17–50.

Obsuzhdenie uchebnika S. V. Yushkova po istorii gosudarstva i prava SSSR [Discussion of S. V. Yushkova's textbook on the history of state and law of the USSR] (1963). In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 2, pp. 146–149.

Perevalov V. D. (2017) Metodologiya yuridicheskogo obrazovaniya: istoki i etapy razvitiya [Methodology of legal education: origins and stages of development]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 6, pp. 192–203.

Pershin V. B., Treushnikov I. A. (2011) Metodologicheskie vozzreniya V. K. Babaeva na preemstvennost' v prave [Methodological views of V. K. Babayev on continuity in law]. In *Yuridicheskaya tekhnika*, no. 5, pp. 364–367.

Pervushina O. V. (2011) Kul'turnaya preemstvennost', kul'turnaya pamyat' i traditsiya: sootnoshenie ponyatii kak kul'turologicheskaya problema [Cultural continuity, cultural memory and tradition: correlation of concepts as a culturological problem]. In *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya*, no. 1, pp. 324–328.

Pervushina O. V. (2019) Kul'turnaya pamyat': problemnoe pole issledovaniya [Cultural memory: a problematic field of research]. In *Uchenye zapiski (Altaiskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv)*, no. 2, pp. 33–38.

Petrov F. A. (2002) *Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii: in 4 vols. Vol. 1: Rossiiskie universitety i Ustav 1804 g.* [Formation of the university education system in Russia: in 4 vols. Vol. 1: Russian universities and the Charter of 1804]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 416 p.

Podobrii A. V. (2013) Preemstvennost' – traditsiya – dialog – novatorstvo (k voprosu o literaturnoi evolyutsii) [Continuity – tradition – dialogue – innovation (on the question of literary evolution)]. In *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury*, no. 2, pp. 139–144.

Repina L. P. (2003) *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya: istoriograficheskie zametki* [Cultural memory and problems of historiography: historiographical notes]. Moscow, GU VShE, 44 p.

Repina L. P. (2008) Konteksty intellektual'noi istorii [Contexts of intellectual history]. In *Dialog so vremenem*, iss. 25/1, pp. 5–11.

Reutov V. P. (2010) Tipy pravoponimaniya i problema istochnikov i form prava [Types of legal understanding and the problem of sources and forms of law]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Yuridicheskie nauki*, vol. 2, pp. 54–70.

Riker P. (2004) *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, oblivion], transl. from French by I. I. Blauberger, I. S. Vdovina, O. I. Machul'skaya, G. M. Tavrizyan. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury, 728 p.

Rogov V. A., Rogov V. V. (2006) *Drevnerusskaya pravovaya terminologiya v otnoshenii k teorii prava: Ocherki IX – serediny XVII vv.* [Old Russian legal terminology in relation to the theory of law: Essays of the IX – mid-XVII centuries]. Moscow, MGIU, 269 p.

Rubanov V. G. (2010) K voprosu o nekotorykh tipakh nauchnoi preemstvennosti [On the question of some types of scientific continuity]. In *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, vol. 316, no. 6, pp. 52–55.

Rubanov V. G. (2011) Preemstvennost' v nauke v trudakh M. Polani i T. Kuna [Continuity in science in the works of M. Polani and T. Kuhn]. In *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, vol. 318, no. 6, pp. 57–61.

Rubanov V. G. (2013) Ponyatie «preemstvennost'» i ego sotsial'noe izmerenie [The concept of «continuity» and its social dimension]. In *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, vol. 323, no. 6, pp. 103–110.

Rubanov V. G. (2013) Struktura i mekhanizmy sotsial'noi preemstvennosti [Structure and mechanisms of social continuity]. In *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, vol. 323, no. 6, pp. 111–117.

Rybakov V. A. (2009) *Preemstvennost' v otechestvennom prave v perekhodnyi period: obshcheteoreticheskie voprosy: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Continuity in domestic law in the transitional period: general theoretical issues: an abstract of a doctor of legal sciences thesis]. Omsk, 37 p.

Sapun V. A. (2011) Urovni preemstvennosti v prave [Levels of continuity in law]. In *Yuridicheskaya tekhnika*, no. 5, pp. 416–420.

Sergeevich V. I. (1910) *Lektsii i issledovaniya po drevnei istorii russkogo prava* [Lectures and research on the ancient history of Russian law]. 4th ed. Saint Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 667 p.

Shulepova A. (Ed.) (2010) *Muzeevedcheskaya mysl' v Rossii XVIII – XX vekov: sbornik dokumentov i materialov* [Museological thought in Russia of the XVIII – XX centuries: collection of documents and materials]. Moscow, Eterna, 957 p.

Smykalin A. S. (2013) *Pomnim, думаем, спорим...* [We remember, we think, we argue...]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 367 p.

Smykalin A. S. (Ed.) (2016) *Evolyutsiya rossiiskogo i zarubezhnogo gosudarstva i prava. K 80-letiyu kafedry istorii gosudarstva i prava Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta (1936–2016): in 4 vols. Vol. 1: Istoriya kafedry, evolyutsiya rossiiskogo i zarubezhnogo gosudarstva i prava v trudakh uchenykh kafedry, aspirantov, soiskatelei i doktorantov* [Evolution of the Russian and foreign state and law. To the 80th anniversary of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University (1936–2016): in 4 vols. Vol. 1: The history of the Department, the evolution of the Russian and foreign state and law in the works of scientists of the Department, graduate students, applicants and doctoral students]. Yekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi yuridicheskii universitet, vol. 1, 1023 p.

State archive of the Sverdlovsk region. Collection 2143-p. Inventory 1. File 211. List 60.

Syrykh V. M. (2009) *Pravovaya nauka i yuridicheskaya ideologiya Rossii: entsiklopedicheskii slovar' biografii* [Legal science and legal ideology of Russia. Encyclopedic dictionary of biographies]: in 4 vols. Moscow, Yurist, vol. 1, 918 p.

Takhtamyshev V. G., Kharlamova S. G. (2015) Preemstvennost': k voprosu o metodologii issledovaniya [Continuity: on the issue of research methodology]. In *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, no. 1-1, p. 1741.

Tarasov N. N. (2020) Pravovaya traditsiya i preemstvennost' v prave: metodologicheskie osnovaniya issledovaniya [Legal tradition and continuity in law: methodological foundations of the study]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal»*, no. 3, pp. 5–14, available at: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1625> (accessed: 17.11.2021).

Tomsinov V. A. (2010) *Yuridicheskoe obrazovanie i yurisprudentsiya v Rossii v XVIII stoletii* [Legal education and jurisprudence in Russia in the XVIII century]. Moscow, Zertsalo-M, 216 p.

Tomsinov V. A. (2010) *Yuridicheskoe obrazovanie i yurisprudentsiya v Rossii v pervoi treti XIX veka* [Legal education and jurisprudence in Russia in the first third of the XIX century]. Moscow, Zertsalo-M, 280 p.

Tomsinov V. A. (2010) *Yuridicheskoe obrazovanie i yurisprudentsiya v Rossii vo vtoroi treti XIX veka* [Legal education and jurisprudence in Russia in the second third of the XIX century]. Moscow, Zertsalo-M, 336 p.

Tomsinov V. A. (2011) *Istoriya yuridicheskogo fakul'teta Moskovskogo universiteta (1755–2010)* [History of the Faculty of Law of Moscow University (1755–2010)], 2nd ed. Moscow, Gorodets, 640 p.

Tomsinov V. A. (2013) *Yuridicheskoe obrazovanie i yurisprudentsiya v Rossii v epokhu «velikikh reform» (60-e – nachalo 80-kh gg. XIX v.)* [Legal education and jurisprudence in Russia in the era of «great reforms» (60s – early 80s of the XIX century)]. Moscow, Zertsalo-M, 300 p.

Vishlenkova E. A., Parsamov V. S. (2014) Universitetskie istorii v Rossii: genezis zhanrov [University stories in Russia: the genesis of genres]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 3, pp. 164–172.

Volosnikova L. M., Chebotarev G. N. (2007) *Pravovoi status universitetov: istoriya i sovremennost'* [Legal status of universities: history and modernity]. Moscow, Norma, 208 p.

Yashchuk T. F. (1999) Yuridicheskie zhurnaly 1920-kh godov kak istochnik po istorii sovetskogo pravovedeniya [Legal journals of the 1920s as a source on the history of Soviet jurisprudence]. In *Vestnik Omskogo universiteta*, no. 1, pp. 111–114.

Yushkov S. V. (1940) *Istoriya gosudarstva i prava SSSR* [History of the state and law of the USSR]. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR, 596 p.

Zakharov V. V., Zipunnikova N. N. (Eds.) (2008) «Izuchat' yurisprudentsiyu yako prav iskusstvo». *Ocherki istorii yuridicheskogo obrazovaniya v Rossii (konets XVII v. – XX v.)* [«To study jurisprudence as an art of laws». Essays on the history of legal education in Russia (the late XVII century – the XX century)]. Kursk, Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo universiteta, 160 p.

Zemtsov B. N. (2014) Sotsiologicheskoe ponimanie istorii prava [Sociological understanding of the history of law]. In *Vestnik RUDN. Ser.: Yuridicheskie nauki*, no. 4, pp. 49–56.

Zipunnikova N. N. (2016) Yubileinyi sindrom, «yubileemaniya», laboratoriya kommemoratsii ili..? Razmyshleniya istorika prava o prirode yubileinykh izdaniy [Jubilee syndrome, «jubileemania», commemoration laboratory or...? Reflections of a historian of law on the nature of jubilee publications]. In *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, no. 5, pp. 28–33.

Zvereva G. I. (2018) Intellektual'naya istoriya v sovremennoi Rossii: instituty i napravleniya [Intellectual history in modern Russia: institutes and directions]. In *Prepodavatel' XXI vek*, no. 4, pp. 288–302.

ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА ЭДИКТА ТЕОДОРИХА

Макутчев Александр Валерьевич

Доцент кафедры правовых дисциплин Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (Тула), кандидат исторических наук, ORCID: 0000-0003-4434-9143, e-mail: makutchevav@tsput.ru

Эдикт Теодориха представляет собой сборник правовых норм, составленный примерно на рубеже V–VI вв. и отразивший процесс усвоения варварским законодательством норм римского права после падения Западной Римской империи. Документ известен с XVI в., однако вопрос о его авторстве остается дискуссионным по сей день. На основе современной историографии автор обобщает взгляды исследователей по вопросу об авторстве Эдикта и выделяет две основные гипотезы происхождения документа: традиционную и альтернативную. Сторонники традиционной гипотезы считают автором Эдикта остготского правителя Италии Теодориха Великого, захватившего власть в Италии после смещения узурпатора Одоакра. В рамках этой гипотезы Эдикт признается памятником права, созданным для обеспечения мирного сосуществования римлян и остготов на землях бывшей Западной Римской империи. Приверженцы альтернативной гипотезы ставят под сомнение принадлежность Эдикта Теодориху Великому и предлагают иные варианты его авторства. Анализ аргументов в пользу обеих позиций и весомости каждой из них составил содержательную основу данной статьи.

Ключевые слова: Эдикт Теодориха, варвары, остготы, римское право, Теодорих Великий, поздняя Античность

Для цитирования: Макутчев А. В. Проблема авторства Эдикта Теодориха // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 6. С. 72–82. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_6_72.

THE PROBLEM OF AUTHORSHIP OF THE EDICT OF THEODORIC

Makutchev Alexander

Associate professor, Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University (Tula), candidate of historical sciences, ORCID: 0000-0003-4434-9143, e-mail: makutchevav@tsput.ru

The Edict of Theodoric is a collection of legal norms compiled around the turn of the 5th–6th centuries and reflected the process of assimilation by the barbaric legislation of the norms of Roman law after the fall of the Western Roman Empire. The document has been known since the 16th century, but the question of its authorship is still debatable. Based on modern historiography, the author summarizes the views of researchers on the authorship of the Edict and identifies two main hypotheses of the document's origin: traditional and alternative. Supporters of the traditional one think that the author of the Edict is the Ostrogothic ruler of Italy, Theodoric the Great, who seized power in Italy after the removal of the usurper Odoacer. According to this hypothesis, the Edict is a monument of law created to ensure the peaceful coexistence of Romans and Ostrogoths on the lands of the former Western Roman Empire. The alternative hypothesis raises doubts about the affiliation of the Edict to Theodoric the Great and suggests other variants of its authorship. The article analyses the arguments in favour of both hypotheses and the weight of each of them.

Key words: Edict of Theodoric, Barbarians, Ostrogoths, Roman law, Theodoric the Great, late antiquity

For citation: Makutchev A. (2021) The problem of authorship of the Edict of Theodoric. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu»*, no. 6, pp. 72–82, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_6_72.

Эдикт Теодориха (*Edictum Theoderici regis*) является значимым, но не в полной мере изученным историческим документом, раскрывающим некоторые аспекты развития римского права в Европе в период поздней Античности. Он был составлен на рубеже V–VI вв., когда закрепление варварских народов на землях рухнувшей Западной Римской империи привело к активному взаимопроникновению элементов римского и варварского права и формированию синкретической римско-варварской правовой системы.

Авторство Эдикта по сей день однозначно не установлено. На протяжении нескольких веков оно приписывалось остготскому правителю Италии Теодориху Великому (493–526 гг.), однако в середине XX в. эти представления были подвергнуты сомнению.

В западной историографии вопрос авторства Эдикта Теодориха не считался принципиальным с момента обнаружения документа в XVI в. Исследователи (среди них – Ф. Блюме¹, И. Гледен², Ф. Дан³) признавали документ результатом остготской рецепции римского права VI в., а его автором – Теодориха Великого. В последние 70 лет интерес к Эдикту в научной среде был возрожден стараниями итальянских ученых П. Раси⁴ и Дж. Висмары⁵, поставивших под сомнение традиционную версию авторства документа. Их публикации подготовили почву для дискуссии, которая не окончена до сих пор и нашла отклик в трудах Б. Сайты⁶, Х. Вольфрама⁷, Дж. Мурхэда⁸, П. Вормальда⁹, Ш. Лафферти¹⁰, М. Ожог¹¹ и др.

В отечественной историографии интерес к авторству Эдикта Теодориха был обозначен в 1972 г., когда известный советский медиевист А. Р. Корсунский опубликовал статью, обобщавшую имевшиеся на тот момент аргументы участников спора об авторстве документа¹². За прошедшие годы эти аргументы были дополнены и расширены современными историками.

Существуют две основные гипотезы об авторстве Эдикта: гипотеза об остготском происхождении документа (традиционная), по которой его автором является остготский правитель Теодорих Великий, и гипотеза о неостготском (вестготском или франкском) происхождении Эдикта (альтернативная). Рассмотрим аргументы, лежащие в основе указанных гипотез.

Текст Эдикта Теодориха был впервые опубликован в 1579 г. в Париже книготорговцем С. Нивеллем (Нивелиусом) по инициативе издателя древних и средневековых юридических текстов П. Питу как часть сборника других текстов¹³. Впоследствии редакция П. Питу была переиздана Ф. Блюме в рамках серии публикаций «*Monumenta Germaniae Historica*» с добавлением предисловия, в котором впервые было указано на наличие среди издателей сомнений в авторстве Эдикта¹⁴. Эти сомнения сформировались ввиду того, что П. Питу опирался на две рукописи, которые впоследствии были

¹ *Edictum Theoderici regis* / F. Bluhme // *Monumenta Germaniae Historica. Leges Saxonorum*. Hannover: Hahn, 1889. T. 5. S. 148–179.

² *Glöden I.* Das römische Recht in Ostgotischen Reiche. Jena: Frommann, 1843.

³ *Dahn F.* Die Könige der germanen. Leipzig: E. A. Fleischmann, 1883. Bd. 4.

⁴ *Rasi P.* Sulla paternità del c. d. *Edictum Theoderici regis*. Modena: Società Tipografica Modenese, 1953. P. 105–162.

⁵ *Vismara G.* *Edictum Theoderici. Ius Romanum Medii Aevi, Pars 1, 2b aa alpha*. Milano: Giuffrè, 1967. 192 p.

⁶ *Saita B.* The Ostrogoths in Italy // *Polis: revista de ideas y formas políticas de la anti-güedad clásica*. 1999. № 11.

⁷ *Wolfram H.* *History of the Goths*. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 1988.

⁸ *Moorhead J.* *Theoderic in Italy*. Oxford: Oxford University Press, 1992.

⁹ *Wormald P.* The *Leges Barbarorum*: Law and Ethnicity in the Ostrogothic West // *Regna and Gentes: the relationship between late antique and early medieval peoples and kingdoms in the transformation of the Roman world* / ed. by H.-W. Goetz, J. Jarnut, W. Pohl. L.: Brill, 2003.

¹⁰ *Lafferty S. D. W.* *The Edictum Theoderici: A Study of a Roman Legal Document from Ostrogothic Italy*. Toronto: University of Toronto, 2010.

¹¹ *Ožóg M.* The authorship of the so-called Edict of Theoderic // *Leben Zwischen und Mit den Kulturen Stidien zu Recht, Bildung und Herrschaft in Mitteleuropa* / hrsg. von R. Skowrońska, H. Flachenecker. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2015.

¹² Корсунский А. Р. К дискуссии об «Эдикте Теодориха» // *Европа в средние века: экономика, политика, культура*: сб. ст. М.: Наука, 1972. С. 16–31.

¹³ *Valentinova D.* When Two Worlds Collide and Merge: «At first I wanted to erase the Roman name and convert all Roman territory into a Gothic empire» // *Bulgaria Mediaevalis*. 2017. № 8. P. 35.

¹⁴ *Edictum Theoderici regis*. P. 146.

утрачены; кроме того, в тексте документа сохранилось очень мало топонимов и этнонимов, которые позволили бы безоговорочно установить его принадлежность конкретному правителю. Завершающая фраза Эдикта гласит: «*Explicit Edictum Theoderici Regis*» («Явлено королем Теодорихом»), что позволило П. Питу идентифицировать автора документа как Теодориха Великого, остготского правителя Италии, захватившего власть после устранения узурпатора Одоакра, который, в свою очередь, ранее сверг последнего императора Западной Римской империи Ромула Августула. Однако истории известно восемь правителей с этим именем: вестготские короли Теодорих I и Теодорих II, остготские Теодорих Страбон и Теодорих Великий, франкские Теодорих I, Теодорих II, Теодорих III и Теодорих IV¹.

Авторство Эдикта Теодориха также приписывалось Одоакру, королю Бургундии Гундобаду, остготской королеве Амаласунте, императорам Майориану и Авиту². Тем не менее эти версии не получили распространения, и до середины XX в. остготская версия происхождения Эдикта не подвергалась серьезному сомнению. Среди ее сторонников следует упомянуть А. Джонса³, Г. Нельсена⁴, К. Дрю⁵, Р. Ламбертини⁶ и др. Эдикт в рамках этой гипотезы был составлен примерно в 500 г. для упорядочения отношений между римским и готским населением Италии и установления всеобщих правовых норм, регулировавших общественную жизнь.

В 1953 г. итальянский исследователь рукописей Южной Франции П. Раси отверг версию П. Питу и приписал Эдикт Одоакру (476–493)⁷. Позднее он изменил свою позицию, назвав наиболее вероятным заказчиком документа вестготского короля Теодориха II (453–466)⁸. Согласно П. Раси непосредственным автором Эдикта был префект Галлии Флавий Магн из Нарбонны, который по указу короля составил текст путем выборки норм из сборников римского права. Возможно, эта гипотеза сформировалась под влиянием изданной в 1950 г. работы немецкого историка Ф. Бейерле, который первым высказал мнение, что Теодорих II опубликовал некий свод законов, чьим составителем стал префект Магн из Нарбонны⁹.

Формулировка «*Explicit Edictum Theoderici Regis*», по мнению П. Раси, была внесена в рукопись Эдикта самим П. Питу. Не находя каких-либо упоминаний об Эдикте в источниках V–VI вв., П. Раси фактически пришел к выводу, что этот документ является фальсификацией¹⁰.

Сомнения П. Раси поддержал Дж. Висмара: он указал, что Эдикт не был упомянут в источниках, описывавших правление Теодориха Великого («Вариях» Кассиодора, «Гетике» Иордана, «Панегирике» Эннодия)¹¹, и в «Прагматической санкции» императора Юстиниана, где дана ссылка на постановления других остготских королей. Отсюда автор делал вывод, что документ не мог быть результатом воли остготского короля¹². В пользу этой позиции Дж. Висмара привел следующие аргументы: 1) в Эдикте употребляются этнонимы «римляне» и «варвары», которые не встречались в «Вариях» Кассиодора (там использован исключительно этноним «готы»¹³); 2) наказание, вынесенное племяннику Теодориха Теодахаду за *invasio* (незаконное завладение имуществом) в 523 г., не соответствовало Эдикту: согласно ст. 10 Эдикта захватчик был обя-

¹ *Valentinova D.* Op. cit. P. 37.

² *Amory P.* People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–554. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 79.

³ *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire, 284–602: Social, Economic and Administrative Survey. Oxford: Basil Blackwell, 1964.

⁴ *Nehlsen H.* Giulio Vismara, Edictum Theoderici // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Germanistische Abteilung. 1969. Bd. 86.

⁵ *Drew K. F.* Law and Society in Early Medieval Europe. L.: Variorum Reprints, 1988.

⁶ *Lambertini R.* Introduzione allo studio esegetico del diritto romano. Bologna: Clueb, 1993.

⁷ *Rasi P.* Op. cit. P. 105.

⁸ *Ibid.* P. 108–120.

⁹ *Beyerle F.* Zur Frühgeschichte der westgotischen Gesetzgebung. Volksrechtliche Studien IV // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Germanistische Abteilung. 1950. Bd. 67. S. 8.

¹⁰ *Rasi P.* Op. cit. P. 113.

¹¹ *Vismara G.* Op. cit. P. 246–248.

¹² *Vismara G.* Romani e Goti di fronte al diritto nel regno ostrogoto // I Goti in occidente. Problemi: settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo, III. Spoleto: Presso la sede del Centro, 1956. P. 410.

¹³ *Корсунский А. П.* Указ. соч. С. 19.

зан вернуть имущество и выплатить его владельцу двукратную стоимость захваченного¹, Теодахад же был наказан лишь обязанностью возратить захваченное (п. 4.39 «Варий»)²; 3) Теодорих Великий не имел права издавать собственные правовые акты, поскольку не являлся независимым правителем, действуя от имени императора Восточной Римской империи³.

Дж. Висмара считал указание П. Питу на Теодориха остготского как на автора Эдикта стремлением выдать желаемое за действительное: представление об Эдикте как о символе единения римской и варварской культур, способном поддержать культурное единство Италии в условиях распада государства, соответствовало духу гуманистической идеологии, сторонником которой был Питу⁴.

Как и П. Раси, вместо Теодориха Великого Дж. Висмара предложил в качестве наиболее вероятного автора Эдикта Теодориха II вестготского. Эдикт в контексте правления Теодориха II должен был олицетворять культурное единство Западной Европы, а не разрушенное общество Апеннинского полуострова⁵.

Выводы Дж. Висмары получили поддержку со стороны многих ученых, например американца А. Уотсона⁶, итальянского специалиста по истории готв Б. Сайты⁷, немецких исследователей права поздней Античности Х.-Ю. Беккера⁸, Г. Шелленберга⁹, Г. Шлоссера¹⁰, испанских ученых А. д'Орса¹¹ и Р. Хиберта¹².

В контексте критики остготского происхождения Эдикта современный итальянский исследователь О. Ликандро предложил совершенно иное направление¹³. Он не только отверг идею о том, что Теодорих Великий являлся инициатором составления Эдикта, но и заявил, что документ вообще не был актом, исходившим от какого-либо правителя. По мнению О. Ликандро, Эдикт представляет собой сборник правовых норм, как римских, так и варварских, написанный анонимным юристом для личного использования¹⁴. В подтверждение своей позиции О. Ликандро привел следующие аргументы: 1) документ слишком неупорядочен и противоречив, чтобы исходить от королевской канцелярии¹⁵; 2) король остготов никогда не называл своих готских подданных «варварами», более того, вложенный в Эдикт замысел объединения права римлян и готв не соответствовал общей политике Теодориха¹⁶. О. Ликандро выступил против научного консенсуса о том, что Теодорих Великий стремился к единству между готами и римлянами; по его словам, термин «варвары» относился ко всем «неримлянам» и был внесен в документ для обозначения всех субъектов с разным происхождением, подпадающих под разные юрисдикции¹⁷.

Несмотря на некоторые весомые аргументы, гипотеза неостготского происхождения Эдикта Теодориха не стала основной, так как сама небезупречна. В последние 40 лет ряд исследователей сосредоточились на критике доводов П. Раси и Дж. Висмары, доказывая изначальную правоту П. Питу об остготских корнях Эдикта. В частности, выводы Дж. Висмары решительно оспариваются Б. Парадизи¹⁸ и Г. Стшельчи-

¹ Edictum Theoderici regis. S. 152.

² Cassiodori senatoris Variarum / T. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Berlin: Weidmann, 1894. T. 12. S. 194.

³ Vismara G. Romani e Goti... P. 416–418.

⁴ Vismara G. Edictum Theoderici. P. 188.

⁵ Ibid. P. 190.

⁶ Watson A. The Evolution of Western Private Law. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1985. P. 77–79.

⁷ Saita B. Op. cit. P. 200.

⁸ Becker H.-J. Edictum Theoderici // Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte. Berlin: E. Schmidt, 1971. S. 802–804.

⁹ Schellenberg H. Die Interpretationen zu den Paulussentenzen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1965. S. 62.

¹⁰ Schlosser H. Grundzüge der neueren Privatrechtsgeschichte. Heidelberg: Uni-Taschenbücher, 1982. S. 6.

¹¹ D'Ors A. El Código de Eurico. Estudios Visigóticos, II. Roma; Madrid: CSIC, Delegación de Roma, 1960. P. 5–9.

¹² Gibert R. Historia general del derecho español. Granada: M. Huerta, 1968. P. 9–11.

¹³ Licandro O. Edictum Theoderici. Un misterioso caso librario del Cinquecento. Roma: L'ERMA di Bretschneider, 2013.

¹⁴ Licandro O. Op. cit. P. 130–131.

¹⁵ Ibid. P. 70–73.

¹⁶ Ibid. P. 111.

¹⁷ Ibid. P. 104–106.

¹⁸ Paradisi B. Studi sul medioevo giuridico. Roma: Istituto storico italiano per il Medio Evo, 1987. P. 163–173.

ком¹. Из советских историков известный медиевист З. В. Удальцова также считала точку зрения Дж. Висмары необоснованной².

А. Р. Корсунский выделил существенные противоречия между Эдиктом и «Вариями» Кассиодора, чье авторство и время создания не подвергаются сомнению. Эти противоречия касаются положений о проведении судебных заседаний в пасхальные дни, о применении пытки по отношению к свободным людям, о наказаниях за разграбление могил, о наказании преступников плетью, о разнице в наказаниях для категорий свободных людей (*honestiores* и *humiliores*) (ст. 59, 64, 75, 83, 89, 91, 97, 111 Эдикта³). Указанные противоречия, однако, для А. Р. Корсунского не стали поводом для сомнений в остготском происхождении Эдикта, иные версии авторства ему кажутся значительно менее реалистичными. Так, вестготские корни документа не подтверждаются из-за существенных различий в содержании Эдикта и вестготских памятников права (например, Эдикт не отражает актуальных для вестготского права аспектов раздела земель между готами и римлянами, характерных черт вестготского общественного и политического устройства – дружины, деления войска на тысячи, сотни и десятки и др.)⁴. В целом исследователь занял нейтральную позицию, указывая, что содержание Эдикта не дает возможности определить его авторство и время составления: «Условия жизни римского населения в Италии, Галлии и Испании были в период Поздней империи сходными, и очень трудно по юридическим нормам, зафиксированным в памятнике, определить, к какой из этих стран он относится»⁵.

Среди современных ученых, отстаивающих остготскую гипотезу создания Эдикта Теодориха, следует отметить М. Ожог, М. Койман и известного в англоязычном научном сообществе специалиста по истории европейского права Ш. Лафферти.

По мнению польской исследовательницы М. Ожог, Эдикт Теодориха был документом, неоригинальным по содержанию, но нацеленным на приспособление более ранних римских норм к остготским обычаям⁶. М. Ожог приводит следующие аргументы в пользу того, что автором Эдикта является Теодорих остготский:

1. Теодорих правил от имени императора Восточной Римской империи Зенона и в официальных письмах в Константинополь подчеркивал, что хотел бы, чтобы его правление регулировалось *civilitas* – следованием закону не только со стороны подданных, но и со стороны правителя⁷. В таком случае было бы удивительно, если бы он не издал собственный сборник законов. Произойти это могло после визита Теодориха в Рим в 500 г., когда он был принят сенаторами и Папой Римским и пообещал уважать законы, изданные императорами⁸.

2. Факт издания Эдикта косвенно может подтверждаться п. 4.10.1 «Варий», где мы находим упоминание о некоем указе, содержание которого согласуется со ст. 123 и 124 Эдикта о регулировании залоговых обязательств⁹.

3. Ряд статей Эдикта соотносятся с некоторыми событиями из истории остготской Италии. Так, статьи о наследовании можно связать с церковной политикой Теодориха Великого в условиях так называемого Лаврентьевского раскола¹⁰. В 498 г. одновременно были избраны два папы, Симмах и Лаврентий, и Теодорих поддержал первого. Для укрепления своих позиций Симмах на синоде 501 г. объявил о неприкосновенности религиозной собственности. По мнению М. Ожог, ст. 26 Эдикта стала правовой базой политики Симмаха: священнослужители при отсутствии наследников должны были завещать имущество своей церкви¹¹, защитив его от претензий со стороны чиновников или других светских лиц.

¹ Strzelczyk J. Goci – rzeczywistości i legenda. Warszawa: PTW Warszawa, 1984. P. 193.

² Удальцова З. В. Италия и Византия. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 162.

³ Edictum Theoderici regis. S. 158–164.

⁴ Корсунский А. Р. Указ. соч. С. 23.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Ożóg M. Op. cit. P. 11–12.

⁷ Cassiodori senatoris Variarum. S. 279.

⁸ Ożóg M. Op. cit. P. 11–12.

⁹ Cassiodori senatoris Variarum. S. 119.

¹⁰ Moorhead J. The Laurentian Schism: East and West in the Roman Church // Church History. 1978. Vol. 47. Iss. 2. P. 127–128.

¹¹ Edictum Theoderici regis. S. 154.

Канадский исследователь Ш. Лафферти придает Эдикту Теодориха особое значение, утверждая, что он представляет «совершенно иную и более точную картину итальянского общества VI в., чем „Варии“ Кассиодора»¹. Гипотеза Ш. Лафферти учитывает некоторые положения гипотез предшественников, при этом сохраняя в своей основе мысль об остготской принадлежности Эдикта. Так, он согласен с О. Ликандро в том, что Теодорих Великий не был непосредственным автором Эдикта, но при этом убежден, что документ не просто являлся личной инициативой некоего анонимного юриста, а был составлен группой юристов по приказу правителя для официального применения на подконтрольных Теодориху землях. Эдикт, по мнению Ш. Лафферти, это одновременно и продукт, и свидетельство адаптации этими юристами более раннего римского права к меняющимся условиям жизни в государстве².

Ш. Лафферти является наиболее последовательным критиком доводов Дж. Висмары о вестготском происхождении Эдикта. Так, Дж. Висмара считал, что Эдикт был составлен до прихода Теодориха Великого к власти и указывал, что ст. 69 Эдикта и ст. 7.1.1 Новелл Майориана 458 г. установили одинаковый срок приобретательской давности (*temporis praescriptio*) в 30 лет. Из этого Дж. Висмара сделал вывод, что Эдикт был составлен не позднее 461 г.³ Ш. Лафферти же доказывает, что суть приведенных статей не идентична: норма Эдикта ориентирована на защиту прав владельцев имущества, Новеллы же защищали интересы государства, предотвращая массовый передел собственности. В связи с этим Ш. Лафферти делает вывод, что между написанием этих двух текстов прошло несколько десятилетий⁴.

Приписывание авторства Эдикта вестготскому королю Теодориху II Дж. Висмара обосновывал ссылкой на текст Сидония Аполлинария, который писал, что около 469 г. викарий провинции Аквитаника Прима Серонат «попрал законы Феодосия и издал законы Теодориха» (*leges Theodosianas calcans, Theudericanasque proponens*); эти законы исследователь отождествил с Эдиктом Теодориха⁵. Ш. Лафферти оспаривает это отождествление: исходя из указанной цитаты, Теодорих II, будучи независимым правителем, издал законы (*leges*), эдикт (*edictum*) же представлял собой сборник указов, который издавался подчиненными императору наместниками для урегулирования споров, судопроизводства и т. п.⁶

Подчеркиваемая Дж. Висмарой противоречивость ряда норм Эдикта между собой как свидетельство неофициального характера документа также отвергается Ш. Лафферти: Кодекс Юстиниана – наиболее полный кодекс права на момент его обнародования в 529/534 г. – также содержит бесчисленные противоречия, несмотря на заявление Юстиниана о том, что его кодекс устранит любые несоответствия закону⁷.

Наконец, Ш. Лафферти опровергает утверждение Дж. Висмары о том, что Эдикт не упомянут в источниках периода Теодориха Великого. Лишь Прокопий Кесарийский прямо писал, что Теодорих не оставил законов⁸. Аноним Валезия сообщал, что Теодорих издал эдикт, которым установил справедливость, и за это готы считали его своим лучшим королем⁹. Кассиодор в «Вариях» упоминал некоторые указы Теодориха: так, в письме губернатору Кампании Иоанну правитель остготов указывал на недопустимость *pignus* – практики захвата имущества должника с целью добиться от него уплаты долга¹⁰. Подобный запрет предусмотрен ст. 123 и 124 Эдикта как гарантия верховенства закона и пресечения самоуправства.

Косвенные отсылки к положениям Эдикта Ш. Лафферти видит и в упомянутых в «Вариях» вопросах собственности евреев. Кассиодор рассказывает о письме Теодориха, в котором он разрешил евреям Генуи восстановить синагоги и предоставил га-

¹ Lafferty S. D. W. Op. cit. P. 13.

² Ibid. P. 31.

³ Vismara G. Edictum Theoderici. P. 154.

⁴ Lafferty S. D. W. Op. cit. P. 23.

⁵ Vismara G. Edictum Theoderici. P. 180.

⁶ Watson A. Op. cit. P. 204.

⁷ Stein P. Roman Law in European History. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 32–35.

⁸ Lafferty S. D. W. Op. cit. P. 25.

⁹ Anonymi Valesiani pars posterior / T. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Berlin: Weidmann, 1892. T. 9. S. 310.

¹⁰ Lafferty S. D. W. Op. cit. P. 27.

рантии их законных привилегий¹. Статья 143 Эдикта закрепила схожие по смыслу положения о праве евреев жить в соответствии со своими законами и иметь в качестве судей тех, кого они считают достойными. Эта норма не могла быть частью вестготского законодательства, которое, по данным Ш. Лафферти, в целом было антисемитским².

Помимо критики доводов Дж. Висмары, Ш. Лафферти предлагает собственные аргументы в пользу остготского происхождения Эдикта:

1. Посвященная проблеме *invasio* (незаконного завладения собственностью) ст. 10 Эдикта содержит упоминание «Почтенного города» (*urbe venerabili*), под которым, по мнению Ш. Лафферти, подразумевали Рим. Согласно данной статье судьи и служащие судов провинций и «Почтенного города», если по тем или иным причинам они были не способны применить наказание к лицам, неправомочно завладевшим чужим имуществом, должны были жаловаться напрямую в королевскую канцелярию (скринию). Данная норма была заимствована из Кодекса Феодосия (ст. 4.22.3)³, но не полностью – ссылка на «Почтенный город» была добавлена составителями Эдикта Теодориха.

Статья 111 Эдикта содержит прямое указание на Рим (*urbem Romam*) в контексте запрета хоронить трупы в пределах города. Как и в предыдущем случае, составители Эдикта взяли за основу норму из Кодекса Феодосия (ст. 9.17.6), но дополнили ее наказанием в виде публичной порки. Ш. Лафферти отмечает, что, по данным археологов, незаконные захоронения вокруг Колизея возобновились именно на рубеже V–VI вв., когда был составлен Эдикт⁴.

Указания на Рим явно дают понять, что Эдикт предназначался для применения в древней имперской столице, при этом контроль над городом имел Теодорих Великий, а не Теодорих II вестготский.

2. Статья 145 Эдикта упоминает термин *capillati*, важность которого для определения авторства документа еще в 1845 г. подчеркнул И. Гледен⁵. Согласно Иордану готы получили наименование *capillati* («длинноволосые») от верховного жреца Дикинея во времена, когда они находились в Причерноморье, до миграции на запад⁶. Впоследствии этот термин сохранился в обиходе остготов: так, у Кассиодора «длинноволосые» упоминались как одни из адресатов прокламации Теодориха Великого к жителям Сиссии и Суавии⁷. В ст. 145 Эдикта «длинноволосые» не несли наказания, если не являлись в суд после третьего вызова, как остальные граждане⁸. При этом неясно, по мнению Ш. Лафферти, была ли это проявлением неуважения к суду, а скорее, следствием особого статуса «длинноволосых» – они были солдатами армии Теодориха. Дж. Висмара отмечал, что *capillati* упоминались и в вестготских памятниках⁹, но в них отождествление этого термина с готами было утрачено¹⁰.

Ш. Лафферти выдвинул гипотезу о том, что Эдикт относится к периоду после 458 г. (времени принятия Новелл Майориана, с которыми у Эдикта слишком много различий), но до 512 г. – примерно до этого времени была актуальна проблема беглых рабов, которой посвящена ст. 70 Эдикта. Поток беженцев был связан с захватом франками вестготских владений в Аквитании в 507 г.¹¹, и для сохранения спокойствия в Италии составитель Эдикта установил требование возвращать беглых рабов прежним хозяевам¹².

¹ Cassiodori senatoris Variarum. S. 203.

² King P. D. Law and Society in the Visigothic Kingdom. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. P. 134.

³ Codex Theodosianus / T. Mommsen, P. Krueger. Berlin: Weidmann, 1905. S. 130.

⁴ Lafferty S. D. W. Op. cit. P. 31.

⁵ Glöden I. Op. cit. S. 22.

⁶ Iordanis Romana et Getica / T. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Berlin: Weidmann, 1882. T. 5.1. P. 72.

⁷ Cassiodori senatoris Variarum. S. 180.

⁸ Edictum Theoderici regis. S. 167.

⁹ Vismara G. Edictum Theoderici. P. 97.

¹⁰ Корсунский А. П. Указ. соч. С. 29.

¹¹ Mazzarino S. Si può parlare di rivoluzione sociale alla fine del mondo antico // Il passaggio dall'antichità al medioevo in Occidente: settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo, IX. Spoleto: Presso la sede del Centro, 1961. P. 421–423.

¹² Edictum Theoderici regis. S. 160.

Как и М. Ожог, Ш. Лафферти допустил, что Эдикт был обнародован в 500 г., когда Теодорих праздновал в Риме десятилетие своего пребывания в Италии¹. Празднества по этому поводу могли стать идеальным фоном для издания Теодорихом Эдикта (например, Кодекс Феодосия был обнародован в Италии во время празднования Рождества 438 г.)². Более точно датировать документ не представляется возможным.

Наконец, Ш. Лафферти убежден, что составителями Эдикта были профессиональные юристы, судя по их глубоким знаниям римского права. В пользу этой позиции, по мнению исследователя, говорит уже упоминавшаяся практика использования в документе термина «варвары» (*barbari*). По словам Ш. Лафферти, этот не встречающийся в источниках Эдикта термин является намеренным дополнением со стороны составителей, используемым для обозначения римлянами готов³. Так, варварами называли готов Боэций и Прокопий⁴. В ст. 43 и 44 Эдикта упомянуты готские магнаты (*potens barbarus*)⁵, в ст. 32 термин «*barbarus*» явно относится к солдатам, которым гарантируется право завещания наравне с римлянами⁶.

А. Р. Корсунский считал, что термин «*barbarus*» имел значение «неримляне» лишь в «Вариях» Кассиодора, в Эдикте же он обозначал, скорее, варварское, неостготское население владений Теодориха⁷. Он, как и многие исследователи, указал, что использование Теодорихом наименования «варвары» для собственного народа было бы оскорбительным. Так, нидерландская исследовательница М. Койман на основе этого тезиса утверждает (как и О. Ликандро), что наиболее вероятно составление Эдикта анонимным римским юристом, работавшим под властью Теодориха, но придерживавшимся собственного мнения о готах⁸. Ш. Лафферти же из факта использования термина «варвары» делает вывод, что Эдикт составляли римские юристы без участия правителя: готский правитель не мог называть варварами свой народ, но юристы-римляне могли; кроме того, к VI в. термин «варвар» утратил негативную коннотацию⁹. Данные юристы, по мнению исследователя, входили в состав той самой королевской канцелярии (скринии), в которую ст. 10 Эдикта призвала судей направлять свои обращения при невозможности самостоятельно назначить наказание. Ответственность за составление Эдикта, скорее всего, легла на канцелярию *quaestor sacri palatii* – юрисконсульта императора, которым в период создания документа являлся Кассиодор¹⁰.

Итак, множество представлений об авторстве Эдикта Теодориха мы объединили в две гипотезы, каждая из которых имеет сильные и слабые места. Так, традиционная (остготская) гипотеза опирается на близость содержания документа реалиям остготской Италии и слабую аргументацию сторонников его вестготского или галльского происхождения. Неостготская гипотеза, отстаиваемая некоторыми современными итальянскими специалистами, исходит из противоречий терминологии и смысла некоторых статей документа для обоснования сомнений в остготских корнях Эдикта.

Тем не менее аргументы сторонников традиционной гипотезы представляются более весомыми, а первоначальное приписывание Эдикта П. Питу Теодориху Великому – более чем оправданным. Так, некоторые аспекты содержания и терминологии Эдикта подтверждают, что он является продуктом остготской Италии. Аргументы противников остготского происхождения Эдикта, указывающих на отсутствие упоминания документа в источниках VI в., как мы убедились, не соответствуют действительности. Справедливые же сомнения (например, в части употребления термина «варвары») не столь весомы, чтобы повлиять на общий вывод об остготских корнях

¹ Moorhead J. Teoderic in Italy. P. 60–63.

² Matthews J. F. Laying Down the Law: A Study of the Theodosian Code. New Haven: Yale University Press, 2000. P. 101.

³ Lafferty S. D. W. Op. cit. P. 39.

⁴ Ibid. P. 40.

⁵ Edictum Theoderici regis. S. 156.

⁶ Ibid. S. 155.

⁷ Корсунский А. Р. Указ. соч. С. 26.

⁸ Kooijman M. Anchor-Shaping and Romanitas. The Role of Law and Education in Sixth-Century Communication about Roman Tradition in the Ostrogothic Kingdom. Leiden: Leiden University, 2019. P. 40.

⁹ Licandro O. Op. cit. P. 30.

¹⁰ Lafferty S. D. W. Op. cit. P. 34.

Эдикта. В связи с этим установление точной даты написания документа или лично-стей его фактических составителей уже не столь принципиально.

Эдикт остается ценным источником, помогающим выявить механизмы рецепции римского права и его адаптации к меняющимся потребностям общества и государства. При этом очевидно, что окончательное разрешение противоречий по поводу Эдикта может произойти лишь при обнаружении новых источников того времени.

Список литературы

Корсунский А. Р. К дискуссии об «Эдикте Теодориха» // Европа в средние века: экономика, политика, культура: сб. ст. М.: Наука, 1972. С. 16–31.

Удальцова З. В. Италия и Византия. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 547 с.

Amory P. People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–554. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 522 p.

Anonymi Valesiani pars posterior / T. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Berlin: Weidmann, 1892. T. 9. 756 s.

Becker H.-J. Edictum Theoderici // Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte. Berlin: E. Schmidt, 1971. S. 801–805.

Beyerle F. Zur Frühgeschichte der westgotischen Gesetzgebung. Volksrechtliche Studien IV // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Germanistische Abteilung. 1950. Bd. 67. S. 1–33.

Cassiodorus Variarum / T. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Berlin: Weidmann, 1894. T. 12. 597 p.

Codex Theodosianus / T. Mommsen, P. Krueger. Berlin: Weidmann, 1905. 540 s.

D'Ors A. El Código de Eurico. Estudios Visigóticos, II. Roma, Madrid: CSIC, Delegación de Roma, 1960. 328 p.

Dahn F. Die Könige der Germanen. Leipzig: E. A. Fleischmann, 1883. Bd. 4. 488 s.

Drew K. F. Law and Society in Early Medieval Europe: L.: Variorum Reprints, 1988. 288 p.

Edictum Theoderici regis / F. Bluhme // Monumenta Germaniae Historica. Leges Saxonorum. Hannover: Hahn, 1889. T. 5. 452 s.

Gibert R. Historia general del derecho español. Granada: M. Huerta, 1968. 549 p.

Glöden I. Das römische Recht in Ostgotischen Reiche. Jena: Frommann, 1843. 120 s.

Jones A. H. M. The Later Roman Empire, 284–602: Social, Economic and Administrative Survey. Oxford: Basil Blackwell, 1964. 1068 p.

Iordanis Romana et Getica / T. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Berlin: Weidmann, 1882. T. 5.1. 200 s.

King P. D. Law and Society in the Visigothic Kingdom. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. 336 p.

Kooijman M. Anchor-Shaping and Romanitas. The Role of Law and Education in Sixth-Century Communication about Roman Tradition in the Ostrogothic Kingdom. Leiden: Leiden University, 2019. 56 p.

Lafferty S. D. W. The Edictum Theoderici: A Study of a Roman Legal Document from Ostrogothic Italy. Toronto: University of Toronto, 2010. 339 p.

Lambertini R. Introduzione allo studio esegetico del diritto romano. Bologna: Clueb, 1993. 190 p.

Licandro O. Edictum Theoderici. Un misterioso caso librario del Cinquecento. Roma: L'ERMA di Bretschneider, 2013. 224 p.

Matthews J. F. Laying Down the Law: A Study of the Theodosian Code. New Haven: Yale University Press, 2000. 233 p.

Mazzarino S. Si può parlare di rivoluzione sociale alla fine del mondo antico // Il passaggio dall'antichità al medioevo in Occidente: settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo, IX. Spoleto: Presso la sede del Centro, 1961. P. 410–425.

Moorhead J. Teoderic in Italy. Oxford: Oxford University Press, 1992. 312 p.

Moorhead J. The Laurentian Schism: East and West in the Roman Church // Church History. 1978. Vol. 47. Iss. 2. P. 127–128.

Nehlsen H. Edictum Theoderici // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Germanistische Abteilung. 1969. Bd. 86. S. 246–260.

Ozóg M. The authorship of the so-called Edict of Theoderic // Leben Zwischen und Mit den Kulturen Studien zu Recht, Bildung und Herrschaft in Mitteleuropa / hrsg. von R. Skowrońska, H. Flache-necker. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2015. S. 11–22.

Paradisi B. Studi sul medioevo giuridico. Roma: Istituto storico italiano per il Medio Evo, 1987. 1204 p.

Rasi P. Sulla paternità del c. d. Edictum Teoderici regis. Modena: Società Tipografica Modenese, 1953. 62 p.

Saita B. The Ostrogoths in Italy // Polis: revista de ideas y formas políticas de la anti-güedad clásica. 1999. Nº 11. P. 197–216.

Schellenberg H. Die Interpretationen zu den Paulussentenzen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1965. 507 s.

Schlosser H. Grundzüge der neueren Privatrechtsgeschichte. Heidelberg: Uni-Taschenbücher, 1982. 882 s.

Stein P. Roman Law in European History. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 148 p.

Strzelczyk J. Goci – rzeczywistości I legenda. Warszawa: PTW Warszawa, 1984. 250 p.

Valentinova D. When Two Worlds Collide and Merge: «At first I wanted to erase the Roman name and convert all Roman territory into a Gothic empire» // *Bulgaria Mediaevalis*. 2017. № 8. P. 31–46.

Vismara G. Edictum Theodorici. *Ius Romanum Medii Aevi*, Pars 1, 2b aa alpha. Milano: Giuffrè, 1967. 192 p.

Vismara G. Romani e Goti di fronte al diritto nel regno ostrogoto // I Goti in occidente. Problemi: settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo, III. Spoleto: Presso la sede del Centro, 1956. P. 409–464.

Watson A. The Evolution of Western Private Law. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1985. 402 p.

Wolfram H. History of the Goths. Berkeley, Los Angeles, L.: University of California Press, 1988. 580 p.

Wormald P. The Leges Barbarorum: Law and Ethnicity in the Ostrogothic West // *Regna and Gentes: the relationship between late antique and early medieval peoples and kingdoms in the transformation of the Roman world* / ed. by H.-W. Goetz, J. Jarnut, W. Pohl. L.: Brill, 2003. P. 21–53.

References

Amory P. (1997) *People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–554*. Cambridge, Cambridge University Press, 522 p.

Becker H.-J. (1971) Edictum Theoderici. In *Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte*. Berlin, E. Schmidt, ss. 801–805.

Beyerle F. (1950) Zur Frühgeschichte der westgotischen Gesetzgebung. *Volksrechtliche Studien IV*. In *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Germanistische Abteilung*, Bd. 67, ss. 1–33.

Bluhme F. (Ed.) (1889) Edictum Theoderici regis. In *Monumenta Germaniae Historica. Leges Saxonorum*. Hannover, Hahn, T. 5, 452 s.

D'Ors A. (1960) *El Código de Eurico. Estudios Visigóticos, II*. Roma, Madrid, CSIC, Delegación de Roma, 328 p.

Dahn F. (1883) *Die Könige der Germanen*. Leipzig, E. A. Fleischmann, Bd. 4, 488 p.

Drew K. F. (1988) *Law and Society in Early Medieval Europe*. London, Variorum Reprints, 288 p.

Gibert R. (1968) *Historia general del derecho español*. Grenada, M. Huerta, 549 p.

Glöden I. (1843) *Das römische Recht in Ostgotischen Reiche*. Jena, Frommann, 120 s.

Jones A. H. M. (1964) *The Later Roman Empire, 284–602: Social, Economic and Administrative Survey*. Oxford, Basil Blackwell, 1068 p.

King P. D. (1972) *Law and Society in the Visigothic Kingdom*. Cambridge, Cambridge University Press, 336 p.

Kooijman M. (2019) *Anchor-Shaping and Romanitas. The Role of Law and Education in Sixth-Century Communication about Roman Tradition in the Ostrogothic Kingdom*. Leiden, Leiden University, 56 p.

Korsunsky A. R. (1972) K diskussii ob «Edikte Teodorikha» [To the discussion about the «Edict of Theodoric»]. In *Evropa v srednie veka: ekonomika, politika, kul'tura*. Moscow, Nauka, pp. 16–31.

Lafferty S. D. W. (2010) *The Edictum Theoderici: A Study of a Roman Legal Document from Ostrogothic Italy*. Toronto, University of Toronto, 339 p.

Lambertini R. (1993) *Introduzione allo studio esegetico del diritto romano*. Bologna, Clueb, 190 p.

Licandro O. (2013) *Edictum Theoderici. Un misterioso caso librario del Cinquecento*. Roma, L'ERMA di Bretschneider, 224 p.

Matthews J. F. (2000) *Laying Down the Law: A Study of the Theodosian Code*. New Haven, Yale University Press, 233 p.

Mazzarino S. (1961) Si può parlare di rivoluzione sociale alla fine del mondo antico. In *Il passaggio dall'antichità al medioevo in Occidente: settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo, IX*. Spoleto, Presso la sede del Centro, pp. 410–425.

Mommsen T. (Ed.) (1882) *Iordanis Romana et Getica*. In *Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi*. Berlin, Weidmann, T. 5.1, 200 s.

Mommsen T. (Ed.) (1892) *Anonymi Valesiani pars posterior*. In *Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi*. Berlin, Weidmann, T. 9, 756 s.

Mommsen T. (Ed.) (1894) *Cassiodorus Variae*. In *Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi*. Berlin, Weidmann, T. 12, 597 s.

Mommsen T., Krueger P. (Eds.) (1905) *Codex Theodosianus*. Berlin, Weidmann, 540 s.

Moorhead J. (1978) The Laurentian Schism: East and West in the Roman Church. In *Church History*, vol. 47, iss. 2, pp. 127–128.

- Moorhead J. (1992) *Teoderic in Italy*. Oxford, Oxford University Press, 312 p.
- Nehlsen H. (1969) *Edictum Theoderici*. In *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Germanistische Abteilung*, Bd. 86, ss. 246–260.
- Ożóg M. (2015) The authorship of the so-called Edict of Theoderic. In Skowrońska R., Flachenecker H. (Eds.) *Leben Zwischen und Mit den Kulturen Studien zu Recht, Bildung und Herrschaft in Mitteleuropa*. Toruń, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, ss. 11–22.
- Paradisi B. (1987) *Studi sul medioevo giuridico*. Roma, Istituto storico italiano per il Medio Evo, 1204 p.
- Rasi P. (1953) *Sulla paternità del c. d. Edictum Teoderici regis*. Modena, Società Tipografica Modenese, 62 p.
- Saita B. (1999) The Ostrogoths in Italy. In *Polis: revista de ideas y formas políticas de la antigüedad clásica*, no. 11, pp. 197–216.
- Schellenberg H. (1965) *Die Interpretationen zu den Paulussentenzen*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 507 s.
- Schlosser H. (1982) *Grundzüge der neueren Privatrechtsgeschichte*. Heidelberg, Uni-Taschenbücher, 882 s.
- Stein P. (1999) *Roman Law in European History*. Cambridge, Cambridge University Press, 148 p.
- Strzelczyk J. (1984) *Goci – rzeczywistości i legenda*. Warszawa, PTW Warszawa, 250 p.
- Udal'tsova Z. V. (1959) *Italiya i Vizantiya* [Italy and Byzantium]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 547 p.
- Valentinova D. (2017) When Two Worlds Collide and Merge: «At first I wanted to erase the Roman name and convert all Roman territory into a Gothic empire». In *Bulgaria Mediaevalis*, no. 8, pp. 31–46.
- Vismara G. (1956) Romani e Goti di fronte al diritto nel regno ostrogoto. In *I Goti in occidente. Problemi: settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo, III*. Spoleto: Presso la sede del Centro, pp. 409–464.
- Vismara G. (1967) *Edictum Theodorici. Ius Romanum Medii Aevi, Pars 1, 2b aa alpha*. Milano, Giuffrè, 192 p.
- Watson A. (1985) *The Evolution of Western Private Law*. Baltimore, Johns Hopkins Press, 402 p.
- Wolfram H. (1988) *History of the Goths*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 580 p.
- Wormald P. (2003) The Leges Barbarorum: Law and Ethnicity in the Ostrogothic West. In Goetz H.-W., Jarnut J., Pohl W. (Eds.) *Regna and Gentes: the relationship between late antique and early medieval peoples and kingdoms in the transformation of the Roman world*. London, Brill, pp. 21–53.

ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЯЗЫК. РЕЧЬ. КОММУНИКАЦИЯ: РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ»

Рябова Ирина Юрьевна

Доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
кандидат филологических наук, ORCID: 0000-0001-5904-8971,
e-mail: i.yu.ryabova@usla.ru

Рядовых Наталья Александровна

Старший преподаватель кафедры русского, иностранных языков и культуры речи
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
кандидат филологических наук, ORCID: 0000-0001-8186-4449,
e-mail: n.a.ryadovykh@usla.ru.

Для цитирования: Рябова И. Ю., Рядовых Н. А. Итоги международной научно-практической конференции «Язык. Речь. Коммуникация: развитие языковой личности в профессиональном дискурсе» // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 6. С. 83–91. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_6_83.

«LANGUAGE. SPEECH. COMMUNICATION: THE DEVELOPMENT OF A LINGUISTIC PERSONALITY IN PROFESSIONAL DISCOURSE»: RESULTS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE

Ryadovykh Natalia

Associate professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), candidate of philological sciences,
ORCID: 0000-0001-8186-4449, e-mail: n.a.ryadovykh@usla.ru.

Ryabova Irina

Senior lecturer, Ural State Law University (Yekaterinburg), candidate of philological sciences,
ORCID: 0000-0001-5904-8971, e-mail: i.yu.ryabova@usla.ru.

*For citation: Ryadovykh N., Ryabova I. (2021) «Language. Speech. Communication: The development of a linguistic personality in professional discourse»: results of the international scientific and practical conference. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 83–91, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_6_83.*

Международная научно-практическая конференция «Язык. Речь. Коммуникация: Развитие языковой личности в профессиональном дискурсе» состоялась в Уральском государственном юридическом университете (далее – УрГЮУ) 2 и 3 декабря 2021 г. Научное мероприятие было приурочено к 85-летию образования кафедры русского, иностранных языков и культуры речи и 80-летию со дня рождения заслуженного работника высшей школы РФ, почетного профессора УрГЮУ, доктора педагогических наук Константина Михайловича Левитана. Событие объединило российских и зарубежных исследователей в области дискурсивной лингвистики, методики преподавания иностранных языков и русского языка как иностранного, теории и практики перевода.

На открытии конференции доктор юридических наук, заведующий кафедрой земельного, градостроительного и экологического права, проректор по научной рабо-

те УрГЮУ А. В. Винницкий подчеркнул, что язык и речь имеют определяющее значение в правовой сфере. В ходе выступления был выделен ряд проблем, касающихся современной юридической речи. Так, было отмечено, что в последнее время принимаются отдельные законодательные акты, сложная лингвистическая структура которых затрудняет понимание текста даже у профессионалов¹. По мнению специалистов, «вопрос доступности законодательных текстов для понимания» должен стать предметом «общей заботы» юриспруденции и лингвистики². Сегодня отраслевая юридическая наука формирует запрос на языковую компетентность, прежде всего в области русского языка. Так, в соответствии с Программой стратегического развития Уральского государственного юридического университета в рамках проекта «Евразийское правовое общество» русский язык рассматривается в качестве рабочего языка интеграционного образования при профессиональной подготовке специалиста наднациональной компетенции. Ключевая роль русского языка как средства взаимодействия народов России и Монголии, в том числе в сфере юриспруденции, была отмечена в приветственном слове советника Посольства Российской Федерации, руководителя представительства Россотрудничества в Монголии А. Р. Базархандаева. В выступлении доктора юридических наук, заведующего кафедрой международного и европейского права УрГЮУ Л. А. Лазутина подчеркивалось первостепенное значение педагогики в процессе профессиональной подготовки языковой личности, уделялось внимание эффективности педагогически выверенных методов при обучении различным языкам. Многие из затронутых вопросов нашли отражение в программных выступлениях участников конференции.

Пленарное заседание открыл доктор педагогических наук, профессор кафедры русского, иностранных языков и культуры речи УрГЮУ К. М. Левитан. В докладе «Ценностный аспект развития языковой личности студентов в научно-образовательном пространстве юридического дискурса» им была представлена парадигма идей ценностной педагогики. Докладчик выделил основные направления, коррелирующие с представлением о «духовном ядре личности»³: гуманистическая направленность, выход на смысложизненную проблематику развивающейся личности, усиление роли личностного аспекта, связанного с личностным проживанием человеком новой образовательной ситуации⁴. В качестве практического транслятора обозначенных ценностей кандидат педагогических наук, доцент М. А. Югова представила учебник «Английский язык для юриста», созданный авторским коллективом кафедры русского, иностранных языков и культуры речи УрГЮУ.

Кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры английского языка Томского государственного университета (Томск) О. С. Головки продемонстрировала технологию профессионального дискурс-анализа, используемого при обучении иностранному языку в неязыковом вузе. Концепция дискурса, разработанная в трудах В. И. Карасика⁵ и применяемая в ходе дискурс-анализа, позволяет глубже понять смысловое содержание текста, скрытое за лексико-грамматической формой текстовых компонентов. Перспективность применения дискурс-анализа в процессе изучения иностранных языков обуславливается возможностью адаптации методики к различным сферам профессионального образования. Доктор педагогических наук, заведующий кафедрой иностранных языков и перевода Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург) (далее – УрФУ) Л. И. Корнеева провела сравнительный анализ российского и зарубежного опыта подготовки лингвистов-переводчиков и показала компетентностную модель будущего лингвиста-переводчика в сфере межкультурной коммуникации. В качестве регулятора данной модели был обозначен Этический кодекс переводчика, в соответствии с положениями которого определяется его профессиональная «надежность». Доктор

¹ Кнутов А. В. Плаксин С. М. Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 7.

² Белов С. А., Гулида В. Б. Язык юридических документов: сложности понимания // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2019. Т. 1. № 15. С. 98.

³ Франкл В. Доктор и душа: Логотерапия и экзистенциальный анализ / пер. с нем. Л. Сумм, ред. К. Чистопольская. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. С. 15.

⁴ Левитан К. М. Юридическая педагогика. М.: Норма, 2021.

⁵ Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

юридических наук, профессор кафедры теории государства и права УрГЮУ С. В. Ковдан обосновал необходимость профессионального терминологического анализа в области юридического источниковедения. Аналитическое осмысление, унификация используемых терминов, осторожность при введении нового терминологического аппарата были названы в числе компетентностных составляющих языковой личности, реализующейся в правовой сфере. Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии, директор научной библиотеки УрГЮУ О. А. Овчинникова отразила в своем докладе ключевые вехи 85-летней истории кафедры русского, иностранных языков и культуры речи, отметила хранящиеся в библиотеке университета основные научные труды педагогов кафедры.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, директор Института государственного и международного права УрГЮУ Д. Н. Сергеев выступил с докладом «Моя твоя понимай нету: зачем юристу иностранный язык?», в котором опирался на структурно-синтаксический анализ и сопоставление формальных структур двух языков: русского и китайского. Оратор подчеркнул, что право и язык не могут считаться концептуальными областями, существующими отдельно друг от друга, они тесно взаимосвязаны, при этом иностранный язык обогащает правосознание юриста.

О том, каким должно быть учебное пособие для развития языковой и коммуникативной компетенций у студентов-иностранцев, рассказала доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург) Е. В. Дзюба. Автор отметила, что учебник должен соответствовать холистической стратегии презентации информации о стране, стратегии мультикультурализма, способствовать развитию всех видов речевой деятельности, быть поликодовым и т. д. Оформленный в жанре экскурсии учебник по русскому языку как иностранному «Прогулки по Екатеринбургу» может применяться студентами и в целях самообразования. Актуальные проблемы современного корпоративного образования осветила кандидат педагогических наук, директор Академии корпоративного обучения (Москва) А. С. Лазарева. По итогам работы в сфере корпоративного образования она пришла к заключению, что обучение иностранному языку осуществляется на основе синергии предметного и лингвистического знаний, при этом наиболее эффективной является модель междисциплинарного обучения с акцентом на личные усилия. С докладом на тему «Воспитание толерантности в процессе обучения деловой иноязычной коммуникации» выступила кандидат филологических наук, доцент кафедры «Педагогика, межкультурная коммуникация и русский как иностранный» Самарского государственного технического университета (Самара) Н. А. Гриднева. Автор обратилась к вопросу о роли самого ценного компонента межкультурного общения – приемлемости инаковости и национально-культурной специфики другого.

В ходе пленарных заседаний выступающие уделили внимание проблемам формирования профессиональной языковой личности иностранных студентов, включенных в общий контингент обучающихся вуза. Решение вопросов межкультурного взаимодействия связывалось со спецификой преподавания русского языка как иностранного, с особенностями учебно-методического обеспечения. Кандидат филологических наук, доцент (Сиэтл) Е. Б. Берг обратила внимание на важность дискурсивного подхода при обучении иностранных студентов русскому языку. Сочетание собственно лингвистических и экстралингвистических факторов позволяет эффективно проецировать на высказывание исторический, социально-политический и культурологический контекст. Данный принцип положен в основу представленного автором учебника «Резонанс: русский язык для начинающих»¹. Изданный и используемый за рубежом билингвальный учебник Е. Б. Берг принципиально отличается от составленных иностранными авторами аналогов, где дискурсивные сигналы создают искаженное представление о России и русском языке. Проблемы межкультурной дидактики обсуждались в докладе кандидата педагогических наук, доцента кафедры иностранных языков и перевода УрФУ Т. В. Куприной. Отмечалось, что современные исследователи выводят следующую формулу эффективной коммуникации: IQ (коэф-

¹ Berg E. Resonance Russian for Beginners. Seattle: Language Interface Publishing, 2021.

фициент умственного развития) + EQ (эмоциональный интеллект) + CQ (культурный интеллект)¹. Докладчик представила учебник «Основы межкультурной дидактики»², материалы которого направлены на гармоничное развитие у студентов перечисленных *soft skills* как компонентов формулы успешного коммуникативного взаимодействия.

Кандидат филологических наук, доцент департамента иностранных языков, руководитель секции РКИ Национального исследовательского университета МФТИ (Москва) О. В. Долгих рассказала о специфике формирования языковой личности на уроках русского языка как иностранного в техническом вузе. Докладчиком была предложена оригинальная методика, позволяющая при обучении русскому языку как иностранному пластично сочетать гуманитарные и технические образовательные линии, рассказывать о науке – «физике» – с помощью достижений культуры – «лирики». Кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и социально-культурной коммуникации Уральского государственного медицинского университета (Екатеринбург) А. Х. Закирьянова проанализировала особенности профессионально ориентированных текстов, с помощью которых иностранные студенты изучают русский язык. Было предложено рассматривать использование предметно-тематических текстов на этапе довузовской подготовки в качестве методической основы дальнейшего развития профессиональной языковой личности студента-иностранца. О необходимости адаптации аутентичных научно-учебных текстов, на основе которых иностранные студенты обучаются совместно с носителями языка, говорила кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского, иностранных языков и культуры речи УрГЮУ Н. А. Рядовых. Комплексная методика адаптационного трансформирования, описанная докладчиком, рассматривалась в качестве инструмента для создания методического пособия для иностранных студентов на базе текстового материала учебника «Культура речи и риторика для юриста», подготовленного под общей редакцией Н. А. Юшковой³. Учебные тексты, адаптированные к уровню знания русского языка, позволят успешно освоить дисциплину «Культура речи юриста», что упрочит коммуникативные компетенции иностранных студентов как будущих специалистов в сфере юриспруденции.

Обсуждение программных вопросов конференции продолжилось в рамках секционных заседаний. Так, доклады участников секции «Развитие дискурсивных компетенций студентов в контексте профессионально ориентированного обучения культуре речи и риторике» затрагивали вопросы, преимущественно связанные с дидактическими особенностями развития профессиональной речевой культуры в юридической студенческой среде. Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорской деятельности УрГЮУ М. М. Черепанов выразил озабоченность по поводу недостаточной речевой компетентности отдельных прокурорских работников. Докладчик указал на необходимость составления профессионального словника, в котором кодифицировалась бы лексическая сочетаемость составных юридических терминов. По мнению педагога-юриста, умение оперировать клишированными терминологическими конструкциями следует отнести к учебным задачам, направленным на формирование речевой профессиональной грамотности будущих правоведов. Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи УрГЮУ А. В. Снигирев обратил внимание аудитории на проблемы нового речеведческого курса «Профессиональная речь юриста». В частности, по словам докладчика, при апробации курса на занятиях с магистрантами, многие из которых являются практикующими юристами, были выявлены тематические лакуны, заполнение которых соотносится с актуальными запросами самих обучающихся. Расширение содержательного наполнения курса в соответствии с тенденциями современной юридической практики представляется перспективным направлением методико-дидактической деятельности преподавателей культуры речи.

¹ Shankman M. L., Allen S. J., Haber-Curran P. Emotionally Intelligent Leadership: A Guide for Students. San Francisco: Jossey Bass, 2015.

² Петрикова А., Куприна Т., Галло Я. Основы межкультурной дидактики. М.: Русский язык. Курсы, 2015.

³ Культура речи и риторика для юристов: учеб. и практикум / под общ. ред. Н. А. Юшковой. М.: Юрайт, 2019.

О проектных технологиях индивидуального и командного (группового) типа в аспекте развития языковой личности обучающихся рассказала кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского, иностранных языков и культуры речи УрГЮУ Н. А. Юшкова. В ее докладе уточнялось дидактическое и методическое своеобразие заданий, связанных с созданием публичных выступлений в рамках курса «Ораторское мастерство»: индивидуальных проектов описательного и повествовательного характера «Книжный шкаф» и «КультУрал», ориентированных на расширение личностного культурного пространства, и командных проектов аргументативного характера «Судебное заседание» и «Дискуссионный клуб». Кроме того, подчеркивалось, что «публичное обсуждение проблемных вопросов требует от говорящего не только четкой аксиологической позиции, которая является основой аргументативного дискурса, но и активно выраженной установки организовать своей речью рефлексию слушателей, повлиять на их аксиологические установки»¹. Резюмируя выступление, Н. А. Юшкова заострила внимание на том, что использование проектных технологий, предполагающих публичные выступления студентов-юристов, принципиально значимо для становления дискурсивных способностей будущих специалистов.

Тема развития риторических навыков у студентов-правоведов была продолжена в выступлении кандидата филологических наук, доцента кафедры русского, иностранных языков и культуры речи УрГЮУ Ю. Б. Феденевой. В докладе отмечалось, что большое значение для будущей профессиональной деятельности юриста имеет способность выстраивать стратегии убеждения и достигать соответствующего результата. В качестве источника риторической аргументации был рассмотрен аргумент к норме. Анализ студенческих работ, выполненных в ходе моделирования процессов аргументации, показал высокую эффективность аргумента к норме как доказательству, основанному на конвенциональной иерархии ценностей и отражающему «общепринятый порядок вещей»². В докладе кандидата филологических наук, доцента кафедры русского, иностранных языков и культуры речи УрГЮУ С. В. Панченко одним из инструментов обучения и развития речевых компетенций студентов-юристов был назван жанр эссе. Докладчик отметила специфику «предтекстовой деятельности преподавателя как путевода для студента-эссеиста», озвучила список наводящих вопросов, ответы на которые будут способствовать успешной работе над эссе, а также описала типичные ошибки студенческих эссе. Подчеркивалось, что комплексная реализация лингвокогнитивной триады «мышление – речь – язык», характерная для жанра эссе, способствует развитию критического мышления и риторических навыков будущих специалистов.

Неподдельный интерес у слушателей вызвал доклад кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ Ю. Б. Пикулевой. Она затронула тему рекламного дискурса в коронавирусную эпоху. Лингвокультурологические наблюдения, сделанные исследователем, позволили выявить специфику взаимодействия социальной и коммерческой рекламы, показать новые тенденции развития рекламного дискурса. Способность отслеживать дискурсивные (экстралингвистические) трансформации в их вербальном отражении может рассматриваться как одна из компетенций, формирующих языковую личность профессионала.

Целый блок выступлений участников конференции был связан с применением информационно-коммуникационных технологий. В рамках работы секции «Дистанционное и электронное обучение языкам, создание развивающей языковой среды» участники отметили, что преподаватель должен обладать высоким уровнем цифровой компетенции и быть «дирижером» онлайн-обучения. В большинстве докладов была затронута тема управляемой адаптации образовательного процесса. Так, старший преподаватель кафедры русского, иностранных языков и культуры речи УрГЮУ Л. В. Шаповалова указала на необходимость трансформации процесса обучения с учетом лингвистически одаренных студентов.

¹ Юшкова Н. А. Становление аксиологических установок личности в процессе построения аргументации // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты: материалы VI Междунар. науч.-метод. конф. (22 мая 2020 г.). Омск: ОАБИИ, 2020. С. 120.

² Волков А. А. Курс русской риторики. М.: Русская панорама. Кафедра, 2013. С. 180.

Широкий обзор получила тема использования цифровых образовательных платформ (например, Moodle), которая была освещена в докладе кандидата педагогических наук, доцента кафедры делового иностранного языка Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург) Ю. В. Саламатиной и продолжена в выступлении доцента кафедры русского, иностранных языков и культуры речи УрГЮУ Н. В. Ялаевой и старшего преподавателя той же кафедры Н. В. Садыковой. Красной нитью выступлений стала идея корреляции процесса тестирования, развития эмотивного компонента в процессе обучения, повышения мотивации учащихся. Тему обучения студентов неязыковых вузов иностранному языку с применением CLIL-технологий затронула в своем докладе кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой иностранных языков Уральского государственного аграрного университета (Екатеринбург) Н. И. Сорокина.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и перевода УрФУ А. А. Белозерова сделала вывод о том, что дистанционное обучение становится виртуальным пространством, в котором можно использовать межкультурный компонент. Кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи УрГЮУ В. М. Пряхин выступил с сообщением о параметрах отбора цифрового продукта при моделировании цифровой образовательной среды. Старшие преподаватели кафедры И. В. Лебедь и Т. А. Разгонова сфокусировали внимание аудитории на создании мультимедийного подкаста Tredia как одного из эффективных способов обучения иноязычному юридическому дискурсу в эпоху цифровизации. Развитие иноязычной компетенции в условиях проектной цифровой среды вуза было освещено в докладе представителей УрФУ – кандидата педагогических наук, доцента кафедры иностранных языков и перевода А. Г. Ковалевой и аспиранта А. Д. Ушаковой.

Становление дискурсивных компетенций студентов в контексте профессионально ориентированного обучения иностранным языкам является доминантным компонентом в образовательной матрице высшего учебного заведения. Немаловажную роль при развитии у студентов профессионально ориентированных компетенций играет когнитивный подход, который, по замечанию А. В. Щепиловой, «направлен на установление закономерностей познания обучающимся лингвистических явлений, разработку техник и стратегий, обеспечивающих овладение иностранным языком и общение на нем; на развитие способности обучающегося эффективно конструировать ментальные представления о языке, совершенствовать их и использовать в речи»¹. В докладе кандидата педагогических наук, доцента кафедры русского, иностранных языков и культуры речи УрГЮУ М. А. Юговой и старшего преподавателя той же кафедры С. В. Павловой прозвучала мысль о том, что эффективная организация и мониторинг самостоятельного усвоения учебного материала развивают способности к самообразованию, что является одной из ключевых компетенций будущего юриста. основополагающие принципы самостоятельной работы студентов технического вуза при дистанционном обучении были охарактеризованы кандидатом филологических наук, доцентом кафедры «Педагогика, межкультурная коммуникация и русский как иностранный» Самарского государственного технического университета (Самара) К. С. Опариной.

Межнациональный компонент задает условия для использования адаптационных технологий и построения преподавателем в образовательном процессе определенных траекторий, направленных на овладение студентами межкультурной компетенцией. Так, об организации профессиональной языковой подготовки будущих специалистов на основе межкультурной коммуникации рассказала кандидат педагогических наук, доцент кафедры профессионально-ориентированного языкового образования Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург) Г. В. Походзей. Тема поликультурного обучения прозвучала в сообщении старшего преподавателя кафедры русского, иностранных языков и культуры речи УрГЮУ С. Н. Таюрской. Авторы докладов отметили ценностный компонент в формировании

¹ Щепилова А. В. Когнитивизм в лингводидактике: истоки и перспективы // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2013. № 1. С. 45–55.

социокультурных реалий и неизбежную трансформацию собственного «культурного» опыта. О методике реверсивного обучения иностранному языку рассказала старший преподаватель кафедры иностранных языков и перевода УрФУ Д. Е. Жданова.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры профессионально-ориентированного языкового образования Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург) Л. Е. Зеленина сфокусировала внимание на применении юридической терминологии как средстве развития профессиональной компетенции будущих специалистов при обучении итальянскому языку. Старшие преподаватели кафедры русского, иностранных языков и культуры речи УрГЮУ Н. И. Ходенкова и Е. В. Жеребцова выступили с сообщением о методах и принципах работы над аргументационным эссе, обозначив методику радиальных диаграмм как один из возможных способов интеграции и систематизации знания о предложенной теме.

Секция, посвященная проблемам межкультурной коммуникации и переводу, собрала исследователей в области устного перевода. Выступавшие применяли различные подходы к тексту, рассматривая его как языковой феномен художественного стиля и как способ реализации профессионального дискурса.

Кандидат филологических наук, доцент УрФУ М. Ю. Бродский обратился к трудностям устного перевода в рамках трансфера знания между русским и английским языками, формирующими когнитивную сеть, в которой «конструируется» инвариантное значение слова, подлежащее переводу: «Следует иметь в виду, что в любом языке осуществляются акты интерпретации мира индивидуумом...»¹. Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, доцент кафедры иностранных языков и перевода УрФУ В. И. Бортников остановился на стихотворных переводах первого монолога сатаны в поэме Дж. Мильтона «Потерянный рай», избрав в качестве предмета анализа размещение маркеров текстовых категорий. Тематику художественного перевода сквозь призму прецедентности при сопоставительном анализе двух переводов поддержала кандидат филологических наук, декан факультета лингвистики и педагогики Московской международной академии (Москва) М. С. Пестова.

В отличие от художественной литературы переводы специализированных текстов расширяют круг дидактических возможностей в процессе профессионально ориентированного обучения. Так, в докладе кандидата филологических наук, доцента кафедры русского, иностранных языков и культуры речи УрГЮУ И. С. Бедриной подчеркивалась важность становления навыков профессионального переводчика, позволяющих студентам активно включаться в иноязычный юридический дискурс через модельные судебные процессы. В сообщении кандидата педагогических наук, доцента кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь) Ю. О. Швецовой отмечалась значимость эрудиции устного переводчика и его профессионального любопытства, которое позволяет интегрировать знания для собственного интеллектуального развития и носит декларативный характер. Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи УрГЮУ М. В. Боровкова высказала мысль о том, что медиапространство может являться источником профессиональной языковой картины мира юриста.

Работа конференции была продолжена в рамках заседаний круглого стола. Сразу два обсуждения было проведено в данном формате. Одно из заседаний посвящалось вопросам изучения русского языка как иностранного в дружественной Монголии. Соорганизаторами профессионального обсуждения выступили Представительство Россотрудничества в Монголии и Центр русского языка «Монгольская академия русского языка» при Русском доме в Улан-Баторе. Кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков Национального университета медицинских наук (Улан-Батор, Монголия) Тумурхуяг Баттумурийн показала, как с опорой на методологическую базу, сформированную российскими исследователями², изучает-

¹ Скворцов О. Г. Перевод деловой и юридической документации: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 8.

² Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург: Изд-во Урал. пед. ун-та, 2001.

ся политический дискурс в Монголии. Докладчики выразили деятельное намерение способствовать укреплению международных взаимосвязей, продвижению русского языка в иноязычной, прежде всего монгольской, образовательной сфере. Директор Центра русского языка «Монгольская академия русского языка», руководитель Ресурсного центра УрГЮУ в Монголии (Улан-Батор, Монголия) Ж. Батнасан рассказала о работе Центра русского языка в Монголии, познакомила участников круглого стола с методикой преподавания русского языка монгольским студентам, описала дидактические приемы, способствующие формированию русской речевой культуры. О необходимости освоения профессионально-дискурсивной специфики русского языка при поступлении иностранных студентов в российские вузы говорила директор Института Открытого образования на русском в Монголии (Улан-Батор, Монголия) Д. В. Борисова.

Старший преподаватель кафедры иностранного языка Уральского государственного аграрного университета (Екатеринбург) Н. Ю. Лазукина предложила коллегам, преподающим русский язык как иностранный, реализовывать принцип активной грамматики с помощью методов и приемов, разработанных в процессе собственной педагогической практики. О решении проблем обучения русскому языку детей мигрантов говорил учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 21 (Екатеринбург) П. О. Земцов. Выступавший выделил направления работы с детьми-инофонами, отметил важность раннего преодоления коммуникативных барьеров на пути развития навыков межкультурного общения.

Традиционным стало проведение круглого стола в качестве платформы для обмена научными идеями среди студентов, магистрантов и аспирантов. В этом году с докладами общей направленности «Деловая коммуникация и профессиональный дискурс» выступили обучающиеся четырех вузов: Оренбургского государственного педагогического университета, Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральского государственного педагогического университета и Уральского государственного юридического университета. Будущие специалисты и молодые ученые затронули широкий спектр вопросов, приняли живое участие в обсуждении заявленных тем, которые касались особенностей юридического дискурса, деловой коммуникации, а также проблем перевода и компаративистики.

Работа международной научно-практической конференции, посвященной значимым юбилейным датам, носила конструктивный и творческий характер. В рамках пленарных, секционных заседаний, круглых столов прозвучало более 60 докладов и сообщений. Результатом всестороннего обсуждения научных идей и методических подходов, связанных с развитием языковой личности в профессиональном дискурсе, станет издание коллективной монографии.

Список литературы

- Белов С. А., Гулида В. Б. Язык юридических документов: сложности понимания // *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2019. Т. 1. № 15. С. 56–103.
- Волков А. А. Курс русской риторики. М.: Русская панорама. Кафедра, 2013. 413 с.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
- Кнутов А. В. Плаксин С. М. Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 311 с.
- Культура речи и риторика для юристов: учеб. и практикум / под общ. ред. Н. А. Юшковой. М.: Юрайт, 2019. 321 с.
- Левитан К. М. Юридическая педагогика. М.: Норма, 2021. 416 с.
- Петрикова А., Куприна Т., Галло Я. Основы межкультурной дидактики. М.: Русский язык. Курсы, 2015. 376 с.
- Скворцов О. Г. Перевод деловой и юридической документации: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 139 с.
- Франкл В. Доктор и душа: Логотерапия и экзистенциальный анализ / пер. с нем. Л. Сумм, ред. К. Чистопольская. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 338 с.
- Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург: Изд-во Урал. пед. ун-та, 2001. 238 с.
- Щепилова А. В. Когнитивизм в лингводидактике: истоки и перспективы // *Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2013. № 1. С. 45–55.

Юшкова Н. А. Становление аксиологических установок личности в процессе построения аргументации // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты: материалы VI Междунар. науч.-метод. конф. (22 мая 2020 г.). Омск: ОАБИИ, 2020. С. 117–121.

Berg E. *Resonance Russian for Beginners*. Seattle: Language Interface Publishing, 2021. 362 p.

Shankman M. L., Allen S. J., Haber-Curran P. *Emotionally Intelligent Leadership: A Guide for Students*. San Francisco: Jossey Bass, 2015. 252 p.

References

Belov S. A., Gulida V. B. (2019) Yazyk yuridicheskikh dokumentov: slozhnosti ponimaniya [The language of legal documents: difficulties of understanding]. In *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, vol. 1, no. 15, pp. 56–103.

Berg E. (2021) *Resonance Russian for Beginners*. Seattle, Language Interface Publishing, 362 p.

Chudinov A. P. (2001) *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory* [Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo pedagogicheskogo universiteta, 238 p.

Frankl V. (2017) *Doktor i dusha: Logoterapiya i ekzistentsional'nyi analiz* [Doctor and soul: logotherapy and existential analysis], transl. from German by L. Summa, ed. by K. Chistopolskaya. Moscow, Al'pina non-fikshn, 338 p.

Karasik V. I. (2004) *Yazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis, 390 p.

Knutov A. V. Plaksin S. M. (2020) *Slozhnost' rossiiskikh zakonov. Opyt sintaksicheskogo analiza* [The complexity of Russian laws. The experience of syntactic analysis]. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 311 p.

Levitan K. M. (2021) *Yuridicheskaya pedagogika* [Legal pedagogy]. Moscow, Norma, 416 p.

Petrikova A., Kuprina T., Gallo Ya. (2015) *Osnovy mezhkul'turnoi didaktiki* [Fundamentals of intercultural didactics]. Moscow, Russkii yazyk. Kursy, 376 p.

Shankman M. L., Allen S. J., Haber-Curran P. (2015) *Emotionally Intelligent Leadership: A Guide for Students*. San Francisco, Jossey Bass, 252 p.

Shchepilova A. V. (2013) Kognitivizm v lingvodidaktike: istoki i perspektivy [Cognitivism in linguodidactics: origins and prospects]. In *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser.: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoie obrazovanie*, no. 1, pp. 45–55.

Skvortsov O. G. (2019) *Perevod delovoi i yuridicheskoi dokumentatsii* [Translation of business and legal documentation]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 139 p.

Volkov A. A. (2013) *Kurs russkoi ritoriki* [Russian rhetoric course]. Moscow, Russkaya panorama. Kafedra, 413 p.

Yushkova N. A. (2020) Stanovlenie aksiologicheskikh ustanovok lichnosti v protsesse postroeniya argumentatsii [Formation of axiological attitudes of personality in the process of argumentation construction]. In *Problemy modernizatsii sovremennogo vysshego obrazovaniya: lingvisticheskie aspekty: conference papers*. Omsk, OABII, pp. 117–121.

Yushkovoii N. A. (Ed.) (2019) *Kul'tura rechi i ritorika dlya yuristov* [Culture of speech and rhetoric for lawyers]. Moscow, Yurait, 321 p.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Редактор *Н. Н. Рассохина*
Дизайн обложки *И. М. Митрофановой*
Компьютерная вёрстка *Н. Н. Рассохиной*

Подписано к использованию 21.03.22.
Уч.-изд. л. 10,88. Объем 1,25 МВ.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит